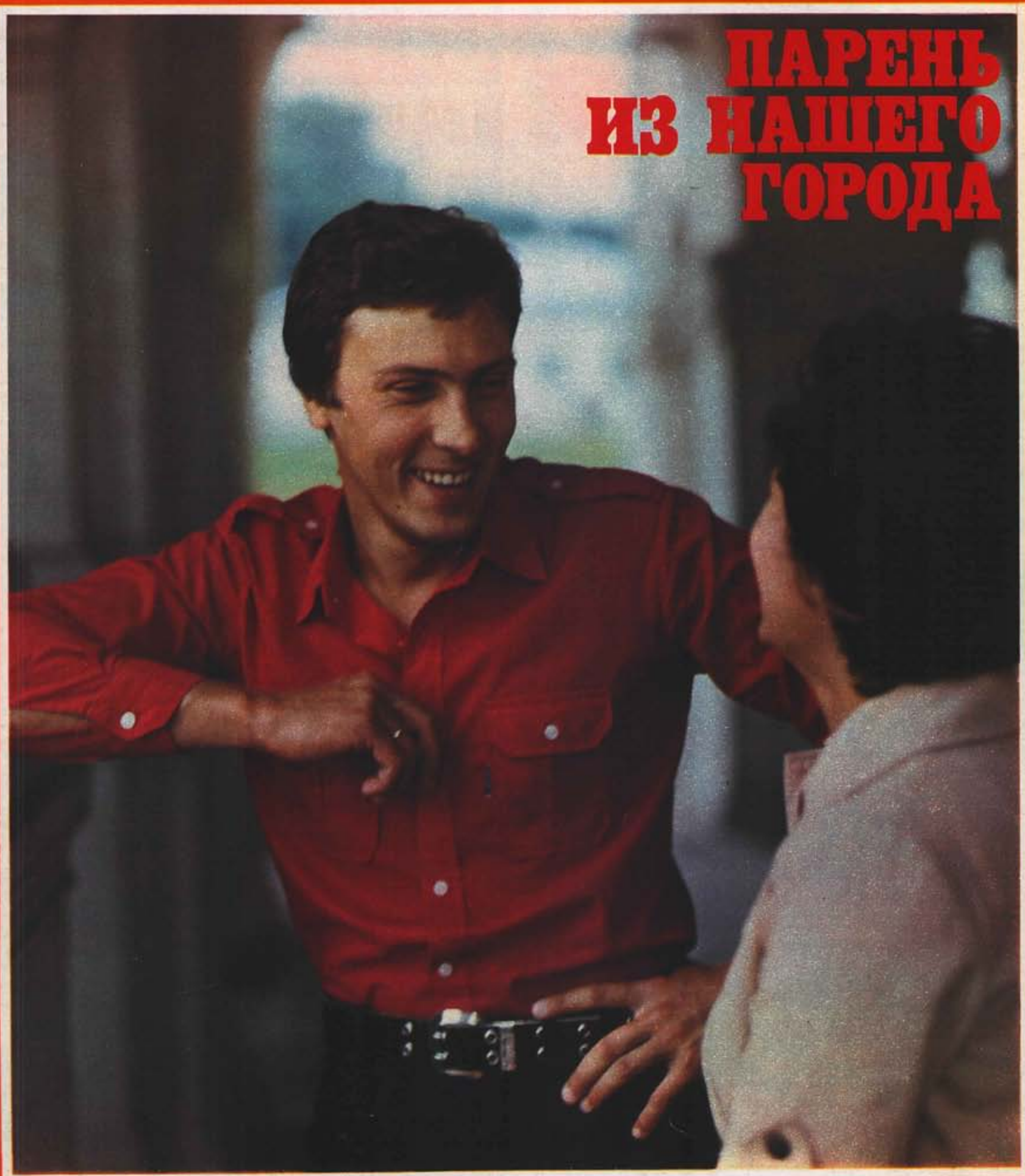

СМЕНА

№ 11 июнь 1983

**ПАРЕНЬ
ИЗ НАШЕГО
ГОРОДА**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1345) ИЮНЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Сергей ДЮЖЕВ,
рабочий ЗИЛа,
делегат
XIX съезда ВЛКСМ.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

Фотоочерк
«МОДЕЛЬ НА ЗАВТРА» —
на 4-й странице.

- 1 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. КНИГА «СМЕНИ» ОБ УРЕНГОЕ. Стихи Альберта КРАВЦОВА, Татьяны НОВИКОВОЙ, Валерия ЛАТЫНИНА, Владимира МЕТЕЛЬКОВА.
- 2 Михаил АЛЕКСЕЕВ, Герой Социалистического Труда. «УСТОЙ».
- 4 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. «МОДЕЛЬ НА ЗАВТРА». Фотоочерк Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 10 Рассказ Отара ДЕМЕТРАШВИЛИ «ВОСПОМИНАНИЯ У СТАРОГО ТОПОЛЯ».
- 13 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 14 «ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ».
- 17 «ВИРТУОЗЫ». Фоторепортаж Натальи ЛАГИНОЙ и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 20 ЦРУ ПРОТИВ НАС. Николай ЯКОВЛЕВ. «КЛУБ ГОСПОД» И НАУКА».
- 22 Политический детектив Леонида МЛЕЧИНА «ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА».
- 25 «ХОРОВОД МАСОК».
- 28 ОТЕЧЕСТВО. «СЕВАСТОПОЛЬ». Фотоочерк Ираиды ПОТЕХИНОЙ и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 30 Стихи Валентина ЛУКШИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,

В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор А. В. Исеева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

Альберт КРАВЦОВ

Буровая

Герою Социалистического Труда
В. М. Агафонову

Рубеж достигнут — у телефона,
весь напряженье, сам Агафонов.
Кому — для сердца,
кому — для сводки:
рубеж достигнут — рубеж проходки.
Он добивался весь год рекорда,
он смотрит гордо.
Он смотрит гордо на буровую
ночей бессонных и рук натруженных.
А я к работе его ревную
в тех километрах, стране так нужных.

Да, я ревную его к работе,
к его субботе —
не у камина, телевизора,
за чашкой кофе,
за детективом,
а в этой тундре, под вой бурана,
в труде любимом —
всю жизнь любимом.
Эх, что за парни в его бригаде:
Рубцов, Шабанов и Евтушенко.
Я их представил давно б
к награде...
Учет начальство — недооценка, —
воздаст за доблесть,
не славы ради.
Скажу вахтовым:
у вас, товарищи,
однофамилья уж больно лестные.
Они помедлят и — понимающе:

КНИГА «СМЕНА

Освоение
Западной
Сибири...
Задача
огромного,
исторического
значения
для нашей
страны.
Журнал
«Смена»
уже многие
годы
шефствует
над
обустройством
этого
региона.
Вышла в свет
первая
книга
об Уренгое,
о стратегии
освоения
Великого
Зауралья,
написанная
специальными
корреспондентами
«Смены»...

Вероятно, каждый редактор, отправляя журналиста в командировку, находит свои слова для напутствия. И по какому-то счету не столь принципиальна разница между сенсационной экспедицией куда-нибудь в Антарктиду или в Гималаи и внешне вроде бы будничной поездкой в соседний город. Главное, что подразумевается в каждом редакционном задании, — это необходимость ОТКРЫТИЯ. Открытия новых тем, сюжетов, проблем, интересных людей.

В книге, которую вам предстоит прочитать, несколько пластов открытий. Прежде всего она открывает тем, кто знает жизнь Советской страны и ее людей лишь в общих чертах, события и факты, связанные с освоением Великого Зауралья — «планеты Сибирь». О Сибири не скажешь, что это — белое пятно на географической карте. Сегодня богатейший этот край — гигантская строительная площадка. И то, что происходит в сибирском регионе, большем по территории, чем весь континент Австралия или такая страна, как Соединенные Штаты Америки, оказывает серьезнейшее, принципиально важное воздействие не только на развитие советского общества и государства, но и на всю современную систему международных отношений. В мировой опыт разумного, взаимовыгодного разделения труда в союестве стран и народов сибирские масштабные проекты внесли новые элементы, заставили задуматься о возможностях сотрудничества, которые еще далеко не в полной мере используются. И, читая книгу, подготовленную публицистами «Смены» Генрихом Гурковым и Валерием Евсеевым, проиллюстрированную фотографиями Альберта Лехмуса, словно переносишься мыслью и взглядом на бескрайние просторы Сибири, погружаешься в драматичную и динамичную историю ее освоения, адуываешься в стратегию обживания, обустройства трудных и щедрых этих мест.

Вероятно, представляя читателям эту книгу, уместно сказать вот о чем... Журнал ЦК ВЛКСМ «Смена», в котором работают авторы, «открыл» для себя Сибирь давно и основательно. Журналистами «Смены» и ее авторами разных поколений написаны многие очерки, репортажи, рассказы, повести, оставившие некий след в летописи Сибири. Но не только нашими журналистскими и писательскими перьями участвовали мы в делах, свершающихся между Уральским хребтом и Тихим океаном. У советской публицистики есть такая традиция — шефство над главными стройками страны. Редакции устанавливают на таких объектах постоянные корреспондентские пункты, следят за всеми событиями в жизни строек и рождающихся возле них молодых городов, помогают решать большие и малые пробле-

Татьяна НОВИКОВА,
конструктор, Тюмень

Мой город северный

В нашем городе клены голые.
В нашем городе стынь-зима.
В нашем городе ели гордые,
Предзакатная синева.
А сибирские ночи длинные...
Как же долго вас коротать!
У музея часы старинные
Бьют
Двенадцатый раз подряд.
Скоро-скоро покину улицы,
И дома, и деревьев тень,
Жди меня. Обещаю вернуться,
Дорогая моя Тюмень.

Валерий ЛАТЫНИН

Уренгойская погода

Чего хотеть от северной погоды?
Не избалован ею Уренгой.
Погода, разве что чертям в угоду,
То снег,
то воду свет над тайгой.
Ползут дороги из-под вездеходов,
Шарахается в стороны вода.
Чего хотеть от северной погоды?
Мы не на отдых ехали сюда.
Назло чертям мутим в болотах воду
В глухих углах медвежьей стороны
И делаем отличную погоду
Для всей страны...

«Поэты эти для нас известные!»
Хотите, сами у них спросите,
у тех рабочих: они поэты,
когда буреньем по горло сыты,
за километры свои в ответе.
Работа наша! Ты вдохновенье.
Мы одержимы
бессменным творчеством,
и прерывать нам нельзя буренье—
в пласты все глубже
пробиться хочется...
Рубеж достигнут—
у телефона,
весь напряженье, сам Агафонов.
Звучат органно слова отчета:
сдана работа!
Ты помнишь, мастер,
те дни тревоги,
когда растаяли все дороги?

То бездорожье,
те дни простоя,
тоску, зеленую, как хвоя?
Ты помнишь, мастер,
как трактор рвался
на буровую,
как задыхался
мотор машины?
Как были рады
все звеньевые твоей бригады, когда
ты собственной персоной
больной примчался?
В ночи бессонной
вы устранили
с трудом аварию,
как спели песню протяжно старую?..
Да, очень сложной была та скважина!
Не раз он вспомнит о ней,
расскажет.

...Летит сквозь трубы
на звонкой ноте
метель. Ревную вас к работе.
Хочу окинуть хозяйским глазом
мое хозяйство,
исправить разом
все, в чем ошибся, что проглядел я.
Я жажду дела!
В одной бригаде с твоими хлопцами
мне хочется
работы,
чтобы ломило спину,
чтоб нефть увидеть свою
глубинную,
чтоб не рекорды любить, а дело...
Рассвет.
Над тундрой заголубело
и заалело. Настало утро.
Жить стоит мудро!

НЫ" ОБ УРЕНГОЕ

ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ НАЗЫВАЕТСЯ «УРЕНГОЙ. КОНТРАКТ ВЕКА».

МАЛО КОМУ ЗНАКОМОЕ ПРЕЖДЕ СЛОВО «УРЕНГОЙ» СЕГОДНЯ ЗВУЧИТ НА МНОГИХ ЯЗЫКАХ МИРА. ВЕЛИК ИНТЕРЕС К «СДЕЛКЕ ВЕКА» В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. ИМЕННО ПОЭТОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» ПОДГОТОВИЛО К ВЫПУСКУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ. ОСТАЕТСЯ ПОЖЕЛАТЬ, ЧТОБЫ КАК МОЖНО СКОРЕЕ УВИДЕЛО СВЕТ И РУССКОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ОБ УРЕНГОЕ, О СИБИРИ—ЭТОМ КРАЕ КОМСОМОЛЬСКОГО ПОДВИГА. УБЕЖДЕНЫ, ЧТО КНИГА НАЙДЕТ ШИРОКОГО ЧИТАТЕЛЯ СРЕДИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

мы, возникающие в трудном процессе освоения новых мест.

Вот уже почти пятнадцать лет «Смена» шефствует над освоением нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. В последние годы на острие редакционного внимания оказался один из самых юных по возрасту и весьма перспективных городов нашей страны—Новый Уренгой. Наши дружеские отношения с новоуренгойцами начались, впрочем, тогда, когда и города как такового еще не существовало. Небольшой поселок газодобытчиков и строителей только вписывал начальные строки в свою будущую, призванную стать исторической биографию. Описывая тот период, авторы книги не скрывают трудностей, с которыми столкнулись первопроходцы и первостроители Уренгоя. Вот именно тогда наша редакция решила помочь людям уренгойским не только словом, но и вполне предметным делом. В одной из глав книги—подробный рассказ о том, как силами читателей и работников журнала были собраны десятки тысяч книг и построены здания двух библиотек для Уренгоя. Разумеется, эти библиотеки появились бы там и без нашего участия, быть может, лишь годом-двумя позже. Но эта редакционная акция позволила тысячам и тысячам людей, участвовавшим в создании этих библиотек, отправлявшим в подарок для них книги из числа самых дорогих, снятых с домашних полок, ощутить себя причастными к доброму и благородному делу, а самим уренгойцам почувствовать особенно дорогое в нелегких условиях севера тепло человеческих душ. Мы в редакции считаем высокой оценкой своего скромного вклада в развитие Нового Уренгоя то, что одной из улиц города присвоено имя журнала «Смена», что рабочие коллективы на Уренгойском месторождении соревнуются за право получить призы «Смены», а газодобытчики установили ежегодные премии, которыми награждаются лучшие литературные и журналистские работы об освоении Сибири, опубликованные на страницах нашего журнала...

Журналисты «Смены» стали, как говорится, «своими людьми» в Новом Уренгое. И это в полной мере относится к авторам первой книги об Уренгое, которых много раз редакционное задание отправляло туда.

Открытие Сибири продолжается!
Строки ее летописного открытия—тоже. Прочитайте их, подумайте над ними. Пусть и для вас они станут открытием—открытием тех сторон и примет жизни Советской страны и ее людей, которые были вам до этого неизвестны.
В добрый путь!

Альберт ЛИХАНОВ,
главный редактор журнала «Смена»

Владимир МЕТЕЛЬКОВ

Надым

Словно кораблик,
Затерянный в тундре,
Малость уютный,
Не очень высок,
Чуть разлохматив
Зеленые кудри
Дивного парка,
Гудит городок.
Ветры шумят
Среди лиственниц нежных,
Гулко бетон
Под колеса летит,
И вертолет,
Как игрушка, подвешен
Над горизонтом—
Едва тарахтит.

Город старается,
Шлет экспедиции,
Трубы везет;
Кто-то ругается;
Кто-то влюбляется,
И добродушно
Витрины зеркалятся...
Город Надым
В моем сердце живет.

Розы Севера

Здесь, как хрусталь,
Хрупка резина,
Рвет радиаторы мороз,
И если б плакала машина,
Сосульки были б
Вместо слез.
И человеку и металлу—
Сплошной комфорт

Над мерзлотой,
Чтоб в вашем доме расцветала
Конфорка розой голубой,
Сквозь километры, ветры, топи
Легли артерии Земли.
Свое тепло несут к Европе,
Чтоб розы Севера цвели.

У Надым-реки

Грустит поселок Сто седьмой,
Прижат к Надыму
Под Полярным кругом,
Как бастион передовой,
Привычный к наводнениям и вьюгам.
Тверда хозяйская рука,
В бетон и сталь причал закован,
И удивляется река,
И удивляются суда,
Отдав швартовы.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

УСТАТОИ

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат
Государственной премии СССР,
депутат Верховного Совета
РСФСР

Требование жизни. Слова эти исполнены глубочайшего содержания, смысла серьезного и высокого, мудро человеческого достоинства. И не надо, думаю, разъяснять особенно — почему. Да потому просто, что разве можно устроить жизнь человеческую разумно, честно, справедливо, не понимая, как она движется, к чему стремится? Главное требование жизни вообще — сама жизнь. То есть мир, а не война, не уничтожение рода человеческого и прекраснейшей его колыбели — нашей Земли. Это, например, каждому человеку понятно. Должно быть понятно нормальному человеку. А с теми, кто рвется к войне, надо, не мудрствуя лукаво, поступать так, как поступали во все времена у всех народов, — не позволяя им вмешиваться в жизнь. Сделать это непросто — уж больно высокими полномочиями по непонятным нам, советским людям, причинам наделяют в иных странах подобных людей, — но сделать то необходимо. И требуется для этого прежде всего взаимопонимание и солидарность.

Мир — это глобальное требование всякой жизни.

Но пока она есть, пока живут люди, встают на повестку дня и требования, определенные конкретным историческим временем. Не понять их вовремя, не расслышать, не учесть — беда большая. Ибо замедляется, стопорится движение общества вперед. А нам останавливаться нельзя.

Распознать самое насущное требование жизни безошибочно, смело, убежденно и убедительно поставить его перед всей страной, перед всем народом, чтобы каждому человеку ясно стало, чем он теперь прежде всего заняться должен, что с себя, с окружающих требовать надо, — счастливый дар. О том, что дар этот присущ нашей партии, свидетельствует как вся история ее деятельности, так и работа ее в сегодняшние дни. И не просто присущ, а еще развит, укреплен пониманием и знанием жизни народной.

Вот и теперь разве не заметили все мы, что из самых широких масс нашего народа, из среды рабочих и тружеников колхозов и совхозов все сильнее слышался общий глас, требовавший усилить порядок на производстве, приструнить нарушителей трудовой дисциплины. Людям честным стало просто нетерпимо видеть рядом с собой бездельников и тунеядцев, ловко научившихся паразитировать на гуманизме нашего общества. Как личное оскорбление воспринимают порядочные люди подобные явления.

И впрямь, давайте подумаем об этом просто по-человечески, почему честный, трудолюбивый, отвечающий за свои дела и поступки человек, выкладывающийся на работе по-настоящему, без остатка, живет так же, как другой? А другой этот ничего не делает или только создает вид, что занят делом, а практической отдачи людям, обществу от него никакой. И вот живет такой «другой», а я убежден,

что они посторонние в нашем социалистическом обществе, не хуже, а то и лучше людей порядочных.

Разве это справедливо? Разве можно с этим соглашаться?

Посмотрите, что думает на этот счет народ наш. Говорят о человеке, что он работающий, значит, дают ему самую высокую аттестацию, самую лучшую характеристику. Более же уничтожающим званием, чем бездельник, у наших людей и приговоздить нельзя.

А давайте припомним себе, на каких принципах основывалось наше государство, ради каких целей ценой величайших усилий и жертв строилось? Неужто не ради прежде всего искоренения всяческой несправедливости?

А раз так, чего ж нам терпеть! Вот эту поднявшуюся волну народного гнева и презрения к бездельникам, лихоимцам, безответственным бракоделам не пропустила да и не могла пропустить партия. Вопрос о дисциплине, порядке поднят и поставлен ею во всей остроте и сложности. Как завещал нам Ленин: «Если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности».

И народ поддерживает свою партию, как поддерживал ее всегда на самых крутых перевалах нашей истории.

Мне, писателю, что тут особенно важно. То, что не только об экономике и производстве здесь речь. Ведь вопрос о выполнении самых обычных, будничных, негероических трудовых обязанностей можно рассматривать с позиций нравственных. И нужно рассматривать, как это всегда делает народ, для которого отношение к труду было и остается корневищем морали. Из этого-то корня вырастает и плодоносит потом древо человеческой жизни. И плоды на нем — совестливость, честность, добродетельность. Или свойства противоположные.

И нет тут ни преувеличения, ни огрубления, ни упрощения. Одна только выношенная народом правда.

Есть у человека совесть, воспитана она в нем сизмальства, разве сможет трудиться он недобросовестно? Тут уже в самих словах, однокоренных, ответ явственный. Ведь что такое совесть? Обязанности. Перед собой, перед близкими, перед дальними. Совестьливый человек, отлынивающий от работы, — да где это видано? А если и видано кем-то, значит, был смотривший слеп. Или обманут. Или обманывает сам. Себя или других.

Значит, дисциплина, порядочность — это не только мощный резерв нашего производства, не только наше богатство и благополучие, но еще и наше нравственное здоровье, наша нравственная сила.

Вот так смыкаются и в моем сознании и в жизни извечная писательская забота и тревога — совесть человека — и важнейшая, насущнейшая задача коммунистического строительства.

А за примерами далеко ходить не надо. Достаточно их в каждом городе, в каждом селе. Возьмите хотя бы наши трудовые династии — рабочие, колхозные. Деды, отцы, сыновья, внуки работают на одном заводе или на одном поле, работают годами, десятилетиями. Есть трудовые династии, общий трудовой стаж которых складывается и не в одну сотню лет. Сколько же дел за это время наворочено, какие тяготы вынесены, трудности одолены! Какой это богатый материал для писателя! Все мы

помним, какую творческую победу одержал Всеволод Кочетов, написав книгу о рабочей династии Журбиных. Сколько по ней поставлено спектаклей. Замечательный фильм «Большая семья» до сих пор не сходит с экранов. А вот других больших удач, связанных с темой преемственности рабочих поколений, пока не видно...

И вот я упрекаю себя и своих товарищей: да что ж мы-то проходим мимо такого богатства? Ведь сколько сам я знаю таких династий в своем Приволжье...

Вот выходят они на поле в страдную пору, гордые, одухотворенные люди, слитые, спаянные сердцем с землей. Нельзя не любоваться ими! И совсем не случайно употребил я тут слово «гордые». Ведь когда человек может по праву, по справедливости быть гордым? Когда он прочно знает, что до конца исполняет свой долг перед семьей, перед заводом или колхозом, перед всей страной.

Разве может стоять перед такими людьми проблема дисциплины? Да никогда. Они испокон века приучены уважать свою работу и труд других.

Я знаю, что после принятия партией мер по укреплению дисциплины у кого-то и сердчишко екнуло, кто-то пригорюнился: разве это жизнь будет? Как раз жизнь и будет. Серьезная, достойная человека. Ведь не из страха наказания мчаться стремглав на работу и сидеть там от звонка до звонка призывают нас. А работать на совесть. Разница принципиальная. Осознай себя гордым, ответственным человеком — именно отвечающим перед всеми за свое дело! — и порядок на работе не станет тебе мешать, он станет тебе необходим. Потому что без него дела не сделаешь.

Мне кажется, это особенно важно понять молодым. Они порой не могут осознать, что в понятиях «надо» и «нельзя», когда они связаны с серьезным делом, нет для человека ничего обидного, оскорбительного. Нельзя земледельцу бросить семя в мерзлую еще землю, нельзя сталевару произвольно сократить плавку. Не потому, что они боятся какого-то наказания, а потому, что в таком случае труд их будет бесплоден и бессмыслен. И недостойн человека.

И вот если говорить о требовании жизни применительно к нашей литературе, то, видимо, это — создание положительного героя. И не просто положительного, а героя, имя которого стало бы нарицательным, героя, который бы на долгое время завоевал сердца людские, всколыхнул в них самые высокие и благородные чувства.

Я глубоко убежден, что подобный герой может появиться только из-под пера писателя, который какое-то время прожил рядом с таким человеком. Да и не рядом даже, а вместе — одними заботами, тревогами, радостями.

Здесь закономерность та же: чтобы услышать требование жизни, надо знать жизнь.

Почему, скажем, стало легендарным имя Василия Ивановича Чапаева? Почему он стал образцом для подражания многих поколений? Потому что, на наше счастье, жил и сражался рядом с ним комиссар дивизии и великолепный писатель Дмитрий Фурманов. И он вернул нам образ Чапаева обогащенным художественно, слив в его подвиге воедино подвиг сотен тысяч революционных бойцов.

А Павка Корчагин? Ведь судьба его — судьба самого Николая Островского. Разве Шолохов не был вместе с

Нагульновым и Давыдовым? Откуда в «Тихом Доне» такое богатейшее, поразительное знание людей, понимание сложнейших событий, полных яростных, страстных противоречий и противоборств? Да все отсюда же — из жизни. Мальчишкой практически был тогда Михаил Александрович; но уже участвовал в гражданской войне, ездил по станциям в составе продотряда.

Ну, а сегодняшний герой такого калибра, такого масштаба, откуда он должен быть — из рабочей среды, из среды землепашцев или из интеллигенции? Думаю, может быть из тех и других, зависит тут все от кровной и духовной связи писателя с той или иной средой.

Главное — он должен быть именно сегодняшним. Время-то бежит, мчится, меняя жизнь. Вот и появляется на каждом новом этапе общественного, исторического развития насущная потребность по-новому осмыслить духовные и нравственные устои жизни. Как это происходит сегодня на наших глазах.

Изменились во многом люди, они стали куда образованнее, стали глубже разбираться в вопросах самых сложных.

Возьмите, например, первичный производственный коллектив — рабочую бригаду. Разве сегодня она та же, что и десяток-другой лет назад? Совсем иная. Та на артельных началах объединяла рабочих одной специальности. Нынешние все чаще становятся комплексными. В их силах целая цепь различных технологических операций. Следующий шаг от комплексных — к сквозным, объединяющим разные смены и переделы. И все больше среди таких бригад подрядных, работающих на единый наряд на основе хозяйственного расчета.

Коллективные формы работы все настойчивее вытесняют, оттесняют индивидуальную сдельщину, потому что время, жизнь выдвигают задачи, которые по силам только коллективу. Человек в таких бригадах становится коллективистом во всем. Его жизнь строится на принципах демократии, товарищества. В труженике выпрямляется чувство хозяина. Не индивидуальными наскаками на непорядки и бесхозяйственность — по мере личных сил и храбрости — занимается он на своей страх и риск, а участвует в коллективном управлении громадным делом, привыкая мыслить в масштабах солидных, государственных. Об этом свидетельствует и обсуждение проекта Закона о трудовых коллективах.

Взять село. Здесь появился самый настоящий рабочий класс. Все колхозники — о совхозах уже не говорю — являются членами профсоюза. Помните, когда раньше мы говорили о сближении города и деревни, употребляли такое выражение — смычка. Сейчас-то речь уже идет о самом настоящем слиянии.

Порой кое-кто из литераторов, пишущих на сельскую тему, готов и всплакнуть по уходящей патриархальной деревне, по дымящей избушке, баньке по-черному... Песням об этой жизни умляемся: «Шла девица по воду...» Хорошие это песни, слов нет. Но когда заходит разговор о том, как развиваться современной деревне, не следует нам забывать о том, что приходилось этой самой девице сгибаться под коромыслом в три погибели. А представьте себе, что это было за удовольствие сходить по воду зимой, в мороз, когда до колодца не одна сотня метров. Тяжелый, самый настоящий каторжный труд это был!

А сейчас вода, электричество сами шагнули в сельские дома. И сидит наша девица в теплом доме, и в доме у нее

благодаря телевидению — весь мир. Привычная картина, ничего особенного? Но вы представьте себе наше Приволжье. Ведь там разыгрывается пурга — свету вольного не видать. На недели, месяцы отрезались люди в селах от остального мира. А сейчас: снежная зима, а человек все равно со всем миром связан, обо всех его тревогах знает. И думает о них! Да это же уже совсем другой человек. С другой культурой, с иным отношением к миру.

Раньше кто входил в сельскую интеллигенцию? Врач, учитель, библиотекарь, если была библиотека, клубный работник, опять же если был клуб. Вот и все. А сейчас на селе и инженеры, и экономисты, строители, мелиораторы, рабочие предприятий, появившихся при многих хозяйствах. Это же сила, которая во многом определяет всю сегодняшнюю деревню!

И вот если бы нам удалось поднять современных Давыдовых и Нагульновых! С их образованностью, умением мыслить по-государственному, умением брать ответственность на себя и видеть, вычислить последствия своих решений, могучего размаха сил современного человека, возведенных в громадную степень научно-технической революции.

Почему я особенно выделяю умение предвидеть последствия своих деяний? Да потому, что порой находятся люди, которые не задумываются об этом. В результате человек вступает в острый конфликт, в противоборство с природой. Воздвигаются грандиозные, необходимые для человеческого общества, для народного хозяйства сооружения, а что принесут они природе — об этом иной раз и не успевают подумать. Задумываются потом, когда истощается земля, высыхают, становятся безрыбными реки, редеют и пустеют леса.

Мы еще зачастую привыкли думать только: как бы побольше взять? Хотя давно уже пора думать иначе: **а сколько можно взять у природы, чтобы не нанести ей непоправимый вред?** Да еще постоянно иметь в голове такую мысль: а как, по-хозяйски ли, до конца использовали мы те богатства, что взяли уже у земли?

Разве это не требование жизни: будь добр к возраставшей и вскорумившей тебя природе, человек! Не балуйся, не хвастай накопленной силой. Только малое, совсем еще неразумное дитя способно пробаовать на матери свои силеньки. Отшлепают его за это отец — поделом. Так то дитя. Нам-то такое уже и не к лицу и не по летам.

И еще одна черта видится мне неотъемлемой чертой настоящего героя нашей современности — то, что он ощущает себя наследником и преемником славных своих предшественников. И родственную связь свою с ними ощущает пронзительно и остро.

И когда думаю об этом, снова чувствую нетерпеливые, а то и яростные толчки жизни — тербит она, тревожит, напоминает, требует помнить о том, что уходит, уходит от нас поколение тех, кто вынес на плечах войну. Тех, кто зарывался в землю во время бомбежек и шел врукопашную. Тех, кто ломал эту войну своими руками и платил за победу кровью.

Сколько их еще осталось?.. Сколько им еще осталось?..

Надо успеть рассказать о них, о том, что такое жизнь на войне. Поведать миру, какой верой держался тогда советский человек, благодаря чему вынес, казалось бы, невыносимое, да еще не только сохранил душу свою, но и укрепил, обогатил ее.

Вот о духовном и душевном наследии поколения победителей и идет речь в первую очередь. Были в то время осознаны и сбережены такие нравственные ценности, которых нельзя лишить наших внуков и правнуков. Чтобы знали они, на какие высоты духа способен подняться человек, каким уровнем верности и совестливости стоит и нужно мерить свою жизнь.

Важно еще это и потому, что непустое сейчас время на Земле. Есть силы, вызывающие к тому дурному, злому, агрессивному, что есть в людях. Есть любители поиграть накачанными без пользы для людей мускулами, не желающие сдерживать свою распираемую нахальной самоуверенностью мощь. И что, как не память о павших в самой жестокой войне, как не их заветы нам, как не преклонение перед их подвигом, способно будить в человеке мирное, доброе!

И нет в военной теме мелкого, не стоящего внимания. Все было важно на войне. Все, что дало победу.

Потому так радостно видеть, когда приезжаю в Саратов, величественный памятник павшим в священной войне за счастье Родины. Вроде бы не проходила через Саратов линия фронта, не шли там бои. Но ведь тысячи саратовцев погибли на фронтах той войны. Нет в нашей необъятной стране даже малого уголка, которого не коснулась бы война, который бы остался от нее в стороне...

И стоит памятник на самой высокой горе над Волгой. Он навеян прекрасной песней «Журавли». И летят журавли нашей памяти над Волгой, над всей страной. Нельзя видеть их без волнения, без слез. И лететь им долго — до самых дальних наших потомков.

Видите, каким громадным духовным и нравственным богатством должен обладать современный герой. Должен, потому что живут на нашей земле люди, с которых можно писать такого героя.

Каждый год, да по несколько раз, выбираюсь я в свои родные места на Волгу, под Саратов. Встречаюсь там с земляками. Живыми, конкретными, из плоти и крови людьми. И возвращаюсь после этих встреч богаче — богаче знанием жизни, людей, восхищением и любовью к ним. Какие это люди!

Прошлый год выдался на моей родной земле тяжелым для земледельцев. Опять какой уже раз вцепилась засуха своими жгучими, сухими когтями в живое тело земли. И никак не отпускала его. Тяжелый год... Раньше их еще обычно называли голодными.

А вот прошлый год таким в историю не войдет. Тяжелым, трудным — да. Но не голодным.

Потому что урожай мои земляки все же вырастили и собрали вполне сносный. И надо было видеть, как буквально сражались люди всех возрастов за каждую зернышко. Потому что знают люди цену хлебу. Знают: есть хлеб — и в семье, и в государстве, и в целом мире жизнь легче.

Люди на селе сейчас вообще стали жить неплохо и денег получают достаточно. Но ведь и горожане в том же Саратове стали лучше жить, снабжение города продуктами заметно поднялось. Спросил я Владимира Кузьмича Гусева, первого секретаря Саратовского областного комитета партии: что помогло так заметно улучшить снабжение продуктами городского населения?

Ответ был прост: все наши люди, партийные, хозяйственные, общественные звенья бесповоротно уяснили для себя, что мы будем иметь только то, что мы сделаем. **Сделаем больше — больше получим.** То есть как будем работать, так и жить будем.

Да, простая мысль. Уж, казалось бы, куда проще: нельзя употреблять больше того, что ты сделал. Я ее специально сейчас повторил. Проста, но верна. И в требования жизни укладывается полностью. А потому и дошла до умов людей и сердец. Дошла — и вылилась в конкретные дела. И сейчас, скажем, на Саратовщине заготовкой кормов для колхозных и совхозных ферм в равной степени заняты и горожане.

Но решаться Продовольственная программа будет все-таки, конечно, там, на селе, на земле. Теми людьми, что выросли на ней, работают и не собираются покидать.

Хорошо, что о них сейчас много и заботливо думают. Для них много строят жилья, причем красивого жилья, культурно-бытовых объектов. В моем Приволжье сейчас строят такие коттеджи для земледельцев, что просто залюбуешься. Но опять же в основном в тех хозяйствах, где здорово поработали и получили возможность строить.

Все больше и больше людей, молодых людей — что особенно отрадно! — остаются на земле. Помните бы только, что по-разному можно на ней жить. **Можно с холодным, не страдающим за ее судьбу сердцем проводить на ней дни с выгодой и приятностью для себя. А можно жить с душой кипящей, страдающей ее болями и нуждами, не терпящей, не мирящейся с неполадками, равнодушием, головоутипством.**

Тем, кто намеревается с холодным сердцем там жить, сразу скажу: к холодным и земля холодна. И не решитесь таким людям важнейшую программу, разработанную партией.

А вот любящим земля откликнется, на их труд отзовется и возродит сторицей.

Почему мне кажется это таким важным? Здесь вот о чем хотелось бы напомнить.

Давайте вспомним, сколько нас, советских людей, было, когда мы вступили в эту страшную последнюю войну? 170 миллионов человек. Сейчас нас на 100 миллионов больше. Потребности каждого куда больше. Земля же наша все в тех же пределах.

Так что же надо делать, чтобы теперь земля наша родила в несколько раз щедрее — иначе-то всех не напоишь, не накормишь, не оденешь, не обуеешь. А надо быть в союзе и понимании с землей и всей природой, беречь друг друга. Здесь нравственность и экономика сплетены неразрывно. Не будет хороший человек относиться к земле плохо, не сможет не беречь ее. И чем больше будет у нас таких людей на земле, тем и Продовольственная программа будет выполняться быстрее.

Особо хотелось бы сказать о письмах читателей. Вот почему. Пишут они вроде бы лично мне, но в каждом письме нахожу я строки, о которых думаю: нельзя такого не обнародовать, грех. Такой огромный смысл в этих живых голосах наших людей.

Вот инженер из Подмосковья пишет, что родилась она в 1919 году, благодарит за то, что последний мой роман «Драчуны» дал ей возможность еще раз пережить свое счастливое и трудное детство. И вот дальше: «Не страшны нам были трудности и невзгоды и не будут страшны никогда. Не прилипнет к нам ни зависть, ни злоба, ни безразличие. Много пережито, но ничто не смогло поколебать нашей веры в Советскую власть. Мы ее дети. Но мы ее создавали и берегли, а значит, и она наше детище».

Какая светлая и точная мысль: детище партии, детище Ленина ныне стало детищем всего народа. А значит, каждый из нас делами своими, поступками, всей своей жизнью причастен к делам государства, великим и малым. И видеть каждому свою причастность, понимать свою ответственность за все вокруг происходящее — тоже требование нашего времени.

Титова Нина Михайловна из Киева пишет, что пережила несколько страшных голодных лет, блокаду Ленинграда, но горе и лишения не поколебали, а, наоборот, укрепили ее веру в хороших людей.

Жизнь мудра. Порой в течении будней, обыкновенных хлопот мы ворчим: что за народ пошел. А приспело испытание, и видишь, что людей хороших вокруг немало, есть кому прийти на помощь, поддержать тебя и среди тех, о ком ты до этого и слыхом не слыхивал.

Великое это благо и великая сила — вера в людей, в народ. Очень она помогает жить.

Дальше Нина Михайловна рассказывает в письме о том, как случайно услышала слова своего девятилетнего

внука, сказанные им в ватаге дворовых ребят. Был у них обычный в таком возрасте разговор: кто из них чего хочет больше всего на свете? Кто из нас не толковал в свое время об этом! Так вот девятилетний мальчик нашего времени сказал, что больше всего он хочет, чтобы во всем мире был социализм, потому что при нем дети не голодают, а взрослые не боятся стать безработными.

Видите, как отзывчивы на боль и страдания других людей сердца наших детей, чем заняты их умы и души! Это же прекрасно, таким гордиться надо.

В моей почте много — примерно половина — писем от молодых. В одном из них, из города Тольятти от семьи Чердаковых, говорится, что хотя авторы письма на несколько десятилетий моложе героев моих «Драчунов», жизнь, люди, описанные в романе, близки и понятны им до боли сердечной, до счастливых слез.

Мы благодарим землю, на которой родились. Так заканчивается это письмо.

Надо любить землю, на которой живешь, подхватывает эту мысль другое письмо, и прежде всего быть человеком на этой земле.

А иначе стоит ли жить? Зачем иначе? Ради чего?

Сейчас много говорят, пишут о потребительском отношении к жизни, о новой болезни всеобщей — эгоизме. Когда все желания и потребности человека концентрируются в одном: в стремлении иметь, достать, обладать во что бы то ни стало. Доходит до того, что девушка — и ведь неглупая, достаточно образованная, способная и задуматься серьезно, рассказ о себе начинает с перечня: джинсы у меня есть, дубленка есть, магнитофон есть и так далее.

Потом же узнаешь, что хотя все это у нее есть, ощущения, что жизнь ее имеет смысл, нет. Настоящей, большой цели нет. Да и интереса к жизни — это у молоденькой-то девчушки! — тоже нет. Может, потому и нет, что ни о чем, кроме перечисленного выше барахла, не думала? Ни к чему больше не стремилась?

Нет, я прекрасно понимаю, как это важно для молодых — выглядеть модным и красивым. Но я уже достаточно пожил на свете и знаю точно: **материальный достаток, один только материальный достаток, никогда и никогда не сделает счастливым. А уж особенно человека с умом и душой.**

Единственное, что приносит сверхдостаток, — тяжелую болезнь. Название ее — пресыщенность. А симптомы — безразличие и равнодушие.

Вот ее надо бояться больше, чем отсутствия у тебя какой-то модной вещи.

Борьба с потребительством, с пресыщенностью — тоже требование времени. Я верю в успех этой борьбы, потому что вижу в жизни, сколь прочны и глубоки истоки нравственности в нашем народе, что живы они и в душах сегодняшних молодых людей. И что разберутся они сообща и вместе с нами, что делает человека действительно счастливым.

Счастлив же человек, умеющий сострадать всему миру. Человек, который видит, что он при настоящем деле и что-то в этом деле значит.

А значит, есть и его доля в общей копилке наших национальных ценностей.

Требование времени. Сегодня оно выражено в простых и чеканных словах, сказанных партией.

Если мы хотим хорошо жить, мы должны отлично работать.

Если мы хотим мира — а все мы хотим его страстно, — мы опять же должны добросовестно и строго исполнять свои обязанности на своих местах.

В этом путь к процветанию нашей Родины, в этом путь к счастливой и достойной жизни каждого советского человека.

МОДЕЛЬ НА

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Ролубые грузовики обгоняют прохожих и уносятся вперед, к мосту через Москву-реку. А у второй проходной автозавода тихо и безлюдно — смена уже началась. Налево, сразу за воротами, высокое здание модельного цеха, длинные, круглые марши лестницы ведут на самый верх, на четвертый этаж, откуда тянет острым бодрящим запахом свежих смоляных стружек.

Здесь начинают свою жизнь знаменитые ЗИЛы. Внизу остается скрежет дисковых пил, на четвертом этаже работают нешумно, обстоятельно, без суеты. Работают ребята из комсомольско-молодежной бригады. Среди них — Сергей Дюжев. Кавалер ордена Дружбы народов, лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XIX съезда ВЛКСМ. Один из тысяч молодых рабочих автозавода имени И. А. Лихачева.

ПРАВИЛО ИГРЫ

Узнал его сразу. После того, что слышал о нем, узнать было совсем нетрудно. Спокойные и веселые глаза. Уверенный взгляд. Твердое, словно из камня резанное лицо. Фигура ладная. Комбинезон с иголочки. Хоть сейчас на выставку... Или на слет... Словом, человек с плаката. Правильный и благополучный.

Человек с плаката шагнул вперед, протянул крепкую ладонь. И усмехнулся. В усмешке этой неожиданно мелькнуло нечто странное, совсем неуместное на плакате. Задиристое и колючее. Как у мальчишки, который собирается запустить в вас снежком. Потом, уже позже, он все с той же усмешкой признается:

— Действительно, в детстве я не был пай-мальчиком. Может, совсем чуть-чуть до хулигана не хватило.

Но признание это он позволит себе далеко не сразу.

Быстрый и ровный взлет судьбы чаще всего настораживает. Или разочаровывает, если мы походя уверимся, что единственной основой такого взлета стало лишь невероятное везение благополучного человека, который каким-то образом ухитрился затеять с удачей игру в поддавки и теперь при любом исходе партии внакладе не останется.

Ему повезло! Как просто успокоить себя подобной мыслью и сложив руки опять погрузиться в ожидание. Авось, немного и мне достанется от удачи.

Те, кого записали в счастливицы, не любят распространяться о своих проблемах. К сожалению. Лестница, которой они поднимались до сегодняшних почестей, скрыта от чужих глаз. Но она их нелегкий путь познания. От верхней (разумеется, лишь на сегодняшний день) ступеньки до нижней, самой первой. Перепад высот измеряет затраченные усилия. И разностью потенциалов «минус — плюс» обеспечивает «благополучному» человеку достаточную энергию для схватки с удачей. Схватки, которую так хочется принять за игру в поддавки. У которой, однако, совсем иные законы и иные ставки.

Плакат — штука плоская. Современный молодой рабочий в него не влезет. Он сложен и противоречив. Сохранить эту свою сложность ему необходимо, чтобы не превратиться в простой придаток умного автоматического станка. Как сохранить? Может быть, даже время от времени вспоминая, что в детстве едва не стал хулиганом.

Так какой же он, этот молодой, современный и удачливый?

...Среди мальчишек старого московского двора Серега Дюжев лучше всех стрелял из рогатки. С любого расстояния, навскидку. Пустая банка разлеталась вдребезги, осколки долго перезванивались эхом в дальних углах двора.

Где-то под высокими крышами кирпичных дворов эхо наконец затихало.

Летом Сергея отправляли к родным в деревню. На свежий воздух. В те годы на Смоленщине еще сохранились кое-где следы минувшей войны, еще не занесло их землей. Находили пробитые каски, стреляные гильзы, пули. С пулями занимались особо. Аккуратная, почти ювелирная работа — выплавляли свинец, сохраняя плотный стальной наколечник. Потом только подобрать крепкий прямой прут, насадить на него стальную рубашку пули, и стрела готова. Самодельная, но не хуже настоящей.

Со свистом взвивалась она, летела далеко, и пустивший стрелу чувствовал себя сильным и почти взрослым. Мальчишки спешили подрасти и искали себе серьезные мужские игры...

В знаменитую хоккейную школу ЦСКА отбор был строгий. Попади попробуй! Сергей пришел, и его приняли. Легко и просто. У него все с виду легко. Литая твердая шайба носилась по льду, он носился за ней, стараясь не отстать, падал, расшибался, и дома мама сокрушенно подсчитывала синяки у валившегося с ног от усталости сына. Было не до уроков. Но он умудрялся не получать даже троек.

Подрастал совсем неплохой нападающий. И вдруг Дюжев ушел из хоккея, жалея до слез, ушел не оборачиваясь, окончательно решившись. «Здорово, но не то, не то, не то...» Его игра была впереди.

Когда Сергея Дюжева направили от школы в районный штаб комсомольского актива, он, узнав об этом, криво усмехнулся. Но дело есть дело — идти пришлось. На ребят, своих сверстников из всех школ Пролетарского района, сначала глядел хмуро, с недоверием. «Видел, знаю, сыт по горло. Сейчас снова учить возьмутся...» Потом удивился. Никто не собирался его учить, не произносил правильных, но занудных речей. Ребята думали, волновались,

ЗИЛОВСКАЯ МАРКА.

спорили. Каждый искал друзей. Сергей понял: «Свои. Это свои».

Среди активистов штаба сложилась очень хорошая компания. Не звено, не группа — именно компания. Сергей оказался среди заводил. Вместе решали свои проблемы, ходили в походы, организовывали самые невероятные поездки. Словно сами собой возникали новые дела. По закону снежного кома, который стоит лишь подтолкнуть с горы в нужном направлении.

В пустой вечерней электричке, когда возвращались из очередной коллективной вылазки, пришла к Сергею странная мысль: О том, каким образом самое интересное можно сделать самым скучным. И наоборот. Чуть приоткрылся секрет волшебных этих превращений.

Действительно, попросишь парня организовать у себя в классе дискотеку — возьмется с радостью. Всю неделю будет приставать, выпрашивать диски, записи, учителей с ума сведет. И вечер получится веселый, интересный. Но

завтра

«Увлеченность движет миром», — считает молодой рабочий Сергей Дюжев.

XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

ведь о той же дискотеке мальчишке можно сказать и совсем по-другому. Длинно и занудно, как об очередном мероприятии, затеваемом лишь ради пресловутой галочки в отчете.

Эти же мысли не оставляют Сергея и сейчас. Никак не может он забыть того заседания комитета комсомола.

...Парень вздохнул и махнул рукой:

— Уговорили. Напишу заявление.

— Вон ты как!

— Ага.

— Ладно, иди пока. Посмотрим.

Дюжев еле сдерживался. Надо же! Уговорили его! В комсомол вступать — уговорили! Молодой человек любезно согласился! И что теперь прикажешь с ним делать? Когда он отупел от занудных протокольных поучений, от бесед, проведенных по параграфам инструкции?

В конце концов любое занятие молодых имеет отношение к комсомольской работе. Любое! Но напоминать об этом стоит лишь тогда, когда крохотная искра интереса разожгла пламя настоящего увлечения. Которому уже не страшны

пригоршни холодной воды протоколов и отчетов. Кажется, у Ильфа в записных книжках Сергей вычитал: «Когда деревья называют зелеными насаждениями, они вянут со скуки». Назовите футбольный матч выполнением ответственного задания, и половина участников игры тут же разбежится. Устройте конкурс на самую короткую заметку в стенгазете, и получите целый ворох исписанной бумаги.

Увлеченность движет миром. Встряхнуть, растормошить, увлечь — непреходящий закон любой игры. Даже самой серьезной.

...На выпускном вечере допытывались друг у друга, кто куда, а он был уверен и спокоен. Знал точный адрес. «В летнее училище. Давно решил». Легко, вприпрыжку бежал на комиссию. И услышал: «Нет!» Его догнала старая, еще детская болезнь. Не пустила. И ощутил под собой пустоту, словно шел по тонкому льду над страшной глубиной. Ведь у

**СНАЧАЛА
МАШИНА
ДЕЛАЕТСЯ
ИЗ ДЕРЕВА.
В ЕЕ СОЗДАНИИ
ПРИНИМАЕТ
УЧАСТИЕ
ДЕЛЕГАТ
XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ,
МОДЕЛЬЩИК
СЕРГЕЙ
ДЮЖЕВ.**

**ДОПУСКИ
В РАБОТЕ
МОДЕЛЬЩИКА —
ДВЕ ДЕСЯТЫЕ
МИЛЛИМЕТРА.**

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЧЕРТЕЖА.

него имелся один-единственный адрес. Без вариантов. Все прежнее: мореходка, геология, еще что-то было отброшено и забыто. Чужое. А то, что казалось своим,—недостижимо. Он проиграл.

Устало брел по улице. Деревья шумели ветром, ветер швырял под ноги хрустящие сухие листья. «Куда идти-то теперь?»

Встреча произошла прямо на улице.
— Сережа, здравствуй. Ты где теперь?

— Я... нигде.

— Ну, давай к нам.

— Можно... Мне все равно...

Тогда, десять лет назад, устроиться работать в модельный цех ЗИЛа было очень непросто. Много желающих. Но старая знакомая по штабу, по райкому комсомола, помогла. Сергея взяли. В новом (хоть на выставку) комбинезоне поднялся он по крутой лестнице на четвертый этаж, и цех встретил его солнцем через широкие окна и запахом сосновых смоляных досок.

ДЕРЕВЯННЫЙ АВТОМОБИЛЬ

В сумраке помещения чуть отсвечивали лаком изогнутые плоскости. Четкий контур стремительных линий подчеркивал простоту и надежность конструкции. ЗИЛы разных марок, но прежде всего самые современные стояли здесь тесно, кабина к кабине.

— Видите эту деталь на капоте? Дизельный, надежда наша. Отличная машина.

— А прокатиться на ней можно?

— Шутите!

Секретарь партбюро цеха Константин Петрович Васин постучал пальцем по крыше кабины, и звук получился совсем не металлический. Фанера.

— Не ездят они. Не для того предназначены. Модель эта вроде образца той, настоящей, машины, что сойдет с конвейера. Размеры, форма, лицо машины — в руках модельщика. Он первым делает ее такой, какой задумал конструктор. Красивой ее делает! Вот и представьте, что это за работа!

Работу Сергею Дюжеву поначалу дали совсем простую. Посobie для техника, прямые плоскости, никаких хитростей. Возился он с этой штукой целый месяц. Никак не получалось. Но терпел и старался. Почему? Сегодня-то он знает, почему.

— Когда первый раз зашел в цех, бригадир наш делал головку блока цилиндра. Из дерева. И я поразился тому, как он работает! Именно—как! Отойдет, посмотрит внимательно—и думает. Мыслит! Увидит что-то, что другому и не разглядеть, поправит. Снова думает. На скульптора похож. Или на художника. Про конструктора уж и говорить не стоит. Очень мне захотелось вот так же, как он...

Парня приняли в цехе без восторгов, но и без лишней строгости. Спокойно. Опытные модельщики знали, что работа сама расставит новичков по местам, возраст каждому. Совет молодым был

единственным — не спешить. А то кинутся на модель, покажется все легко и просто, раз залорют, другой — и все. Пропал интерес. Пиши заявление.

Поглядывали украдкой, как пыхтит Дюжев над первой своей штукой, посмеивались в кулак и старались разобраться: выйдет ли что-нибудь из мальчишки? Они еще не догадывались, что он с первого взгляда увидел в этой работе главное, что первые искры, так необходимые для настоящего увлечения, уже высечены. И теперь слово свое должен сказать характер. Характер, который, острым ростком прорываясь сквозь накипь и шелуху обстоятельств, тянет нас вверх, к живительному свету истины. Характер, который, как инструмент настоящего мастера, можно измерять по степени прочности. Он у Сергея имелся.

...Однажды Дюжеву пришлось участвовать в лыжных соревнованиях. А лыжи у него, пожалуй, единственный нелюбимый вид спор-

та. Не принимает их натура, и все тут! Однако отказаться не удалось. Другой бы покорно доплелся до финиша. Сергей же за ближайшим поворотом сломал крепление (специально!) и сошел с дистанции, оставаясь до конца верным принципу — отдавать силы только любимому делу.

Сомнительного свойства эпизод? Может быть. Но в нем проявилось его упрямство, стремление никогда не подчиняться обстоятельствам. Сколько бы их ни навалилось, какими бы безвыходными они ни были. Небольшая хитрость здесь вполне допустима. Она не от слабости. От уважения к своей натуре.

В долгой и сложной игре с удачей есть только одна возможность сохранить козыри — важно не потерять себя. Не опуститься до примитивной покорности судьбе, не расплескать силы на чужое, навязанное тебе занятие. Собраться на своем, главном.

Зеленый росток острым жалом раздвигает комья глины и тянется вверх. Расщепится до срока — не пробьет тяжесть земли. Погибнет. Сохранит прочный стержень — станет тем, кем велют ему стать глубокие корни.

...Первая в жизни модель была закончена и принята мастером. Первая победа, прорыв, преодоление. Материал — дерево — поддавался ему, уступил еще неумелым, но сильным пальцам решительного человека. И потом с каждым разом твердый на вид брусок быстрее принимал нужную форму, становился мягким, покорным. Своим. Потихоньку делился секретами. Но этого Сергею было мало.

Начальник участка Виталий Фролович Кирсанов поглядывал на своем веку всяких работников. Настоящих может определить даже по чистоте спецовки. Он рассказывает:

— Модельщику в учениках до-о-о-олго ходить. Разряд здесь ни при чем. И со вторым и с третьим разрядом он еще не специалист. Ведь все производство, весь завод на нас держится. Почему это хвастаю?! Модель под литьем делаешь — изучи формовку! Оснасткой занялся — прессовку должен знать. А уж если за мастер-модель взялся, которая будет эталоном данной детали на все время выпуска

машины, — все производство понимать должен. До последнего винтика на сборке! И руками его попробовать... С нас начинается автомобиль.

Странно, но факт: модельное производство, сегодня, как и в старину, имеющее дело с патриархальным деревом, оказывается самым современным. По сути своей. По уровню требований к человеку. По самому характеру труда — разностороннему, многоплановому, творческому. Успех тут решает мысль. Стоит ли удивляться, что в цех этот молодежь идет очень охотно.

— Всем бы такую работу, — согласно кивает Виталий Фролович, и сразу же остергается. — Только чертовски тяжелое это творчество. Сегодня модель получилась, завтра опять брак. Вот так, то вверх, то вниз, как на качелях — постоянно. Укачать может.

В тот раз они потеряли целых два дня. Не сделали ни на копейку. Ни одной стружки не отлетело от доски. Сидели и разбирались. Задание поручили троим, но бригадир (золотые руки, светлая голова, не модельщик — бог) уехал в

НА ЗАСЕДАНИИ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА.

В БРИГАДЕ ВСЕ МОЛОДЫ.

срочную командировку. Сергей и его друг Володька Мокашов вдвоем колдовали над чертежами. А чертежи-то какие: передняя часть ЗИЛа-169. Новая дизельная машина. Мечта всего завода. Впервые предстояло резать из дерева ее светлый лик.

По чертежам вроде все складывалось, только одних чертежей недостаточно. Венеру Милосскую тоже можно вычертить в трех проекциях, а потом попробуй, изваяй! Нет, ее нужно увидеть. Самому. И на третий день настал такой миг, когда перед глазами Сергея словно растворились чертежи, причудливо изогнулись линии, сложились в затейливый контур. Глянул на него новенький ЗИЛ. Теперь все. Теперь уже можно его сделать.

Если бы каждую удачную находку, меняющую предложенную технологию, оформлять как рационализаторское предложение, у Сергея их наверняка набралось бы больше сотни. И у товарищей по бригаде столько же. Но они не подсчитывают свои открытия. Образ умельца-рационализатора с острым взглядом и возгласом «Эврика!» здесь не в ходу. Вся их работа состоит из постоянной рационализации, постоянных усовершенствований. Парни погружены в это творчество и не желают измерять его количеством внесенных предложений. Такой труд.

Двум десяткам миллиметра равен допуск на мастер-модели. Лишь на эти две десятые имеешь право ошибаться. Если работаешь по металлу, это нормально. Если по дереву — достаточно неосторожного движения наждачной бумагой, и можно все переделывать. Поэтому, став докой в литье, в сборке и прочих автомобильных премудростях, возвращается модельщик от современных автоматических станков к самому простому и самому сложному. К чутью пальцев. Которые должны слиться с материалом и понять дерево кожей, нервами. Нрав его понять. И обязательно выиграть эти последние две десятых.

Как это и бывает у истинных мастеров, грани между работой и жизнью нарушились, стерлись. Причем выиграли от этого и та и другая. Работа стала органичным продолжением житейских увлечений, превратилась из обязанности в постоянную потребность души. А так называемая личная жизнь, освещенная мудростью и красотой профессии, сделалась богаче и ярче, приобрела особый высокий смысл.

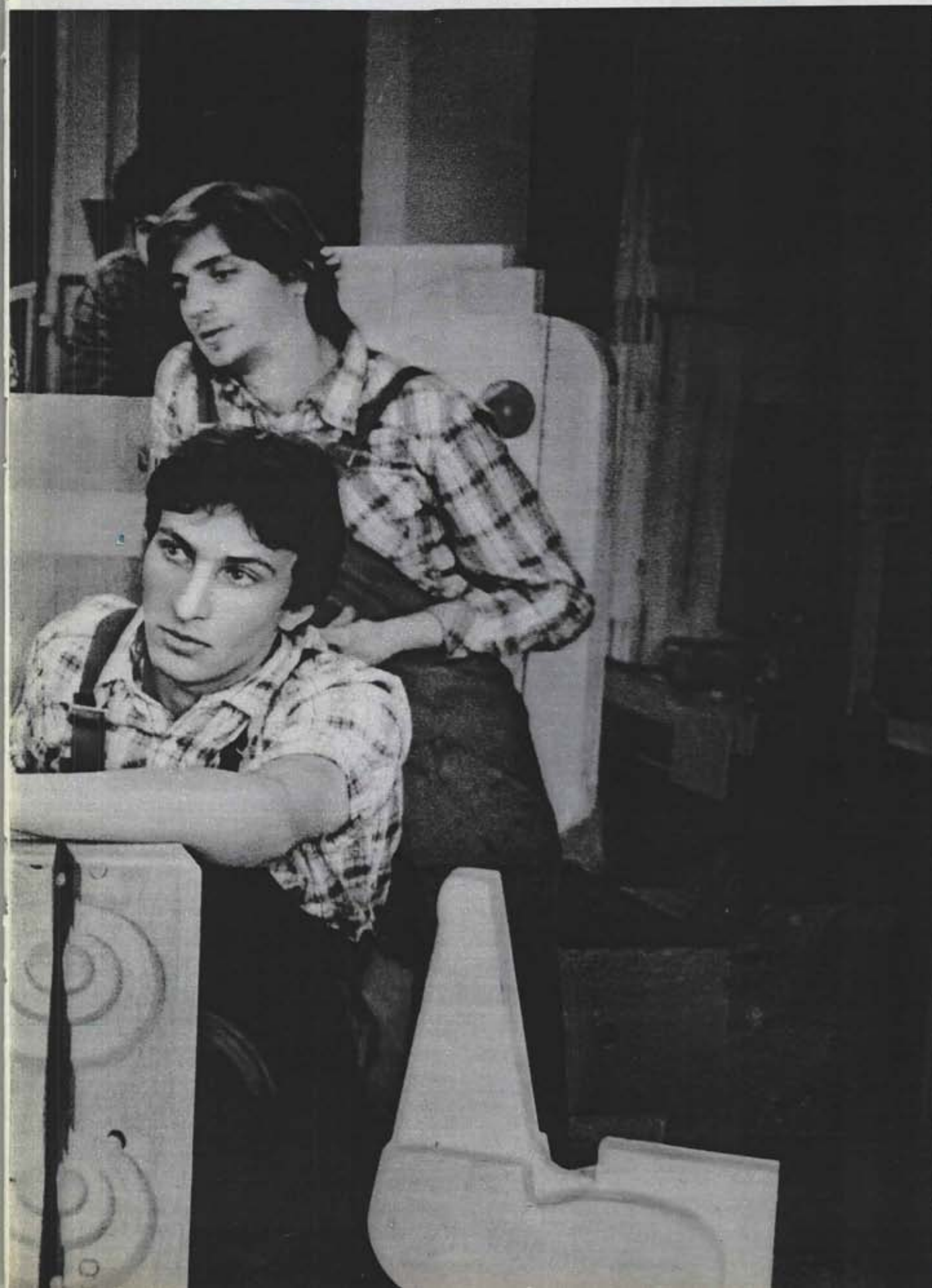
Воскресный автобус увозит Сергея из шумного города, лес распаивается внезапно, так что, даже не успев глубоко вдохнуть, ныряешь в него, и ноги сразу погружаются в высокую траву. Жена и дочка ступают осторожно, перешагивают сплетенные корни.

— Папа, это елка?

— Елка.

— У-у, красивая!

«Конечно, красивая, — думает Сергей. — Бестолковая только. Сучков

**ПРЕЖДЕ
ЧЕМ ВЗЯТЬСЯ
ЗА РАБОТУ,
НАДО
ПРЕДСТАВИТЬ
НОВУЮ МОДЕЛЬ.**

своей — топором. Деревья тяжело ухали на землю, с хрустом подминая совсем еще молоденьких кедрят, и именно этих, молоденьких, едва пробившихся Сергею было жаль больше всего. Ведь у них уже тоже имелись свой характер, складывалась своя песня...

Пожалуй, Дюжеву действительно повезло. Именно в тот раз, когда открыл он впервые дверь модельного цеха. Попал парень в «десятку». Выбрал дело единственное, главное. По душе. Не прельстился заманчивыми вариантами, хотя их было так много. Нашел свою дорогу.

Все остальные удачи рукотворны. Сотворены упрямством, мускулами, колючей натурой и беспокойным умом.

**ЛЮБИМАЯ
МЕЛОДИЯ.**

— Я — уже.
— И надолго сюда?
— Насовсем. Здесь — интересно...

ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ

Они летели над океаном, стараясь угнаться за постоянно ускользающим временем. И время, нехотя уступая, покорялось, вытягивалось бесконечным резиновым мешком, который заглатывал все их домашние волнения и тревоги. Оставалось лишь нетерпеливое ожидание скорой встречи. Там, на другом континенте, несколько американских семей — участников движения сторон-

много. Возьмешься что-нибудь из нее делать — намучаешься. Странная вещь — красота. Вот сосна — да, хорошо. Спокойная, высокая, легкая в работе. И запах от свежего спила голову кружит».

Не от расчетливой деловитости и топорного профессионализма такие мысли. От проникновения в суть окружающего мира, которое приходит к увлеченному человеку. От ощущения своего единства с этим миром.

«...Береза... Светлая, нежная. А ствол тугий, упругий, и уж если спилили ее, то нет лучше материала для инструмента. Ручки для молотка, стамески... В ладони береза хорошо лежит. Не то что этот, корявый, мрачный. Чего уставился? Одно слово — дуб. Ничего-то из тебя не выйдет, разве что на мебель... Да это уж не по нашей части...».

Деревья перешептываются ветвями и несут сладкую прохладную тень. Сергей вдруг оглядывается, словно забыв, что

он в Подмоскowie: «А кедр, где же кедр?»

Любимое дерево. Мягкое, теплое. Вкусное. Да, да, вкусное. Орехами пахнет. И кажется, все хранит на себе следы беличьих лапок. Мало осталось кедров. Каждый модельщик мечтает его в руки взять, а откуда возьмешь. Лет пять уже под плитой, в записке лежат несколько досок, потихоньку отрезают от них по маленькому лакомому кусочку — для особо важных заказов. Истинная красота в нем.

Служил Сергей на Дальнем Востоке, и там, среди кедров, проснулось «почти хулиганское» детство, когда взялись шишковать. Гремела в ладони горсть орехов, и хотелось смеяться непонятно чему и выкрикивать какие-то гортанные звуки. Радость добытчика затмила все. А потом... Потом слезы стояли в глазах, когда во время лесного пожара, сплывая еще не тронутые огнем участки леса, валили огромные кедровые. Слово друзей обрекали на гибель. Слово по руке

Годами ошибок, промахов, отчаяния и долгожданных открытий. Игра в поддавки с удачей не состоялась. Она просто не имела смысла, поскольку ставки в такой игре ничтожно малы. Не волнуют они настоящего рабочего, пусть даже и молодого.

Награды, премии, аплодисменты — всего лишь вешки на крутом подъеме. Подъеме до самого себя, до лучших качеств своей личности. Которая всегда значительней и ярче, чем кажется с первого взгляда. Которой предела нет. Поэтому много еще идти. И все в гору.

Молодой и современный — это тот, кто готов карабкаться дальше.

...Обеденный перерыв кончился, я сидел на лестничной площадке у дверей цеха и ждал Дюжева.

— Устраиваться? — подсел ко мне чумазый мальчишка.

— А ты?

ников мира — уже готовились к приему гостей из далекой России. Молодых рабочих в советской делегации представлял Сергей Дюжев.

Его поселили в небольшом домике Миксов, в окрестностях городка Сильвания, что близ Детройта. Обычная американская семья: муж, жена, две взрослые дочери. Для них он был просто парень из России, скромный и улыбающийся, на которого смотрели с тревогой и с надеждой. Какие они, эти русские?

Разговор стал складываться сам собой, словно не было тысяч километров между странами. Простые люди — они везде люди. Удивлялись и радовались, возмущались и задумывались. От Сергея они, пожалуй, впервые услышали о двадцати миллионах русских, погибших во второй мировой войне. О праве на труд, гарантированном у нас каждому. О том, чем живет, чем интересуется советская молодежь... И кажется, они поняли друг друга.

БУДУТ ЛИ ДВА ОЧКА?

На другой день Сергей вспомнил, что захватил из Москвы несколько пачек хрустящих хлебцев. Тех, что по двугривенному в любом магазине. Угостил хозяйку: «Попробуйте!» Хозяйка отломил кусочек. И тут же по ее восхищенному лицу Сергей обо всем догадался. Понравилось, еще как понравилось! Выложил оставшиеся пачки. Подарок. Пару часов спустя к Миксам забежала соседка. По делу, на минуту. И увидел, как она, прощаясь в дверях, с величайшей драгоценностью прижимала к груди пачку русских хлебцев. А лицо у нее было счастливое. Скромный хлеб стал символом доверия...

Встречи сыпались одна за одной, словно из бездонного мешка. Отказываться не собирались: каждая встреча — это еще одна возможность рассказать правду о нашей Родине. С десятками людей разговаривал Дюжев и никто не сказал ему, что хочет войны! Так убедился Сергей в нехитрой истине, что милитаризм рейгановской администрации не имеет ничего общего с желаниями и надеждами простых американцев.

На прощание решил угостить Миксов порусски. Сварил огромную кастрюлю борща. Пока колдовал на кухне, женщины крутились рядом, одобрительно переглядывались, записывали рецепты. Получилось неплохо. Умеренные в еде хозяйки на вернули по три тарелки. Еще одна истина открылась Сергею. В людях столько общего, что для взаимопонимания порой нужна самая малость. Добрый взгляд. Преломленный ломоть хлеба. И не только, когда общаешься через океан. Даже у себя дома.

Миксы плакали, когда Сергей уезжал. Были теплые слова на прощание. Были рукопожатия и улыбки сквозь слезы. «...Только после встреч с вами мы поняли, как хотят советские люди мира. Мы многое поняли».

А навстречу снова стремительно неслась дорога.

Всего час выкроили для выставки великого Родена. В залах тихо и холодно, творения мастера взирают на посетителей из вечности, Сергей начинает говорить и чувствует — слушают. Неожиданно рабочий с ЗИЛа оказался в роли экскурсовода.

Загадка Родена волновала и манила его. И он увлекал этой загадкой своих товарищей, разворачивая перед ними судьбу гениального скульптора. Победившего неверие, насмешки и злобу современников. Скульптуры оживали, смелые и непокорные.

Долго-долго стоял Дюжев, словно ведя немой диалог с суровым «Мыслителем». «...Я знаю и люблю свое дело... Но как жаль, что не дано мне таланта скульптора. Пробовал. Не выходит. И,

У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ...

может быть; к лучшему...» Настал момент, когда ему показалось, что Мыслитель сейчас ответит. Тогда Сергей медленно, осторожно отошел в сторону. Чтобы не вспугнуть тишину.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

В новом доме, куда переехал совсем недавно, еще нет телефона. Неудобство вроде бы, а он обрадовался. Будет, мол, теперь время передохнуть и оглядеться. Побольше заниматься с дочкой. Да и квартиру надо оборудовать, обмозговать, что и как. Без телефона спокойнее.

Увы, наивное заблуждение! Минутная слабость. Даже не слабость — очеред-

СЕМЕЙНАЯ ПЕСНЯ.

Новые дела, стремительно врываясь в его жизнь, ставят перед молодым рабочим новые вопросы. И поиски истины продолжаются. Ведь она никогда не приходит к нам сразу, целиком. Добываем ее по крупицам, по крохотным песчинкам. Мгновенными вспышками обретаем осколки откровений и пытаемся сложить их в нечто единое, завершенное. Как модельщик составляет из деревянных брусков заготовку будущей детали. Но так же, как за одной моделью на завтра следует другая, так и истина требует, чтобы ее каждый раз открывали заново. Опыт, знание остались с тобой. Умножились. И все равно придется мучительно искать решение. Придется искать. Такова программа. Такова линия судьбы.

...Большой завод пахнет металлом и горелым маслом. Мимо вытянувшихся в ряд корпусов, мимо комитета ВЛКСМ идет Сергей Дюжев ко второй проходной. На смену. Сколько знакомых лиц! Товарищи протягивают руки, обмениваются новостями, смеются. Как много сделано ими, как много еще впереди! Они идут теснее, равняют шаг, стараются не отставать. Вместе — вернее. Сергей удаляется в этом потоке, сливается с ним и пропадает из виду. А вдоль тротуаров по шоссе мчатся голубые автомобили.

Новый день. Новые открытия. Новые проблемы. Двадцать тысяч комсомольцев. За каждого в ответе — Дюжев. И они все — в ответе за него. Потому что с каждого из них начинается ЗИЛ. Начинается серьезная работа.

СМЕНА

Герой нашего времени... Кто он? Каков он? Какие черты, какие поступки его характеризуют?

Эти вопросы мы адресуем читателям, чтобы, получив ответы, продолжить разговор о нашем молодом современнике, который в этом номере представлен рассказом об одном из двадцати тысяч комсомольцев ЗИЛа, на наш взгляд, типичном представителе сегодняшнего рабочего класса. Ждем ваших писем.

ВОСПОМИНАНИЯ У СТАРОГО ТОПОЛЯ

игули» меня опередили. Быстро и ловко вырвали между людьми и выскочили на центральную улицу. Я же, пока снял с ручного тормоза и развернул свою машину, упустил время и не успел выехать: несли покойницу.

Людей было немного, но они так растянулись, шагая за машиной с открытым кузовом, где лежал гроб, что вся улица была занята и движение транспорта приостановилось.

Я посмотрел на покойницу. Это была старая, совершенно седая женщина.

Наверху, за газоном, который только что зазеленел, стоял маленький автобус. К нему подходили люди, сопровождающие покойницу, останавливались, некоторое время неловко топтались, и постепенно их оставалось меньше и меньше.

Затем оставшиеся — наверное, родственники, друзья, соседи — медленно поднялись в автобус и поехали следом за машиной с гробом.

Весна полностью вступила в свои права. Потеплело. Дующий со стороны Нарикалы легкий ветерок, время от времени покачивая стоящие вдоль дороги деревья, шелестел листвою.

Напротив меня за центральной улицей стояло освещенное солнцем трехэтажное здание. Оно было построено из старого плоского грузинского кирпича красноватого цвета.

Из машины не было видно, но я знал, что за трехэтажным зданием, построенным из грузинского кирпича, стоял еще один домик — двухэтажный. Немного пониже него — школа. Затем женская парикмахерская, газетный киоск и цветочный магазин...

А если бы вы свернули, спустились к Куре и прошли до Анчихатского квартала, до старых улочек и переулков, то еще издали бы увидели каменный дом, огороженный высоким забором.

Дом был двухэтажный, с маленьким двориком. Покрашенный в яркие цвета. С балкона первого этажа, который едва возвышался над землей, на резной балкон второго этажа вела косяк, шаткая деревянная лестница.

Прямо у входа во дворик, рядом с водопроводным краном, торчащим из кирпичной кладки, стоял тополь. Наполнину засохший, старый, искореженный тополь...

Мои воспоминания прервал шум двигателей. Улица была свободной. Я выехал на магистраль и пристроился за машинами, следующими к кладбищу.

Цель воспоминаний не прерывалась. В моей памяти вновь явственно всплывали картины прошлого. Как долг, как годами не оплаченный долг тревожили сердце эти воспоминания...

И тогда стояла весна. Необычайно запоздалая, дождливая, прохладная весна.

Тбилиси военного времени. Затемненный, с запортыми дверями. Скверы и сады, где были вырыты бомбоубежища. Затихший, печальный Тбилиси.

По улицам ходили патрульные. У хлебных магазинов становились все длиннее очереди, появляющиеся с рассветом.

Останавливался прохожий, доставал кремневую зажигалку, высекал искру,

подносил затлевший фитиль к «козьею ножке» и тут же:

- Разрешите?
- Простите, пожалуйста!
- Можно прикурить?
- Спичек не было.

Молодых парней не хватало Тбилиси. Его черноволосых, усатых, веселых парней. И не хватало мечтательных улыбок незамужних девушек.

Темнело. Проходили раненые с костылями. Грохотал по мостовой фэтон.

И снова воцарялось безмолвие, чуждое для Тбилиси безмолвие. Надоевшее безмолвие, затянувшееся, бесконечное, невыносимое безмолвие.

В семье нас было трое. Сначала мы жили вдвоем с мамой. Затем поехавшая погостить к родственникам в Зестафони бабушка Магдана упала со скамейки, сломала ногу, и нас стало трое.

— Будет жить с нами, — сказала мама, когда бабушку на руках внесли в комнату. — Я у нее единственная дочь, и кому, как не мне, за ней ухаживать...

У бабушки была сломана кость бедра, мы знали, что она больше не поднимется, и старались за ней ухаживать как только могли.

Сердобольной женщиной была моя бабушка Магдана, все понимающей и знающей почем фунт лиха. Любила наставлять, внушать, читать нотации.

Лежала она с повязанным на лбу платком, положив голову на взбитую подушку, покойно сложив морщинистые руки на белоснежной простыне и, прищурив глаза, задумчиво глядела в потолок.

Казалось, и мысли ее уже не от мира сего. Отрешенные. Потусторонние.

Трудно нам жилось. Не было у нас ничего, и ничего она от нас не требовала. Лежала. Пила воду мелкими глотками из надломанной крынки. Вытирала губы, вздыхала и снова задумчиво глядела в потолок.

— Удивляюсь я!.. — начала однажды бабушка, вернувшись мыслями на землю... Сделала несколько глотков воды, вытерла губы и снова начала: — Удивляюсь, и кажется мне...

— Креститься надо, если кажется, — тотчас встал я, приподнявшись на тахте. Перевернулся на другой бок, продолжая читать «Воскресение».

Я спешил в библиотеку, и мне было абсолютно безразлично, что там кажется и что не кажется моей больной, скужающей бабушке Магдане.

Морсило. На улице прошли патрульные. Со скрежетом и звоном проехал трамвай. Раненые запели «Катюшу».

- Ну, скажешь или нет?!
- Я соскочил с тахты, сунул ноги в туфли и навис над бабушкой Магданой.
- Скажешь или нет?

Бабушка удивленно уставилась на меня.

- Что мне говорить?
- А вот, то самое... как же ты сказала... Мне кажется, что... В общем, что тебе кажется?
- Господь с тобой!
- Скажешь или нет?
- Отстань, пустомеля.
- А еще? Кто я еще?
- Болван и вертопрах.
- А еще?
- Кривляка, трепач, воображала,

убоище, несносный ребенок, баламут, шалопаи...

- Значит, не скажешь?
- Юноша, — бабушка Магдана сердито сжала губы, — ты где вырос таким бестолковым и невоспитанным?
- На проспекте Руставели.

Я схватил книгу, сунул под мышку, пригладил взерошенные волосы и приоткрыл двери.

- Куда ты собрался в такой дождь?
- В Зестафони, хочу привезти тебе скамейку.

Бабушка надулась. Мои слова больно задела ее. Глаза вмиг стали бесцветными. Обиделась, но не проронила ни слова.

— В библиотеку я иду.

Бабушка подулась еще немного. Глотнула воды, вытерла губы. Улыбнулась, будте и не обижалась вовсе, и с обычной теплотой в голосе попросила:

- Зайди к Ашоту.
- К какому Ашоту?
- К коменданту. Тебе все равно по пути, зайди и заодно возьми наши хлебные карточки. Не придется дважды ходить.

Зашел я к коменданту, взял наши хлебные карточки. Побегал в библиотеку, поменял книгу и вприпрыжку пустился домой.

Лил дождь. Небо было пасмурным, угрюмым, странно набухшим. Потом грянул гром, сверкнула молния, и пошел весенний ливень. С каждым мигом он становился все сильнее. По улицам со стороны Солонки текли дождевые реки. Они набирали силу, разливались все шире, несли песок и разный мусор. Перед Колхозной площадью эти дождевые реки сливались вместе, текли к Мухранскому мосту и, оставив на асфальте огромные лужи, стекали, наконец, в Куру.

— Облава! — кричала выбежавшая с базара женщина в черной одежде. Она перекидывала с плеча на плечо корзину, топала прямо по лужам и тарачила безумные глаза. Искала кого-то.

Так бывало часто: в местах скопления народа — на базаре, в кинотеатрах, на вокзале, иногда даже в банях — патрули закрывали двери. С оружием наготове перекидывали все лазейки и тщательно, от корочки до корочки, проверяли документы...

Когда я вернулся домой, бабушка Магдана спала. Отвернувшись к стене и положив обе руки под голову, она мирно сопела.

Я скинул мокрую одежду, вытянулся на тахте, взбил подушку, утеплился и раскрыв вновь принесенную книгу.

Дождь стих, и теперь поднялся ветер. Он будто взбесился. Долго бесновался порывами, а затем задул нескончаемым, душераздирающим, наводящим тоску воем.

— Ты уже вернулся? — Я зачитался, и поэтому неожиданным прозвучал хриплый голос бабушки, которая приподняла голову на своей постели.

— О-о-о! Доброе утро, Магдана Георгиевна! Что желаете на завтрак?

Она с укором посмотрела на меня. Покачала головой и назидательно проговорила:

- Знаешь, что я тебе скажу?
- Знаю.
- Что ты знаешь?

Я на секунду задумался:

- А то самое!..
- Что?
- То, что я не должен задираться, должен встать за ум. Должен слушаться старших, уважать стариков.
- А еще что?
- Вежливым, воспитанным быть должен. Честь должен беречь смолду. Никогда не утрачивать человечности...
- Сынок, — кашлянув, начала бабушка более мягким голосом, — слышишь?
- Слышу.
- Ну, а если слышишь, то соизволь встать и принести воды.
- А если не слышу?
- Ты посмотри на него! — развела руками бабушка. — По маленькому бычку уже видно, какой из него вырастет вол. Понятно тебе?
- Понятно.
- А если понятно, встань и принеси воды.

- Скажи сначала, тогда принесу.
- Что тебе сказать?

— Ну вот то... то самое... Что тебе кажется? Что тебе не кажется? Что тебе и кажется и не кажется? Почему тебе кажется? Для чего тебе кажется? Для кого тебе кажется? И вообще, правда тебе кажется или нет?

Бабушка Магдана перекрестилась: — Господь с тобой! Свихнулся, что ли?

Я глянул на стул рядом с бабушкиной постелью. Он был пуст. Свою долю хлеба она уже съела, воду выпила. Пустая крынка лежала тут же на полотенце. Рядом прислонена крышка от крынки.

Такая была у бабушки привычка — класть крышку рядом с пустой крынкой.

Воду, принесенную мною с кухни, бабушка выпила мелкими глотками. С наслаждением выдохнула, посмотрела на меня ласково:

- Спасибо, сынок.
- Я снова взял в руки отложенную книгу и только собрался вытянуться на тахте, как бабушка спросила:
- К Ашоту заходил?

Я вздрогнул, на мгновение застыл и в отчаянии швырнул книгу на пол, бросился к постели бабушки.

— Сынок!..

Бабушка приподнялась, опираясь на спинку кровати. От удивления открыла рот и немигающими глазами уставилась на меня. Меня трясло как в лихорадке.

— Что случилось, сынок? Да пошел мне господь твои беды! Сынок!..

Я уже ничего не понимал. Упав на колени перед постелью, я протянул руки и прижался к груди моей бедной бабушки. Еле ворочая языком, я наконец выдал из себя:

- Хлебные карточки потерял!
- Некоторое время бабушка сидела совершенно одеревеневшая. Потом тяжело выдохнула, в отчаянии стукнула себя кулаком в грудь и обреченно проговорила:
- Погибли мы!

Я кинулся к одежде. Натянул рубашку, сунул ноги в сырые штаны, нагнулся, поднял с пола книгу и сунул под мышку.

— А книга зачем?

Не оглядываясь, я представил, как бабушка смотрит на меня изумленными глазами, и торопливо начал объяснять:

— Когда Ашот дал мне карточки, шел дождь, и я сунул их в книгу.

- А потом?
- Сдал книгу в библиотеку... Взял новую и пошел домой.
- А хлебные карточки?
- Карточки остались в той книге, которую я сдал.
- Книгу сдал курносой?
- Да.
- Курносой коротышке?
- Да, я сказал!

Я уже выходил из комнаты, когда бабушка остановила меня:

— Смотри не простудись, на тебе сырая одежда. И возвращайся поскорее, нигде не задерживайся. — Она улыбнулась мне, подбодрила как могла. — Хлебные карточки найдутся.

Сердцем чувствую, найдутся... Вот увидишь!

— Э-э-х!

Я бежал по мокрым улицам. Бежал и подсчитывал. Мама моя получает в день пятьсот граммов хлеба. Я — четыреста. Бабушка Магдана — триста. Всего за день — кило и двести граммов. За десять дней это двенадцать килограммов, за двадцать — двадцать четыре, а за месяц — тридцать шесть. Тридцать шесть!

На черном рынке килограмм черного хлеба стоит сто рублей. Тридцать шесть килограммов — три тысячи шестьсот рублей.

Три тысячи шестьсот рублей!

Мать за такие деньги должна несколько месяцев работать. Попробуй купить! Э-э-х!

Попробуй тут купить!

В библиотеке не было ни одного постороннего. Одета в синий рабочий халат косоглазая Джуля стояла у окна и поливала цветы, которые выстроились на подоконнике в маленьких горшочках.

Людмила Сергеевна, низенькая, коренастая женщина с кучерявыми волосами и вздернутым кверху носом, сидела за своим рабочим столом. Накнув голову, она с привычной тщательностью заполняла разбросанные на столе формуляры.

Людмила Сергеевна была женщиной строгой, требовательной и педантичной. Гордилась званием заведующей библиотекой и везде совала свой вздернутый нос. Не зря я прозвал ее Курносой коротышкой.

— Вытирай ноги, когдаходишь в библиотеку, — бросила она мне, не отрываясь от работы, и раскрыла журнал. — Рабочее время...

— Людмила Сергеевна...

Голос сорвался. Я переступил с ноги на ногу, кашлянул и снова начал:

— Уважаемая Людмила Сергеевна...

Знаете, недавно... Помните? Я приходил в библиотеку и менял книгу...

Она подняла голову.

— Помню. Ты принес «Воскресение» Льва Толстого.

Я снова переступил с ноги на ногу.

— В этой книге... в «Воскресении»... которую я принес... В этой книге Льва Толстого остались очень важные и срочные бумаги.

На мгновение она замерла, и я торопливо и сбивчиво продолжал:

— Книгу «Воскресение» я сдавал лично вам... Вот здесь... Помните? Вы положили ее в тот стол, в самый нижний ящик с левой стороны...

Коротышка встала:

— Джуля, закрой двери. Рабочее время кончилось.

— Людмила Сергеевна...

— Книгу, которую ты принес, взяла одна пожилая читательница. Фамилии я не помню. Приходи завтра, установим.

Она хитрила. Я по лицу видел, что хитрила. Байками хотела отвязаться от меня. Хитрила и выставляла без лишних объяснений из библиотеки. Я видел, обманом хотела отделаться от меня.

Джуля закончила поливать цветы. Опустила засученные рукава и, тараща свои косые глаза, направилась к нам.

— С тех пор, как начался дождь, только трое были в библиотеке. Та пожилая женщина, ты и раненый с костылем.

— Правильно, — подтвердила Курносая.

— Приходи завтра утром. Сядем и проверим карточки всех читателей.

— Всех?

— А как же? — удивилась Джуля. — Иначе никак не установить, кто взял принесенную тобой книгу.

Джуля догадалась, что я ничего не понял, и стала снова объяснять:

— Принесенная тобой книга находится сейчас у того читателя, в чью карточку вписано «Воскресение» и стоит сегодняшнее число. Понятно?

Наступила тишина.

— А что за бумаги были в книге? — спросила наклонившаяся над столом Курносая и закрыла журнал.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

— Тебя спрашивают! — сказала Джуля и, повернувшись ко мне, строго взглянула. Взглянула и замерла.

Я плакал.

Вытирал глаза мокрым рукавом и тихо плакал.

— Говори, мальчик мой, что за бумаги остались в книге? — Джуля погладила меня по голове и села рядом.

— Это...

Я оближал пересохшие губы, сглотнул подступивший к горлу ком и, всхлиывая, с трудом выговорил:

— Хлебные карточки.

Женщины переглянулись.

После некоторого раздумья Людмила Сергеевна решила:

— Работу делим на три части! Если даже придется просидеть до утра, мы должны установить, кто унес «Воскресение»...

Шел дождь.

Ветер утих, и снова пошел дождь. Выскочив из библиотеки, я пронесся мимо людей, стоявших в очереди за керосином. Побежал под гору, пересек Желябовскую, Авлеевскую, Серебряную улицы и вприпрыжку примчался в Анчихатский квартал.

Дом под шестым номером увидел еще издали.

Он был двухэтажный, огороженный высоким забором.

Вошел и увидел маленький, уютный дворик с цветочным газончиком.

С балкона первого этажа, который едва возвышался над землей, на резной балкон второго этажа вела косая, шаткая деревянная лестница. Прямо у входа во дворик, рядом с водопроводным краном, торчащим из кирпичной кладки, стоял тополь. Только-только зазеленевший старый тополь.

Я встал под дерево. Едва собрался вытащить из кармана сложенный вчетверо лист с адресом, как услышал необычно глухой женский голос:

— Кого ты ищешь?

На балконе первого этажа, накиннув на плечи шаль, стояла толстая, рыхлая женщина.

Тазик, вынесенный из комнаты, женщина поставила на стол и внимательно посмотрела на меня, зачем-то затеняя глаза ладонью, и снова спросила:

— Кого ты ищешь?

— Джорджадзе.

— Кого? — удивленно переспросила женщина. — Аничку Джорджадзе?

Я еще раз посмотрел в свою бумагу, хотя хорошо помнил имя. На маленьком голубом листочке красивым почерком Людмилы Сергеевны был выведен адрес, а внизу — Анико Джорджадзе.

— Аничку Джорджадзе.

— Ты пришел за пакетами?

— Что вы сказали?

Она промолчала. Схватила тазик и спустилась к крану. Вытянув шею, как курица, она посмотрела на небо.

Вернувшись обратно на балкон, вытерла ноги и еще раз оглядела меня и как бы между прочим бросила:

— Аничка ушла.

— Куда ушла?

— Откуда же мне знать!

Она вошла в комнату, но тут же вернулась.

— Наверное, скоро вернется... Держи! — она протянула мне принесенный из комнаты шатающийся стул. Снова посмотрела на небо и ушла в комнату, прикрыв за собой двери.

Дождь все лил.

Я сидел на балконе и с грустью смотрел на лужи. Мама, наверное, уже вернулась с работы. Сегодня четверг, значит, мама принесла наполненную до краев полукилограммовую банку супа.

В последние месяцы у мамы на работе раз в неделю сотрудникам давали суп. Впрочем, суп — это громко сказано. Похлебка, в которой плавали несколько зерен овса или пшена и кое-где кружочки жира.

Мама свою похлебку не съедала. Наливала в полукилограммовую банку и вечером приносила домой.

Разогревали на керосинке, если же не было керосина, верите или нет, разогревали на пламени от свечи.

Мама, как правило, больше всех нали- вала мне, меньше всех — себе.

Хлеба к вечеру, конечно, не остава- лось. Мы сидели, говорили о войне, грустили, вздыхали и незаметно съеда- ли без хлеба принесенную мамой по- хлебку, водянистую, разогретую на пла- мени от свечи...

— Не появилась еще? — От неожиданности я вздрогнул, услышав глухой голос толстой, рыхлой женщины.

Она наклонилась к разложенной на полу сырой шерсти, потрогала, не вы- сохла ли, и снизу взглянула на меня:

— А какое у тебя дело к Аничке?
— А где работает тетя Аничка?
— Нигде.

Она выпрямилась, потрепанным носком домашней тапочки пододвинула ближе к стенке циновку с шерстью и вздохнула:

— Когда погиб на войне ее един- ственный сын, Аничка совсем надломилась и с тех пор не может работать... Пакеты склеивает.

— Пакеты?
— Ну да, бумажные пакеты, которые на рынке используют.

— А чем еще она занимается?
— А чем она еще может занимать- ся? — Женщина пожалала плечами.

— Спит... читает... ест, когда имеет что... склеивает пакеты, сдает их в артель и перебивается кое-как. Ой! Легка на помине! Вон она идет.

Печаль!
Бездна печали!

По-другому никак нельзя было опре- делить женщину в черной траурной одежде, которая направлялась к нам.

Она была высокой и худощавой. Со- вершено седой. Шла мелкими, разме- ренными шагами. Лицо было измучен- ным и, обескровленным. Выразитель- ным. Глаза карие, потухшие.

Я остановил ее у лестницы.
— Простите, пожалуйста... вы Аничка Джорджадзе?

Она утвердительно кивнула.
— Знаете что... простите, пожалуй- ста... В книге, которую вы сегодня взяли в библиотеке... «Воскресение» Льва Толстого... В этой книге заведующая библиотекой забыла свои хлебные кар- точки... Она меня за ними послала...

Женщина сложила свой зонтик и сказа- ла мне холодно:

— Подожди, сейчас посмотрю.
Она прошла вверх по лестнице.

Не успела Аничка Джорджадзе скрыться за дверью, как толстая, рых- лая женщина начала ворчать:

— Наверно, развела беспорядок в своих проклятых комнатах и не хочет, чтоб посторонние видели...

Она остановилась на мгновение и продолжала с пылом:

— Пусть поменяется... Почему она не хочет со мной поменяться? Моя одна чистенькая, уютная комната лучше ее двух...

Она снова на секунду остановилась:
— Как ты сказал? Заведующая биб- лиотекой оставила в книге свои хлеб- ные карточки?

Несколько минут тянулись словно вечность. Рыхлая женщина слонялась по балкону, что-то бурчала себе под нос, бесцельно перебирала сохнущую шерсть. Время от времени она бросала быстрый взгляд на верхний этаж.

Я стоял на лестнице, не замечая дождя. Наконец показалась Аничка Джорджадзе. Спустилась по мокрым ступенькам своим размеренным шагом. В руках она держала «Воскресение».

Поравнявшись со мной, она отвела свои потухшие глаза и сухо сказала:

— Я еще не раскрывала. Как принес- ла, так и лежала на столе. Посмотри. Непослушными, дрожащими руками я раскрыл книгу. Через несколько стра- ниц после потерятой обложки увидел хлебные карточки.

Все три.
Мамины, бабушкины и мои...

По сей день не могу понять, как эта старая, надломленная горем женщина могла еще так долго влачить свое суще- ствование.

Несколько раз я еще видел ее после. Все-таки жили в соседних кварталах, и время от времени то там, то тут встре- чался с ней.

Она таяла на глазах. Еще больше высохла, угасала день ото дня.

Опираясь на палку, волочила ноги по асфальту. И этот путь ее был таким же постылым, как ее существование...

Всякий раз, когда я проезжал мимо этого дома, обнесенного каменным за- бором, и видел старый тополь, возника- ло желание остановить машину.

Хотелось выскочить, взбежать по ко- сой, шаткой деревянной лестнице, веду- щей на второй этаж, и осторожно посту- чать в двери боковой комнаты.

Сказал бы изумленной женщине в черной, траурной одежде все благодар- ности, которые не сумел сказать тогда...

Рассказал бы! И то рассказал бы, как она, сама голодная и одинокая, спасла от голода нас. Рассказал бы, как благо- словляла ее моя мама. Как жарко моли- ла бабушка бога, чтобы тот совершил чудо и чтобы единственный сын Анички Джорджадзе вернулся невредимым с войны...

Виновен!
Так и не выбрал я для этого время. Так и не пришел с подарками — кашеми- ровым отрезом, платком, фруктами и сладостями — в этот дом, где жила жен- щина — бездна печали.

Виноват!.. Виноват!..
Открытая машина, на которой лежала покойница, и следующий за ней малень- кий автобус стали подниматься в гору по дороге, ведущей к кладбищу.

Я пристроился за маленьким автобу- сом. Снова погрузившись в воспоминан- ния, следовал за телом Анички Джор- джадзе.

Солнце перевалило зенит.
Вдоль дороги выстроились деревья, и их тени качались на асфальте.

Наверху между деревьями показались маленькие домики. Покрытые красной черепицей, облепленные ма- хонькими балкончиками красивые домики.

У дороги на лужайке играли дети. Прыгали, носились за мячом, кричали, наполняли все вокруг звонким смехом. Автобус остановился.

На светофоре перекрестка горел красный свет. Увидев этот свет, я вдруг вспомнил: ведь сегодня пятница и, зна- чит, сегодня приезжает из Кутаиси моя Натаи.

Натаи!
Моя Натаи!
Ворчунья. Непостижимая и все равно самая близкая, строгая и все равно самая родная — моя Натаи!

Я глянул на часы. До прибытия поезда оставалось совсем немного времени.

Из раздумий меня вывели автомо- бильные нетерпеливые гудки.

На светофоре был зеленый свет. За мной вытянулся длинный ряд машин. Раздосадованные водители, высуну- шись из окон, торопили меня гудками.

Думать было некогда.
Надо было трогаться, быстро ехать на рынок, купить гвоздик. Потом вовсю газовать к вокзалу, чтобы успеть до прибытия поезда.

Либо...
Либо надо было отдавать долг. Года- ми мучивший меня неоплаченный долг.

Должен был подойти, взять горсть земли и бросить в могилу.

Бросить и сказать, как бы сказала моя бабушка:

— Царство тебе небесное, Аничка Джорджадзе! Из земли родилась, в зем- лю и ушла!

Сзади сигналили.

Я махнул рукой, бросил окурочку. Вытер выступивший на лбу пот и тронул маши- ну вслед за небольшим похоронным кортежем.

Где? Ну, скажите, где бы я успел купить белые и красные гвоздики до прибытия поезда?

А?

Перевел с грузинского
Элгуджа ГАГИШВИЛИ.

УПРЕК

В редакцию журнала пришло коллективное письмо от работников сельсовета села Большие Извалы Елецкого района Липецкой области. Авторы жаловались: собранный школьниками металлолом не вывозит- ся для его использования по назначению. Копится, валяется в кучах, а забрать вроде некому.

Редакция направила письмо для принятия мер в исполком Липецкого областного Совета народных депутатов. Вот ответ:

«Исполком областного Совета народных депутатов сообщает, что факты, указанные в письме, имели место. Письмо обсуждено с работни- ками предприятия «Вторчермет». Дано строгое указание — навести порядок в организации вывозки лома, особенно в сельских районах области.»

Лом, собранный школьниками и населением Большеизвальского сельсовета, отправлен в елецкий цех «Вторчермета».

Ф. ЧАЛЫШЕВ,
заместитель председателя
Липецкого облисполкома»

Хорошо, что хотя бы после письма читателей меры приняты, но ведь случай, когда металлолом или макулатура, собранные городскими или сельскими школьниками, месяцами не вывозятся со школьных террито- рий, далеко не единичен.

В Министерстве просвещения СССР нам сообщили, что директора школ нередко называют во все инстанции вплоть до райисполкомов с просьбой: только дайте машину, а погрузим все собранное детьми уж как-нибудь сами.

Кто же отвечает за то, чтобы вовремя вывозился металлолом, столь необходимый сейчас нашей промышленности?

Во Всесоюзном производственном объединении «Союзвторчермет» нам на этот вопрос ответили: согласно существующим нормам, лом вывозят шедские организации.

Что ж, у некоторых шефов, наверное, достаточно своих проблем, и им не хватает времени на такие «пустяки», как кучи металлолома или макулатуры во дворах подшефных школ.

Но ведь речь-то не о таких уж и «пустяках». Проблема эта затрагивает не только экономическую сторону, но и моральную. Какое чувство может остаться у ребят после того, как они, откладывая уроки на вечер, целыми днями искали по дворам, тащили на себе тяжелые «железки», надеясь, что их стараниями металлолом превратится в поезда, самолеты, машины. В результате равнодушия взрослых труд пионеров и школьников пропадает даром. Значит, помощь их не нужна?

Нет, нужна. Только за 1982 год пионерами и комсомольцами собрано около миллиона тонн бесхозного лома. Во многих районах планы по заготовке вторсырья выполняются именно за счет школьников. И необходимо поддерживать в ребятах энтузиазм, ощущение своей полез- ности, приобщения к серьезному, нужному делу. Отвечают за это взрослые люди, шефы школ; от них тоже зависит, как будет решаться «проблема вторсырья» — проблема экономическая и нравственная.

Какие правила установлены для наследования предметов домашней обстановки и обихода?

П. ГРАЧЕВ,
Саратов

Предметы переходят по зако- ну наследникам, проживавшим совместно с наследодателем до его смерти не менее одного года, независимо от очереди и наслед- ственной доли. Это вещи, ис- пользование в общем домашнем хозяйстве и быту, за исклю- чением особо ценных изделий и произведений искусства. На- пример, с наследодателем про- живали дочь и сестра, а сын

имел другую жилплощадь. В этом случае предметы обычной домашней обстановки и обихода получают в равных частях дочь и сестра (хотя сестра — наследник второй очереди), сыну же, на- следнику первой очереди, ниче- го из этих вещей не перейдет.

Каждый гражданин может оставить по завещанию все свое имущество или часть его (в том числе и предметы домашней об- становки и обихода) одному или нескольким лицам, как входя- щим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также государству или общественной организации. В этом случае вступает в силу порядок насле- дования по завещанию.

Завещатель может лишить права наследования одного, не- скольких или всех наследников по закону. Однако несовершенно- летние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные), а также нетру- доспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы умершего наследуют независи- мо от содержания завещания не менее 2/3 той доли, которая при- читалась бы им при наследова- нии по закону (обязательная до- ля). При определении обяза- тельной доли наследства учиты- вается стоимость всего наслед- ственного имущества, в том чис- ле и предметов домашней обста- новки и обихода.

А ЧТО У ВАС?

Команда —
ко двору!

**ЮЖНЫЙ
ЛЕД**

Леший
на опушке?

**ЗАОЧНЫЕ
УЗОРЫ**

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

Стеклопуть

Не за горами то время, когда городские магистрали и загородные шоссе станут похожими на накрахмаленную скатерть. Традиционный асфальт, покрывающий дорогу, заменят новым оригинальным материалом — дорсилом.

В основе этого покрытия — смесь песка, шлака, битума, минеральных добавок. Оно лучше, чем асфальт, обеспечивает сцепление колес с проезжей частью, почти вдвое сокращается тормозной путь автомобиля. Применяя красители, дорсил можно сделать красным, синим, желтым...

Ученые, водители, инспектора ГАИ предпочли белый. Белый дорсил позволяет шоферам четко видеть дорожную обстановку и разметку, издали замечать пешеходов.

Дорсил втрое прочнее ас-

фальта, долговечнее. Ему не страшны перепады температур, осадки, гололед. Не нужно регулярно красить разделительные полосы, ставить «заплаты», как на асфальте, когда тот трескается и образуются выбоины. Летом, в жару, дорсил не бывает вязким и мягким. Чередование цветов на пешеходных дорожках (например, белого с красным) не утомляет водителей, сосредоточивает внимание, улучшает реакцию...

В Туле освоен промышленный выпуск дорсила. И в нынешнем году туляки отправят дорожникам столицы свыше двух с половиной тысяч тонн этого материала. Дорсил обходится пока несколько дороже асфальта. Но, как говорится, «овчинка стоит выделки». Ведь белое покрытие сэкономит массу электроэнергии, которую тратят сегодня на освещение трасс. Большой эффект ожидают от сбережения миллионов фондов, затрачиваемых в крупных городах на ремонтные дорожные работы.

Валерий ПЛЕШАКОВ

...ТАК НЕ БЫВАЕТ?

Сабацминдское чудо

Уже сто лет исполнилось этой загадке природы, однако суть явления до сих пор остается тайной для ученых.

Казалось бы, о какой вечной мерзлоте может идти речь в Грузии? И между тем в тысяче двухстах пятидесяти метрах над уровнем моря, на окраине села Сабацминда, существует яма естественного происхождения, в которой зимой регулярно тает снег, а летом стоит мороз — минус один градус.

Последняя летняя экспедиция обнаружила в загадочной яме даже куски льда. Длина одного такого куска — сорок пять сантиметров, ширина — тридцать, высота — пятнадцать. И опять не было найдено никакого сколько-нибудь правдоподобного объяснения происходящим процессам.

Егор КАРПОВ

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

ЧЕЙ АВТОПОРТРЕТ?

Как-то раз я был в командировке неподалеку от латвийского города Стренчи. Буквально в день отъезда нам предложили совершить небольшую поездку в лес, на правый берег реки Гауя.

Там, всего лишь в шести километрах от города, на опушке леса, прилегающей к берегу реки, мы увидели самое настоящее чудо! Здесь, как нам объяснили, не парк и не заповедник, но тем не менее какой-то человек, вроде бы пенсионер, не первый год приезжает сюда с набором

инструментов и украшает опушку и берег разнообразной деревянной скульптурой.

А вот как зовут того человека, нам никто не смог ответить... Удалось увидеть только автопортрет художника. А так хотелось бы знать его имя! Быть может, кто-то бывал в этих местах и встречался с ним?

Станислав КОСТЫЛЕВ.

Фото
Петра НОВИКОВА

ВРЕМЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

КОВРОВАЯ РАДУГА

Кто не хочет украсить дом праздничным узором персидского или бухарского ковра?

Помочь многочисленным любителям этого старинного прикладного искусства вызвались работники Дома культуры № 1 города Ферганы, где несколько лет назад начал свою работу первый в нашей стране заочный кружок любителей-ковроделов. Для кружковцев были разработаны конспекты по истории и теории ковроделия, изготовлены чертежи и описания небольших ткацких станков, которые легко сделать в домашних условиях. Занятия начались с изучения наиболее распространенной персидской техники ткачества, потом освоили узбекскую и белорусскую, украинскую и туркменскую.

Изделия самодельных мастеров неоднократно экспонировались во многих городах нашей страны, лучшие из них отмечены дипломами ВДНХ СССР. За годы существования кружок окончили уже около двухсот человек, и в творчестве каждого из них продолжает жить вечно молодое и прекрасное искусство древних ковроделов.

Александр ДРОЗДОВ

ПАМЯТЬ

Молодость старой дивизии

За прошедшие десять лет в Ставропольском крае хорошо узнали этих ребят — учеников 618-й средней школы города Зеленограда. Не раз они бывали здесь, встречались и беседовали с ветеранами прошедшей войны.

Особенно интересовали школьников рассказы бывших воинов 4-й гвардейской Мозырской Краснознаменной кавалерийской дивизии, которая входила в состав 2-го гвардейского корпуса генерала Льва Доватора, а также воспоминания местных жителей, причастных к формирова-

нию дивизии, родившейся когда-то в этих местах.

За годы поиска красные следопыты собрали массу интереснейшего материала: фотографии, документы, подлинных писем фронтовиков, их личных вещей... Ребята прошли походами весь боевой путь дивизии, и каждый такой поход пополнял школьный музей боевой славы новыми экспонатами.

Сергей ПЕРЕЛЫГИН.

Фото
Владимира МАШАТИНА
На снимке: участники экспедиции.

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

ГУДОК ДОРОГИ

Кажется, совсем недавно в Новый Уренгой вертолетами забрасывали первые «балки», и вот уже появился в городе первый светофор, а городская газета выходит со статьей, заголовок которой еще несколько лет назад звучал бы сказочно: «Осторожно: железная дорога».

«Представьте себе такую картину: у перрона московского вокзала стоит пассажирский состав, а радио объявляет: «До отправки скорого поезда «Москва — Новый Уренгой» остается пять минут», — писал не так давно один из участников Новоуренгойского общегородского конкурса школьных сочинений.

И вот оно, это будущее, уже обретает зримые черты. В город действительно пришла железная дорога. Стальная колея прочной нитью связала районы газодобычи с центральными районами нашей страны. Сотни вагонов с различными грузами приходят ежедневно в Новый Уренгой, а в списке профессий, необходимых городу, появилась еще одна — ревизор по безопасности движения поездов.

Василий ЗАЙЦЕВ

ФИЗКУЛЬТ-УРА!

Соседи на старте

Программу соревнований жители двух соседних домов в поселке Магнитка, что под городом Первоуральском, определили сообща.

Соперники оспаривали первенство в двухкруговом волейбольном турнире, по шахматам, пулевой стрельбе и мини-футболу. Причем каждая команда имела свой «олимпийский резерв» из живущих в доме ребятшек.

Первыми победителями межсоседских игр как раз и стали представители «олимпийского резерва». В тире братья Андрей и Александр Тряпицыны стреляли лучше взрослых, а также и своих сверстников, братьев Олега и Игоря Новоселовых. Надо сказать, что правила соревнований допускали совмещение спортивных профессий. Так, например, заместитель директора Первоуральского рудоуправления М. И. Тряпицын удачно выступил и на волейбольной площадке и за шахматной доской.

Борис ПЕТРОВ

ДЕТСКИЕ ДОМ

Каждый рабочий день приносит проблемы, многие из которых требуют немедленного решения. И никуда от них не денешься в нашей школе, полное название которой говорит само за себя — школа-интернат для детей-сирот и детей, лишенных попечительства родителей.

Дело, не терпящее отлагательства, стояло и за недавним звонком из ППТУ, где учится немало выпускников нашей школы.

— Ваш Андрей, — в трубке назвали знакомую фамилию моего бывшего воспитанника, — попал в милицию. Приняли парня в училище, сделали, как говорится, доброе дело, а он... Черт нас дернул с вами связаться! — с нескрываемым раздражением произнесли в трубке и бросили ее на рычаг.

Мальчишка, о котором шла речь, действительно трудный. До десяти лет жил в семье, мать и отец беспорядочно пили — их лишили родительских прав. Тогда мальчик был направлен в интернат. Долго дичился, не мог привыкнуть к новому коллективу, даже сбегал несколько раз... Только спустя два с лишним года потеплело в его душе, потянулся паренек к учителям, воспитателям, стал интересоваться техникой, и когда в начале восьмого класса я спросил его, куда бы он хотел пойти учиться, Андрей назвал училище, в которое поступают многие наши выпускники. Они часто бывают в школе, рассказывают об учебе, а пример сверстников в выборе профессии порой значит больше, чем доводы учителей. Андрей поступил в избранное им ПТУ, но не прошло и двух месяцев с начала учебы, как сорвался, совершил серьезное правонарушение, попал в милицию, и вот уже: «Черт нас дернул с вами связаться!»

Обидно, конечно, когда одной фразой зачеркивают результаты твоего немалого труда, но я знаю, что не обижаться сейчас надо на эти слова, а о дальнейшей судьбе парня думать. Ведь не могло же это случиться просто так, значит, Андрея мы выпустили в самостоятельную жизнь несформировавшимся человеком.

Каждый раз, глядя в дни выпускных экзаменов на своих восьмиклассников, я думаю об этом. Не могу не думать. Потому что лишь восемнадцать из двухсот пятидесяти воспитанников интерната — круглые сироты. У остальных есть отцы и матери. Правда, они или лишены родительских прав, или отстранены комиссиями по делам несовершеннолетних от воспитания своих детей. Многие дети попадают к нам в возрасте десяти-двенадцати лет, не только забыв, но и уже накрепко усвоив семейные уроки антипедагогика. И вот к каждому такому даже самому неподдающемуся новичку воспитатель должен подобрать свой ключик. Иначе неизбежны конфликты. Ребенок озлобится, напряжение вокруг него будет нарастать, и, еще не воспитав, мы можем потерять его. Вот и волнуемся мы за каждого нашего воспитанника, особенно за тех, кто, подрастая, покидает стены интерната. Проводы выпускников в самостоятельную жизнь для нас не только радостны, но и тревожны. Как-то сложится их дальнейшая судьба?

Случается, что проходит месяц-другой этой самостоятельной жизни, и бывший детдомовец, поступивший в ППТУ, попадает в разряд трудных, а директор училища не находит ничего лучшего, как обрушиться с обвинениями на школу-интернат:

— Вы пишете в характеристике, что он хороший мальчик, а на самом деле подсовываете хулигана!

Что ж, давайте разберемся, обоснованы ли подобные обвинения в наш адрес.

О будущей профессии мы начинаем говорить с ребятами в восьмом, выпускном классе. И вот что я заметил: серьезность, обстоятельность этого выбора зависит от качества всей нашей педагогической работы, от того, какая атмосфера складывается в детском доме. Именно она, эта атмосфера, определяет нравственное и интеллектуальное развитие ребенка. Опытный и стабильный педагогический коллектив, различные кружки и клубы по интересам, тесные связи с шефами — все это влияет на

выбор нашими детьми дальнейшего жизненного пути. К восьмому классу у них должно — мы так считаем — сложиться ясное представление о будущей профессии. Но бывает, что реальный жизненный опыт ребят вносит в эти представления свои коррективы. Вот, к примеру, с прошлого года мы решили направлять своих выпускников в училища шефов — строительное и шелкового комбината. Как ни старались, а среди восьмиклассников строительные профессии популярностью так и не пользуются. И немудрено: уже два года ребята своими глазами видят, какими темпами идет капитальный ремонт нашей школы.

— Да вы за что нас агитируете? — смеются ребята. — Чтобы и мы потом так же строили?..

Приходится методом от противного доказывать, как необходимы деловые, образованные люди в строительстве...

Шефы тоже могут играть большую роль в профориентации воспитанников. В городе Лесосибирске

ПЕРЕШУЛИВ ПОРОГ

Герман КУШКИН,
директор
Красноярской
школы-интерната № 3

Красноярского края есть школа-интернат, подобная нашей. Так вот, все до одного ее выпускники поступают работать на предприятие шефов — канифольно-экстракционный завод. Завод дает ребятам не только профессию. Он обеспечивает их прекрасным общежитием, заботится о быте, направляет на учебу в институты и техникумы. Случается, конечно, что потом кто-то из ребят меняет профессию, уезжает в другой город. Но все равно шефы успевают помочь педагогам сориентировать ребят в выборе профессии, правильных жизненных ориентиров, нравственных ценностей.

Что еще нас заботит, так это чтобы кругозор наших выпускников был достаточно широким. У нас в интернате работает радишкола, филиал художественной школы имени Сурикова, есть прекрасный духовой оркестр, проводятся встречи с красноярскими артистами, писателями, поэтами. Особенно запомнилась нам всем встреча с лауреатом Государственной премии СССР писателем Виктором Астафьевым и его женой, тоже литератором, Марией Семеновной Корякиной, которые взяли шефство над школой и передали в нашу библиотеку много хороших книг. И общение с интересными людьми, и книги, и занятия искусством — все это даст, я думаю, свои плоды в будущем...

А сегодня перед нами остро стоит проблема адаптации выпускников в тех коллективах, куда они приходят после школы-интерната. Представители трех красноярских ППТУ, куда поступают наши ребята, бывают в школе и до начала учебного года. Но я не припомню, чтобы они знакомились с личными делами, расспрашивали педагогов о жи-

ни в интернате, об особенностях воспитательного процесса. Все это необходимо знать, потому что, поступив в ППТУ, подросток попадает в совершенно иную, нежели в интернате, обстановку.

В интернате — постоянная забота о нем, внимание к его увлечениям, ежедневный контроль, наконец. Ребята привыкают к этому. В ППТУ наши подростки как бы растворяются в большом коллективе, и зачастую все вокруг забывают о том, что к ним нужен особый подход, особое внимание.

Ведь как было с Андреем? Поступил в одно училище. Что-то ему там не понравилось, пошел забирать документы. Без особых распросов их ему вернули. С этими документами — в другое училище, где «учатся на шофера». Узнав о метаниях Андрея, звоню директору первого училища и спрашиваю, почему парню документы отдали. «Он сам попросил», — отвечает бесстрастно. А ведь можно было бы вначале с нами посоветоваться, расспросить, что за характер у мальчишки, с какой стороны к нему подход искать, вместе поразмыслить, стоит ли ему переводиться в другое ППТУ. Возражать я бы не стал — чего ж на горло мечте наступать. А в данном случае поразмыслил бы: в училище, куда ушел Андрей, слабый коллектив... Я о его переходе стороной услышал, от ребят. Сам он постеснялся в интернат прийти, а из училища нам никто не позвонил. О школе, фактически о его родном доме, вспомнили только тогда, когда Андрей попал в милицию. Да и вспомнили-то лишь для того, чтобы вину парня на кого-то взвалить, о судьбе самого же подростка забыли.

Школа не забывает своих питомцев, а вот профтехучилище ответственности за них не чувствует: мол, вы воспитали — вы и отвечайте. С инерцией такого мышления бороться трудно.

Много у нас разных проблем с трудоустройством и материальным обеспечением наших выпускников. Прежде всего надо помнить, что детдомовцы беспомощней в бытовых мелочах, чем дети, воспитанные в семье. Не привыкшие обращаться с деньгами, не знающие, как правильно распределить их, они в первые же дни месяца могут «промотать» стипендию или зарплату. У интерната есть право оказать своему бывшему воспитаннику разовую помощь: одеть его, поддержать материально. А дальше?.. Я не говорю о какой-то особой опеке над детдомовцами, о создании им исключительных условий в училище, а потом в рабочем коллективе. Нет, условия должны быть самые обычные. Речь о другом. О том, чтобы наши ребята, учась в ПТУ или техникуме или работая на заводе, не растеряли качества, заложенных, воспитанных в них детским домом. Потому что уж очень часто бывает так, что подросток, попав в другие условия, с горечью ощутив равнодушное отношение взрослых к своей судьбе, ломается.

Мы, например, проверили, как живут и учатся наши ребята, поступившие в ПТУ. Увы, результаты оказались неутешительными. Нет, сами ребята особенно не жаловались. Но мы узнали, что почти ни с кем из них за время обучения педагоги ПТУ индивидуально не беседовали, мало кто интересовался их увлечениями, интересами. Личные дела детдомовцев лежат, что называется, в общей куче, хотя в училище из трехсот-четырехсот человек детдомовцев не более десяти.

К слову сказать, в прошлом году несколько наших восьмиклассников поступили в девятый класс обычной школы-интерната. Знаю, что когда приехала туда завуч Мария Ивановна Першина, ребята кинулись к ней чуть ли не со слезами, особенно девочки: не могут привыкнуть к порядкам новой школы. Со временем они, конечно, притрутся в коллективе, но мне кажется, что разрыв со своим родным интернатом — это травма, это все равно что разрыв с семьей...

...С Андреем мы встретились в милиции. Съездившись, будто от холода, он молча сидел на стуле, почти не поднимая глаз. И показалось, что это тот же настороженный, одинокий мальчишка, каким я увидел его впервые в интернате.

Значит, все надо начинать сначала.

ТЕПЛЫЙ ДОМ

Сорок лет проработав воспитателем в детских домах, конечно, не могу не задумываться об их судьбе, об их настоящем и будущем. Да, случались и, увы, будут случаться роковые, непредсказуемые беды: автомобильные катастрофы, трудноизлечимые болезни, уносящие жизни даже и молодых людей. Беды эти не щадят ни взрослых, ни детей, остающихся сиротами. Государство берет их под свою опеку, детский дом помогает встать на ноги. Но мы, педагоги, знаем, что не только смерть родителей делает несчастным ребенка, многих из наших воспитанников приводит в детский дом беда совсем не случайная. Отцы и матери их не умерли, не погибли. Они живы, здоровы, некоторые, можно сказать, здравствуют и в ус не дуют. Это пьяницы, лишенные родительских прав, люди просто непутевые, потерявшие понятие о гражданской чести и порядочности, приспособленцы, переложившие свои отцовские и материнские обязанности на плечи государства. Их не мучают угрызения совести. Они ходят по нашей земле не озираясь, работают с нами на одном заводе, в одном учреждении. Как родители, мы обязаны призвать их к ответу. Сделать это необходимо во имя детей — они-то ни в чем пока не виноваты.

Детский дом, в котором я работаю, расположен на тихой улице небольшого подмосковного города. Обычное, с виду не очень и приметное здание. Но в его стенах ежедневно идет тонкая, кропотливая работа по строительству юных душ. Для нас, воспитателей, это будничная работа. Правда, будни иногда взрываются событиями горькими, выводящими ход детдомовской жизни из привычной колеи. Именно таким событием недавно стал, например, побег из детдома Славы Звонарева...

Отец...

«в юридических рамках»

В тот же день я поехал его разыскивать. Поехал не в милицию и не в детприемник, куда доставляют малолетних беглецов, а к родному его отцу.

Адрес папаши у меня в записной книжке. Интуиция подсказывала, что Славка там, поскольку уже не раз мы возвращали его в детский дом именно из отцовской квартиры.

Славкина история для нас, воспитателей, не редкость. Была семья Звонаревых: муж, жена, ребенок. Жили недружно, дом часто сотрясали скандалы. Когда муж нашел себе другую избранницу сердца и ушел из семьи, Звонарева запыла, покатила вниз. Сына, конечно, забрехала. Часто мальчишка весь день ходил голодный — всю свою зарплату Звонарева пропивала. Вмешалась общественность школы, где учился Слава, и мать по суду лишила родительских прав, а сына определили в детский дом. К новому своему месту жительства мальчишка привыкнуть никак не мог, все время рвался к отцу. А в доме у отца мачеха от одного упоминания имени Славы приходила в бешенство: дескать, как это смеет чужой ребенок переступать порог ее квартиры...

Электричкой добирался до нужной станции. Вот и знакомый девятиэтажный дом. Дверь открывает мужчина лет тридцати пяти, по-домашнему облаченный в пижаму.

— Опять за Славкой! — восклицает он, пожимая мне как старому доброму знакомому руку. Звонарев рад моему приезду, так как я избавляю его от неприятности держать в доме «бегущего ребенка».

Звонарев подает мне шлепанцы, молча ждет, пока я переобуюсь, потом приглашает в комнату.

Вслед за ним появляется Славкина мачеха. Из кухни пахнет пирогами — день-то воскресный.

— Измучил он вас, этот паршивый мальчишка, — сокрушенно вздыхая, говорит женщина.

— Да, — качает головой Звонарев, — не позавидуешь вашей работенке. Проходите, сейчас устроим ему головомойку.

Но воспитательную беседу на этот раз пришлось отменить, поскольку, заслышав в прихожей мой голос, Славка быстро выскочил в лоджию и, переметнув по ней в соседнюю квартиру, как говорится, был таков. Ругая себя, что не запер балконную дверь, Звонарев между тем предложил выпить с ним чаю. В слабой надежде на возвращение Славы я согласился.

И вот мы сидим друг против друга, настоящий отец и отец, так сказать, аккредитованный государством. Передо мной пышущий здоровьем субъект с печатью довольства жизнью и сознанием собственной значительности на лице. Даже обездоленная судьба родного сына не вывела его из состояния олимпийского спокойствия.

— Послушайте, у вас хорошая квартира, живете вдвоем, неужели не можете взять сына к себе? — напрямик спрашиваю Звонарева.

— Видите ли, какая ситуация, — вздохнул он и стал неторопливо, витиевато излагать свою мысль. — С точки зрения юридической, я отец, поскольку суд обязал меня платить алименты. Но... вам не кажется, — продолжал он склеивать слова, — что вы задаете вопрос, превышающий ваши служебные полномочия?..

— Так и знал, что вы это заметите, — ответил я. — Однако и вам и мне надоело побегать мальчугана. Пора положить этому конец. Сын ваш должен жить спокойно, беготня мешает ему учиться.

— Да, да, положить этому конец нужно, — соглашается Звонарев. — Но ведь это прежде всего ваша забота, уважаемый воспитатель. Алименты я плачу детскому дому, и, значит, он обязан воспитывать ребенка... Впрочем, если вы как педагог посоветуете, то я могу выпороть вашего воспитанника, чтобы он не нарушал дисциплину государственного учреждения. Дисциплинированность, сами знаете, главная черта всякого порядочного человека!

«Ну и тип, — хотелось сказать этому самодовольному гражданину Звонареву, — толкуешь о порядочности, а есть ли она у тебя самого?» Впрочем, что можно ожидать от человека, считающего, что свои отцовские обязанности он вправе заменить обыкновенной денежной мздой...

— Видите ли, детский дом не колония преступников. Забора с колючей проволокой у нас нет, — пытаюсь выглядеть спокойным, поясню я. — В детдоме все основывается на добровольном согласии, на самосознании...

— Вот и вырабатывайте у Славы это самосознание, — подхватывает он. — У вас целая наука за плечами, не то что у нас, необразованных. Вам и карты в руки.

Аккуратно расставляя слова, он не спеша выхватывает по комнате и читает мне нравоучения. Этот тип прекрасно сознает, что я бессилён повернуть события вспять.

А Славка — что тут поделаешь! — не хочет жить в «казенном доме», ему нужен дом родной, отцовский, ему нужна мать, нужен отец, даже вот такой, как Звонарев. Вспоминаю, как однажды, тоскуя по родному дому, Слава убежал к своей лишенной родительских прав сившейся вконец матери, но встретила его опечатанная квартира: мать за какое-то преступление уже отправили в тюрьму...

Сижку еще минут десять, хотя чувствую, что Слава сейчас не вернется, а, как в прошлый раз, будет где-нибудь прятаться до вечера. Придется ждать, оставлять мальчугана в этом холодном доме нельзя. Встаю, говорю, что придти вечером, возможно, возьму Славика с постели.

...Чтобы как-то скоротать время, брожу по улицам, а из головы не выходит Славка, мысленно перебираю случаи из своей педагогической практики, гадаю, какой же ключик подобрать к душе мальчишки.

И вспомнился еще один такой же беглец, звали его Юркой. Как ни бился мы с ним, сколько испытанных воспитательных приемов ни применяли, ничего не помогало. И тогда решили обратиться за помощью к ребячьему коллективу. Ребята хорошо нас поняли и такой искренней заботой окружили Юрку, что ему просто совестно было подводить товарищей. Однажды, очень уж захотев съездить к бабушке, он попросил:

— Разрешите, загляну к ней только на часик, а к вечеру обязательно вернусь. — И правда, вернулся.

Вспомнился и другой беглец, Миша. Этот, улизнув из детдома, просто катался на пригородных электричках. Родных у Миши не было, ночевал на вокзалах, и, конечно, всякий раз милиционер доставлял его в детприемник.

Как-то в беседе с Мишей я попытался выяснить, почему он стал бегать из детдома — ведь раньше такого греха за ним не водилось. Мальчуган, глядя в пол, молчал, потом поднял голову, и я увидел его большие серые глаза, полные слез.

— Я привык к вам, а меня перевели в другую группу, — вздохнул он.

Миша сильнее других детей привязывался к взрослым и очень дорожил лаской и вниманием воспитателей. В группе, куда его перевели, воспитатели, видимо, не учли этого, и мальчуган замкнулся, ушел в себя, стал уединяться, а потом и сбежать. Вспомнилось, как с замиранием сердца слушал он мои фронтовые рассказы, и было видно: он гордится, что его воспитатель — участник войны.

Я никогда не стремился иметь среди воспитанников любимчиков, люблю и жалею всех одинаково и в ответ ожидаю того же самого. Но ведь сколько детей — столько и характеров. После разговора с завучем Мишу возвратили в мою группу. С этого дня он опять ходил за мной по пятам и уже никуда не убежал...

Пока перебирал в памяти все эти приятные и не очень эпизоды ребячьих судеб, не заметил, как стемнело. Вновь отправился к Звонаревым, хотя и тошно было на душе от мысли о предстоящей встрече с отцом Славы.

Дверь в квартиру была приоткрыта, и из нее на лестничную площадку доносилось чье-то рыдание. Кажется, плакал Славка.

Почувствовав недоброе, открыл дверь и направился прямо в комнату. На диване, охая, лежала Славкина мачеха. Старший Звонарев стоял лицом к балконной двери и нервно теребил кончик занавески. Славка, съезжившись в углу, плакал навзрыд.

Увидев меня, он бросился навстречу. — Заберите, не могу больше! — иступленно крикнул он. — Я никогда, никогда больше не приеду сюда!.. Пусть он... — Слава махнул рукой в сторону отца, — пусть он живет с этой стервой!.. Пусть живет!

Захлебнувшись слезами, мальчуган впопыхах

ОБВИНЯЮТСЯ РОДИТЕЛИ

Анатолий ЗАХАРОВ,
воспитатель детского дома

натянул валенки, рывком распахнул дверь, выскочил на лестничную площадку. Мне ничего не осталось, как догонять его...

Оказывается, промотавшись по поселку до вечера, Слава вернулся домой всего за несколько минут до моего прихода. Дверь оказалась незапертой, и он на цыпочках прокрался в прихожую и прислушался. Из комнаты до него доносился разговор отца с мачехой. То, что он услышал, потрясло его. Мачеха, оказывается, назвала его, Славу, подзаборным щенком и заявила отцу, что, если «щенок» будет опять являться к ним в квартиру, она немедленно подаст на развод.

Но гораздо больше, чем брань мачехи, взбудоражили душу ребенка слова отца. Звонярев, уговаривая жену, сказал ей, будто Слава не родной ему сын, и он всеми силами постарается избавиться от мальчишки, подаст в суд, перестанет платить алименты.

— Что такое «алименты»? — немного успокоившись, спросил меня Слава.

— Деньги, которые он платит государству, — объяснил я. — За то, что мы тебя кормим, одеваем, учим, воспитываем.

— А как понять, — допытывался он снова, — слова отца, что мать моя пьяница и нашла меня под забором?

На этот горький вопрос я не нашелся, что ответить, сказал только, что ему рано разбираться в делах взрослых.

Несколько дней после этого Слава ходил, как побитый. Не разговаривал с товарищами, не реагировал на обращения к нему слова воспитателей. Он ушел в себя, замкнувшись в своем горе. В двенадцать лет он понял, что окончательно потерял отца, и впервые ощутил себя совершенно одиноким человеком. Какими словами выразить такую беду?

После того злополучного побега Слава уже не исчезал из детского дома. И никогда больше не произносил имени отца. Он вычеркнул его из своей жизни.

Двойка по поведению... маме

Вечер. Уроки давно сделаны, и в детском доме наступает час, когда каждый из ребят выбирает себе занятие по душе. Мальчишки разбежались кто в столярную мастерскую, кто в живой уголок, к своим свинкам и попугайчикам, кто в холл смотреть телевизор. У девочек другие интересы: им хочется покопаться в своих тряпочках, поиграть в куклы, просто сесть в кружок и поболтать о том о сем, забыв перед сном о назойливом режиме, что расширяет жизнь воспитанников по часам и минутам.

Вот и на этот раз мои хохотушки собрались в спальне. Я люблю в эти тихие часы посидеть с ними, поговорить о житье-бытье, но сегодня недосуг: в игровой комнате по просьбе завуча рисуя заголовок стеновой газеты. Дверь открыта, и до меня доносятся голоса девочек. Как раз в это время у них и начался разговор о родителях, продолжение которого я услышал.

— Ой, девочки! Это что... Вот моя мамка давала жизни, пока ее не посадили, — бойкой скороговоркой строчила Лена Капустина. — В гастрономе работала, что-то там сперла — прогнали с треском. Устроилась в овощной капусту, картошку продавать и там, видать, натворила — тоже выгнали. Тогда говорит мне: «Подожди, Ленка, сезон наступает: пойду мороженым торговать». Я облизываюсь: вот, думаю, лафа, буду есть от пуза!.. Ну, дали ей ящик на колесиках, встала она с ним на углу и тоненьким голоском зазывает: «Кому мороженое, пломбирчик, сливочное?» Умора слушать... День продавала — ничего, второй день — тоже нормально, а на третий нажралась...

— Чего нажралась? — спросил кто-то из девчат. — Мороженого, что ли?

— Да ну тебя, — хохотнула Лена, — водки наклонилась. Свалилась под забором, всю выручку у нее стащили, а ящик с мороженым потеряла. После этого на завод уборщицей устроилась, месяц проработала и чего-то там украла. Ну, ее, конечно, в тюрьму...

Пауза. Все притихли, и в этой тишине различаю слегка хриловатый голос Любы Овечкиной:

— Вот писатели в книгах пишут: «Мать — святое слово»... Им бы такую мать-гадку, как моя, посмотрела бы, что они тогда написали бы...

— Ты не расстраивайся, Любка. — По голосу не могу определить, кто это говорит. — Не у тебя одной. Детдом воспитает.

— Я и не расстраиваюсь, — продолжает Люба. — Только ей я, когда вырасту, все равно ничего не прощу. И как мужиков пьяных водила и как посылала меня к чайной деньги клянчить на водку... Последний раз, как лишили ее прав на меня, была долго. Три раза за вечер бить принималась,

решила, что это я судье всю правду про нее сказала...

В последних словах Любы слышу слезы. Она замолкает, из спальни доносятся только ее всхлипывания. После долгой паузы кто-то негромко спрашивает:

— А письмо вчера тебе пришло от нее?

— Еще не хватало! — взрывается Люба. — Письмо от бабушки, а мамкино я бы и читать не стала. Да и бабка тоже хороша: дом свой, сад, у деда машина, старая, правда, но ездит. Он на ней клубнику на базар возит. В общем, куркули чертовы. А на каникулы меня ни разу к себе не взяли...

— Боятся, что объешь, — замечает кто-то.

— Наверное, — соглашается Люба. — В письме бабка пишет: «Учись хорошо, не будь похожа на мать». Как будто я сама не знаю, на кого мне быть похожей.

В спальне повисает долгая тишина. Видно, Любину горе трогает всех, бередит раны, которые есть у каждой из этих девочек.

Но вот опять зазвучала скороговорка Лены Капустининой:

— Маринка, а ты свою мать совсем не помнишь?

— Нет. Знаю только, что шла домой пьяная, грохнулась в сугроб и все, а утром ее нашли и увезли куда-то... Я тогда совсем маленькая была. Помню, пришла к нам милиция, сидели, бумажки разные писали, потом меня хотели увезти в дошкольный детдом, а одеть не во что: мамка напоследок все отнесла в какой-то магазин, где барахло принимают...

— И в чем же ты поехала? — засмеялась Лена. — Нагишкой?

— Дура, тебе все смешки, — обиделась Марина. — Соседи принесли телогрейку. Рукава длинные, до пола, но теплая. Дядя милиционер меня на руки и в машину. Вот и все.

— Вот и все... — передразнила ее нараспев неунывающая Лена, — подожди, вдруг твой папаша заявится и припрет целую сумку апельсин, как Катюкин. Ведь тоже не было никого, и вдруг отец нашлся.

— Нет, мой не появится, — с уверенностью сказала Марина. — Я мамку спрашивала, кто мой отец. Дядя Ваня, или дядя Петя, или шофер, — забыла, как его звали, или этот, что со стройки к нам ходил, рыжий?

— Ну и что?

— А ничего. Мать улыбнулась и сказала: «Дурочка, твой папаша интеллигентный, не чета этим обормотам. Он командировочный, красивый, молодой и инженер вдобавок. Ты инженерская дочка. Гордись».

Рассказ Маринки неожиданно развеселил юную неунывающую компанию. Оживленно заговорили все разом.

— Ой, девочки! — затараторила опять Лена. — Подумать только: явится к нашей Мариночке дядя, этакий важный и в шляпе, может, даже на своей машине подкатит. Правда, здорово?

— Смеетесь? — буркнула Маринка.

— Да шутим. Что ты, шуток не понимаешь?

— Шутки понимаю, только не надо, девочки. Я бы этого инженера, попадись он мне под руку...

— Да за что ты его так?

— За то, чтоб не разводил дочек по разным городам. А вообще, ну их к черту, — зло сказала Лена. — Вон у Галки Саможиной папаша настоящий, а толку от него? Директор сказал: если еще раз явится в детский дом пьяный, сдаст его в милицию...

Смотрю на часы. Пора объявлять отбой, да и время оборвать дискуссию о непутевых родителях. Сделай бы это раньше, но что я, воспитатель, могу противопоставить горькой правде, от которой не уйдешь? И чем старше становятся мои девочки, тем больше тревожит их эта правда.

— Кончайте, девочки, укладывайтесь спать, — звучит голосок Лены. — Что болтать про них, про этих... Двойка им по поведению, нашим мамашам, а твоему, Маринка, инженеру кол с минусом. Согласна или обиделась?

— Девочки, не будем такими жестокими, — подхватил кто-то шутильвый тон Лены. — Поставим ему троечку, ведь он инженер и в шляпе...

Когда я вошел в спальню, девочки дружно разбегались постели. Бросил взгляд на Марину. Курносое лицо ее без тени печали: растет малышка всем горестям вопреки.

Я привел здесь разговор девочек не для того, чтоб разжалобить читателя. Девочки наши не пропадут. Мы, воспитатели детдома, сделаем все, чтобы вырастить их хорошими, честными, красивыми душой людьми. Людьми, непохожими на своих горородителей, что без зазрения совести ломают в душе ребенка святое чувство гордости именем матери, именем отца...

А наш детский дом пусть стоит всегда такой же теплый и уютный. Вокруг него жизнь интересная, красивая, большая. И пусть именно в эту жизнь войдут мои Славы, Лены, Марины. Все мои дети.

«ВЫ ПОДАРИЛИ РАДОСТЬ»

«Добрые книги — детскому дому» — так называлась акция «Смены», проведенная редакцией в прошлом году. На наш призыв — подарить детдомовским воспитанникам книги — откликнулись комсомольские организации, производственные коллективы, общества книголюбов, многочисленные читатели журнала. Итогом этой большой совместной работы стало создание библиотек «Смены» в более чем ста детских домах страны. Сто десять тысяч подаренных детдомовцам книг — это сто десять тысяч нитей, протянутых от сердец к сердцам.

О том, что наш общий подарок ребятами принят, и принят с благодарностью, говорят письма и телеграммы, пришедшие в редакцию из многих детских домов. Цитируем некоторые из них.

Телеграмма:

Благодарны нашему старшему брату Комсомолу за то, что он помогает нам расти честными, мужественными, учит нас любить Родину, быть достойными ее сынами. Большое спасибо всем за книги. Это бесценный подарок.

Воспитанники Аургазинского детского дома,
Башкирская АССР

Письмо:

Уважаемые товарищи! Спасибо вам за то, что вы подарили нашим малышам столько хороших книг — целый мир радости, открытий. Мы, педагоги, обрели надежных и верных помощников в деле обучения и воспитания наших детей. Обязательно расскажем юным питомцам, сколько у них настоящих, верных, заботливых друзей по всей стране, какую интересную судьбу имеют полюбившиеся им книги. Признательны читателям, сотрудникам редакции, всем, кто был инициатором этого большого и благородного дела. Обещаем, что подаренная нам библиотека всегда будет содержаться в порядке и пользоваться вниманием читателей. А в работе с книгой нам обещает помощь коллектив городской детской библиотеки.

Воспитатели Каменского дошкольного детского дома № 1,
Алтайский край

Телеграмма:

В нашем детском доме библиотека действует на общественных началах. Теперь она стала на тысячу книг богаче. Огромное спасибо добрым людям нашей великой страны за сердечную заботу о нас. Обещаем бережно относиться к книгам, брать из них для себя все лучшее, чему они учат.

З. БАРБЫШЕВА, директор,
А. ПЕТЕРС, председатель
детского совета Бийского
смешанного детского дома № 3,
Алтайский край

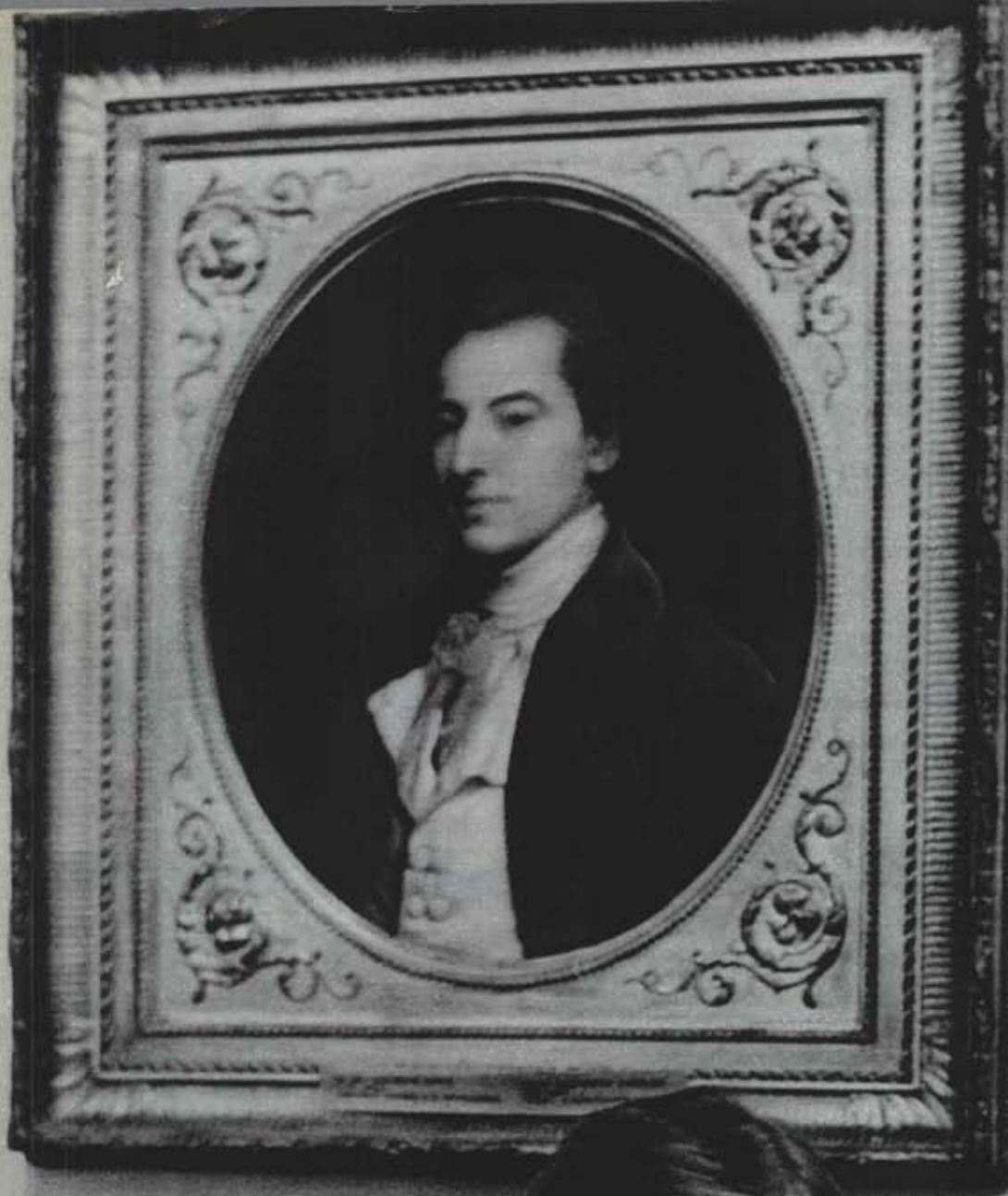
Письмо:

Дорогие друзья! Получили от вас неожиданный подарок — девятнадцать посылок, а в них целая тысяча книг. Для нас это настоящий праздник. Мы искренне благодарны всем людям, участвовавшим в сборе книг. Все книги, что были в нашей небольшой библиотеке, мы уже не раз перечитали. И вдруг — посылки из редакции «Смены». Книги настолько оживили досуг ребят, так захватили любителей чтения, что все другие увлечения на несколько недель отошли в сторону. В спальнях, в коридорах, даже в столовой — везде можно видеть склоненные над раскрытыми страницами сосредоточенные лица...

Наш детский дом отметил уже свое 40-летие. Прошлым летом девять воспитанников окончили десятилетку. Все они сейчас работают или учатся. Гая Новикова — воспитатель в детском саду, Лена Голубева — парикмахер, Володя Проскурников получает профессию в ГПТУ... Нам же выбор жизненного пути только предстоит. Уверены, что присланные вами книги помогут нам правильно сориентироваться и глубже разобраться в тех непростых проблемах, которые ставит перед нами жизнь.

Большое спасибо вам, дорогая редакция.

Детский совет
Новочеркасского детского дома № 8,
Ростовская область

Тринадцать лет назад скрипач Владимир Спиваков готовился к выступлению на IV Международном конкурсе имени Петра Ильича Чайковского. Уже тогда он был трижды лауреатом других сложнейших международных соревнований, в том числе и обладателем первой премии на конкурсе в Монреале. Он уверенно набирал мастерство, расширялась его известность: его концерты постепенно становились незаурядными событиями в музыкальной жизни страны. А ведь сравнительно недавно он еще был студентом, а затем аспирантом Московской консерватории по классу выдающегося педагога, профессора Юрия Янкелевича: в двадцать пять лет столь успешно определившееся начало обещало много открытий, которые не замедлили оправдаться довольно скоро.

Но тогда, повторяю, он готовился к самому, быть может, сложному и авторитетному, самому ответственному конкурсу — имени Чайковского. Казалось бы, играй конкурсную программу, совершенствуйся, пусть все твоё существо целиком будет отдано предстоящему музыкальному форуму, и не задумывай слишком далеко. Но Владимир Спиваков не был бы Владимиром Спиваковым, если бы тогда его не будоражили смелые замыслы и мечты, которые выходили далеко за пределы будущих конкурсных результатов. Однажды он показал мне ноты — музыка была неизвестна, и я со смущением вынуждена была признаться, что мне неведом автор пленительного адажио, в котором Спиваков был, видимо, безгранично влюблен.

— Это Альбиони, — сказал он мне. — Удивительный «старый» итальянец. Его мало играют сейчас, а надо бы к нему вернуться. Как и к музыке этого его коллеги. — И он раскрыл передо мной другие ноты, в которых пела поразительно красивая и нежная, поэтическая мелодия. — А это Торелли. Нравится?

Это не могло не нравиться, это не могло не покорять даже в письменном изложении. Володя взял скрипку, и музыка ожила, заполняя собой все вокруг.

— Я буду это играть, — сказал Спиваков. — И не только это. Есть масса произведений, несправедливо забытых или очень редко исполняемых. Например, ранние симфонии Моцарта, его гениальные дивертисменты в переложении для камерных оркестров. Это только один пример, их можно было бы привести множество. Кстати, это касается не только старой классики, но и музыки современной... Необыкновенно интересно искать, находить, играть, говорить, мыслить, чувствовать этой музыкой, передавая то, что волнует и меня лично и каждого из нас...

— Все это справедливо и прекрасно, — ответила я. — Но вот вы назвали симфонии и дивертисменты Моцарта, — их же не сыграешь на скрипке! Значит, что же, переложения для скрипки, транскрипции?

— Можно и транскрипции, — заметил Спиваков. — Кстати, мы с пианистом Борисом Бехтеревым сделали сейчас транскрипции фортепианных «Афоризмов» Шостаковича и что для меня и него необыкновенно важно, наша работа вызвала одобрение и даже высокую оценку самого Дмитрия Дмитриевича. Но я сейчас говорю не только о скрипке. Есть у меня одна мечта, и я сделаю все, чтобы она исполнилась. — дирижирование, и прежде всего в камерном оркестре...

Спиваков никогда не бросает слов на ветер и если высказывает какой-то сокровенный замысел, то можно не сомневаться, что замысел этот уже «выстрадан» им, внутренне завоеван и осталось одновременно немного и многое — воплотить замысел в жизнь.

Потом была победа Спивакова на конкурсе имени Чайковского. Все больше и глубже становилась его концертная практика. К исполнительству уверенно присоединилось преподавание в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных (сейчас Спиваков — доцент этого института, и среди его учеников есть лауреаты труднейших международных соревнований). Концерты, гастроли, пластинки, записи на радио и телевидении. То есть обычный творческий процесс большого музыканта, причем крайне требовательного прежде всего к самому себе, самоотверженно служащего Музыке и Человеку, для которого музыка — неотъемлемая часть жизни.

...То, что он станет музыкантом, было ясно уже в детские годы. Тяга к музыке, поразительный слух, редкостная музыкальная память, а ко всему еще и музыка постоянно звучащая дома: мать — пианистка. Увлечение живописью

ВЛАДИМИР СВИВАКОВ

Наталья
ЛАГИНА.
Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

КЛУБ
«Музыка
С ТОБОЙ»

шло параллельно музыкальным занятиям. Кое-кто, видя работы юного Спивакова, говорил, что трудно, пожалуй, будет отдать предпочтение чему-то одному. А что победит?! Победила скрипка, но живопись тоже осталась — и на мольберте в комнате и на страницах альбома с этюдами, а главное — живопись с огромной выразительной силой зазвучала в музыке Спивакова. Недаром о нем не раз писали, что он очень тонко чувствующий музыкальный живописец, которому подвластны, наверное, все живописные, равно как и музыкальные стили: Возрождение, барокко, рококо, классицизм, романтизм, импрессионизм, постимпрессионизм, модернизм в лучших своих образцах... Его любимые композиторы — по сути, это именно те имена, которые определяют все развитие музыки. Бах, Бетховен, Моцарт, Шуберт, Брамс, Чайковский, Шостакович, Прокофьев, Стравинский. Это магистральные направления, в которых у Спивакова уже много и открытий и открытий. А Гайдн? А Иоганн Штраус? А старые итальянцы?.. Все это тоже постоянно в ряду его интересов. И вновь вспоминается мне тот сравнительно давний разговор про Торелли и Альбини. Только Спиваков отвечает на мой вопрос уже сегодня:

— Музыка изумительная! Хочется по возможности добраться до истоков. Ведь именно из этих ручейков начинался океан музыки. И как живо она звучит, скажем, не только в концертах, но и в самых современных по теме и выразительным средствам фильмах! У Никиты Михалкова, например. В «Поддранках» Николая Губенко... Значит, возвращать старую и забытую музыку — это не просто каприз «музыкального археолога», а насущная необходимость звучания, не так ли? И поиск этот я буду продолжать. К счастью, у меня рядом друзья-единомышленники. Это замечательные музыканты. Те, которые называются «Виртуозы Москвы» и, по-моему, называются так справедливо. Вот удивительно точно сказал в своей книге прекрасный актер Сергей Юрский: «Единомышленники — это не те, кто думает одинаково, а кто думает об одном, имеет общую цель...» Мне кажется, нет, я в этом уверен, что «Виртуозы Москвы» живут даже на едином дыхании и на едином же дыхании, на предельной самоотдаче выходят к слушателям со своей музыкой. Я счастлив, что этот оркестр уже существует, уже состоялся. И эта сбывшаяся моя давняя мечта — точка отсчета нового этапа творчества. Очень ответственная. Очень почетная, очень счастливая...

В камерном оркестре Министерства культуры СССР «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков — художественный руководитель, дирижер и солист.

...Впервые «Виртуозы Москвы» заявили о себе в 1979 году, когда выступили в Горьком. Кстати, очень важные первоначальные уроки дирижирования Спиваков получил у главного дирижера Горьковского симфонического оркестра И. Гусмана, а затем совершенствовался у одного из самых известных современных дирижеров, Лорина Мазеля. Дирижерский жест Спивакова ясен, красив, очень выразителен и точен. Более того, бесконечно одухотворен. Как и творимая им музыка. Сейчас кажется даже странным, что Спиваков до сравнительно недавнего времени не стоял за дирижерским пультом. Но кажется и маловероятным, что еще сравнительно недавно не было оркестра «Виртуозы Москвы» — так органично и талантливо вписался этот молодой коллектив в музыкальную панораму нашей страны, а кроме того, уже снискал к себе большое уважение и почитание за рубежом. Сначала этот

оркестр не был постоянным составом. Музыканты репетировали по ночам, летом во время отпусков, а в остальное время работали в разных других коллективах — в Академическом симфоническом оркестре Московской филармонии, в Московском камерном оркестре, в оркестрах музыкальных театров. Многие из них постоянно выступали как солисты, концертировали в ансамблях и т. д. Объединившись в коллектив, который возглавил Спиваков, они стали в самом требовательном смысле слова оркестром солистов, что блистательно доказывает практика буквально каждого из концертов коллектива. Спиваков особо подчеркивает, говоря о единой стилистике исполнительства своих коллег, тот немаловажный факт, что они объединены школой Московской консерватории, а что касается собственно скрипачей, то это в основном ученики Д. Ойстраха и Ю. Янкелевича. Добавим к тому же: среди оркестрантов есть уже и ученики самого Спивакова, как, к примеру, ставший этим летом обладателем второй премии на Международном конкурсе имени Паганини в Генуе скрипач Борис Гарлицкий.

Репертуар «Виртуозов Москвы» уже достаточно объемный. Огромный интерес вызвали недавние монографические программы из произведений Моцарта, Баха, И. Гайдна; в них солировали такие выдающиеся мастера, как певица Елена Образцова или бразильский виолончелист, победитель VII Международного конкурса имени Чайковского Антонио Менезес. Удивительны не только развернутые произведения в исполнении коллектива (инструментальные концерты, симфонии, дивертисменты, сюиты), но и сверкающие тонкой ювелирной отделкой миниатюры, ряд из которых является транскрипциями, созданными специально для «Виртуозов Москвы», — пьесы И. Штрауса, например, или Шуберта.

— Как создается репертуар коллектива? — спрашиваю Спивакова.

— Его не надо искать. Он рядом. Огромный мир музыки. Дело еще и в том, что камерная музыка не останавливается в своем развитии и она вообще предопределила развитие музыки как таковой. Едва ли не самые лучшие творения великих композиторов прошлого и современности заключены, так сказать, в ее рамках. А проблемы, поднятые в ней, зачастую становятся общечеловеческими, масштабными, глубоко волнующими каждого и именно сегодня... Я понимаю, что нельзя играть все одинаково хорошо, но нам хочется пробовать свои силы во всем. Это идет не от всеядности, а от любви к музыке, от желания познакомиться с ней как можно больше и глубже. Кстати, нами уже разработан примерно четырехгодичный репертуарный план (и концерты и грамзаписи), в котором представлены все пласты и жанры музыки — от доклассики до сочинений сугубо современных.

— Как родилась идея «Виртуозов Москвы»?

— Для меня она давняя, еще с 1970 года. А непосредственным толчком, что ли, стало мое более подробное знакомство с такими коллективами, как камерный оркестр английской академии святого Мартина, как «Виртуозы Рима», «Виртуозы Праги», «Зальцбургские виртуозы», — они хорошо известны по гастроллям в нашей стране. И было бы странно не попытаться создать аналогичный коллектив у нас в стране, где так удивительно и радостно высока музыкальная исполнительская культура.

— А каково самому находиться за дирижерским пультом?

— Дирижировать, на мой взгляд, в сто раз труднее, чем

**ДИРИЖЕРСКИЙ ЖЕСТ
ВЛАДИМИРА СПИВАКОВА ЯСЕН,
ТОЧЕН И ОДУХОВТОРЕН.**

самому играть на скрипке. Самое же главное — оркестр расширил и для меня лично границы музыки и границы моих личных взаимоотношений с музыкой и музыкантами, композиторами. А к коллективной форме музицирования я стремился еще с детских лет, потому что я очень люблю находиться в компании друзей. Сначала в Москве я жил в школьном интернате, затем — в консерваторском общежитии, и вместе с общением с друзьями-музыкантами исподволь и зарождалась мысль об оркестре. Мысль, которая сегодня сбылась. И эта сбывшаяся мечта не просто счастье...

— Володя, а как вы представляете себе счастье?

— Видеть положительные результаты своих трудов. Надо все время давать другим и не ждать, когда сам получишь что-то. Давать щедро и справедливо. Вспомню Льва Толстого, сказавшего: «Делать добро есть единственно верное дело быть счастливым». Я счастлив по многим причинам, но это не значит, что я спокоен. Очень много дел, замыслов, забот, а главное — ответственность. Ответственность, которую дополнительно и почетно налагает на меня и та прекрасная, высокая премия, которой в 1982-м удостоил меня наш комсомол...

**КОНЦЕРТУ
«ВИРТУОЗОВ»
В МУЗЕЕ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ
ИМЕНИ
А. С. ПУШКИНА
СОПУТСТВУЕТ
ВЫСТАВКА
«ВЕК МОЦАРТА.
ИНТЕРЬЕР
И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
СРЕДА».**

**СОВЕРШЕНСТВО
РОЖДАЕТСЯ
В УПОРНОМ
ТРУДЕ.
РЕПЕТИЦИЯ
ОРКЕСТРА.**

КЛУБ МЕСЛО

Николай ЯКОВЛЕВ

На рубеже сороковых и пятидесятых годов по академической общине в США пронесся клич:

«Ученые — в ЦРУ!» Ветераны РА УСС охотно мобилизовались. Как же лестно послужить в «клубе господ», как иной раз именуют ЦРУ! Профессорам сулились не только сказочные зарплаты, но и удовлетворение тщеславия — предлагалось снова личное участие в разработке самых деликатных аспектов американской политики. Коротко говоря, работа во вновь созданном управлении национальных оценок (ОНЕ), мозге ЦРУ. Те, кто возглавил управление с 1950 года, принесли в него не только непосредственный опыт трудов под крышей УСС, но и результаты размышлений по поводу американской внешней политики в канун и в годы второй мировой войны.

Они не пустили по ветру несколько лет выпавшей им академической свободы между УСС и ЦРУ, а написали ряд книг, вошедших в официальную американскую историографию. У. Лангер в соавторстве с С. Глисоном замахнулся на четыре тома — США во внешнем мире с 1937 по 1945 год. По-видимому, возвращение к прежним занятиям с 1950 года в ЦРУ ополонило работу. Увидели свет в 1952—1954 годах только два тома: «Вызов изоляционизму 1937—1940 гг.», «Необъявленная война 1940—1941 гг.», которые, как эхо, вероятно, сочли авторы, отражали коренные проблемы времени.

Работа У. Лангера и С. Глисона стала, безусловно, обязательным источником, и далеко не только в США, при изучении событий кануна и начала той войны. Ее просто нельзя обойти — и не из-за сверхценной интерпретации, ибо, в сущности, повторяется официальная версия целей внешней политики Вашингтона, а потому, что много больше полутора тысяч страниц этих томов написано на документах и материалах, открытых только для авторов. Вот и получается, замечает французский исследователь А. Гэрин, что «все вплотную занимающиеся историей второй мировой войны знают имя Уильяма Л. Лангера, но лишь считанные осознают: он — человек ЦРУ».

Генералы Д. Маршалл и Д. Эйзенхауэр озабочились уже в 1946 году приступить к написанию 99-томной истории армии во второй мировой войне. Эйзенхауэр потребовал, чтобы этим занялись в основном гражданские историки, ибо, если вверить дело «банде престарелых полковников», создание труда затянется по крайней мере на 25 лет. Высшее командование США стремилось без отяжки получить 99-томное исследование для извлечения опыта минувшей войны для войны предстоящей. Перед отобранными историками были открыты архивы вооруженных сил. Р. Клинтон, написавший головной том этого без одной книги стотомника, получил возможность исследовать механизм функционирования высшей власти в США в чрезвычайных обстоятельствах. И не он один. Во всяком случае, в ЦРУ пошла профессура, умудренная опытом теоретической и практической работы.

Правительство сгорало от нетерпения без промедления сказочно обогатиться интеллектуальным капиталом от ЦРУ, а для этого не жалели долларов. У. Лангер и К. были порядком озадачены: им предложили набрать в управление национальных оценок 1000 человек! Ученые объяснили, что количество в науке автоматически не переходит в качество, и сказали: нужно примерно 30 человек. После некоторых препирательств администраторы согласились, и в управлении за все время его примерно двадцатилетнего существования никогда не было занято более ста ученых. В первые годы, когда в Вашингтоне чуть ли не с языческой верой молились на управление, авторитет Лангера был непререкаемым. Еще бы! Вероятно, высокопоставленные чиновники внутренне уверовали, что ОНЕ имеет некий магический кристалл, заглядывая в который ученые укажут пути, как наверняка поразить Советский Союз.

Кристалл этот разросся до размеров хорошего айсберга. Вершина — ОНЕ — покоилась на 1000 сотрудников управления разведки плюс еще 2000 человек, занятых в центральной справочной службе — секретной библиотеке ЦРУ, оборудованной компьютерами, и в различных исследовательских подразделениях. Когда за плечами Лангера стоял директор ЦРУ, а за его спиной Совет национальной безопасности, тогда Лангер держался соответственно

с чиновным людом — независимо от постов, которые они занимали, скажем, в госдепартаменте или вооруженных силах. Сверля взором экзаменатора, допрашивающего нерадивого студента, рассказывали очевидцы, Лангер враждебно гнул: «Ну, генерал, все это пустые слова, а я хочу добраться до сути, и чтобы было понятно» и т. д.

Руководители ОНЕ, надо полагать, возмнили себя избранными интеллектуалами. Помимо Лангера, их было семеро — четыре историка: профессора Ш. Кент, Л. Монтего, Д. Ван Слик, Р. Зонтаг; профессор экономики К. Гувер, бывший командующий американскими войсками в Европе генерал К. Хебнер и юрист М. Фостер. ОНЕ привлекало помощь со стороны так называемых «консультантов из Принстона» — Д. Кеннана, редактора журнала «Форейн Аффферс» Г. Армстронга и ученого-атомщика В. Буша. Дела эти — достояние минувших лет, и поэтому приведенные фамилии известны. Но тысячи и тысячи американских ученых, работавших в ЦРУ или продолжающих трудиться там по сей день, не торопятся заявить о своих связях с ведомством. Если «УСС был клубом «высокопоставленных», ... то дух избранных еще сильнее проявился в первый период ЦРУ... То был клуб избранных, гордящийся прошлым и дипломами своих членов». Как писал в 1963 году А. Даллес:

«Совершенно верно, что у нас множество выпускников из университетов восточной части страны. Также верно, что по количеству дипломов (многие сотрудники ЦРУ имеют больше чем один диплом) список возглавляют Гарвардский, Йельский, Колумбийский и Принстонский университеты».

Формирование и функционирование ОНЕ ставит в должную перспективу навязшую в зубах проблему о проникновении ЦРУ в академический мир и связанные с этим вздорные слухи. Не ЦРУ проникло в мир науки, а наука стояла у истоков ЦРУ, больше того, нередко определяла строительство этого ведомства. Во всяком случае, «мозг» ЦРУ был сформирован так, как представляли себе профессора, поднаторевшие в тайных делах еще во времена УСС.

Теоретические разработки ОНЕ были посвящены очень широкому кругу вопросов, с тем чтобы попытаться предсказать будущие действия СССР, нащупать наши слабые места и внести соответствующие рекомендации. По сей день исследователь, натурально, располагает крайне ограниченной информацией относительно конкретных выводов ОНЕ, а следовательно, ЦРУ. Судить, конечно, нужно по делам — американской политике в отношении СССР, в которую аналитики ЦРУ неизменно вносили свою лепту. Лангер с коллегами в первые золотые годы существования ОНЕ имели выход в Совет национальной безопасности. Едва ли есть сомнение в том, что хранящийся в архиве Г. Трумэна документ «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи» миновал аналитиков ЦРУ, если вообще не был написан ими. Датированный 10 апреля 1951 года, документ этот был рассекречен в 1976 году. Составители подчеркивали:

«При определении этих целей и задач, безусловно, предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существующему режиму. В задачу Соединенных Штатов не входит указывать ее конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложений по определенным вопросам (коллективизация, демократические выборы и т. д.) без получения на это особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подразумеваться, что конечное решение лежит в восстании прав человека, являющихся наследием русского народа».

Речь идет об усилиях, направленных на реставрацию в нашей стране капиталистических порядков. Основная цель американской «психологической войны» в этих интересах ставилась, исходя, конечно, из искаженного представления в США о Советском Союзе:

«Нужно расширить разрыв, существующий между советским народом и его правителями».

Затем следовали рекомендации, подготовленные нечестивым союзом шпионов и ученых, как именно добиться этого, — беспардонной клеветой на советский общественный и государственный строй. Единственное ограничение, о котором следовало помнить исполнителям, занятым на этом участке «психологической войны»:

«Предостережение. Эту задачу легче всего выполнить. Но не перестарайтесь. Речь идет о том, чтобы вызвать ощущение тирании у тех, кто привык к ней или не видит дальше собственного носа».

Оно, конечно, верно: клеветать профессиональным

клеветникам — дело привычное и совсем незатруднительное, но логика-то какова! Живет и трудится народ в народном государстве, а профессора из ЦРУ велят ему уверовать — живет-де при «тирании». Не верьте тому, что видите и знаете, а руководствуйтесь оценками советского строя, сделанными его лютыми врагами. Если такие умозаключения закладываются в основу американской пропаганды, а именно так обстоит дело, тогда понятно, почему гигантские средства, отпускаемые на нее Вашингтоном, летят на ветер. Да, только в таком извращенном интеллектуально и по-иному мире могут верить вздору типа «молекулярной революции» НТС. Но чем лучше или хуже этот подход к «психологической войне», оплодотворенный американской «наукой», от ЦРУ?

Против идей социализма настоятельно рекомендовалось мобилизовать следующее:

«Задача № 1. Вскрыть и развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского народа, особенно русских, и установить идентичность этих ценностей с ценностями свободного мира. Предлагаемая тематика:

а) Правдивость, сострадание, щедрость, любовь к семье, гостеприимство — вот некоторые ценности, дорогие советскому народу, все это производное от их духовной жизни. Это общее достоинство с народами свободного мира, но оно презирается правителями СССР.

б) Исторический вклад русских в различных творческих сферах свободного мира: философии, искусстве и науке всегда признавался и уважался.

в) Изучение классической русской литературы, политической философии и этики показывает: Россия разделяла и находилась под влиянием творческих социальных и культурных сил, которые развивал Запад. Политические и этические идеалы русского народа в основе такие же, как на Западе, ибо они истекают из тех же духовных источников, они извращены в коммунистическом государстве, но не умерли. Предостережение. Мы не должны перебарщивать, говоря о западном влиянии, и не производить впечатление говорящих свысока.

г) Русская семья основывается на любви, доверии, взаимопомощи и уважении к правам других. Это ценности, общие со свободным миром.

д) То, за что советские люди сражались в годы революции — мир, свобода и хорошая жизнь для всех, — является основными концепциями, общими со свободным миром. Эти концепции ежедневно осуществляются в политической жизни свободного мира.

е) Заверить русский народ, что свободный мир не вынашивает никаких замыслов ни против них, ни против их страны, а лишь добивается для них свободы и процветания в дружественном и сотрудничающем мире».

Еще бы! «Свободный мир» в лице руководителей США уже, как мы видели, готовился не покладая рук забросать Советский Союз атомными бомбами, вести против нас бактериологическую войну и вообще истреблять русских всеми возможными способами. А чтобы притупить бдительность, американские пропагандисты пока изрекают описанные лестные для нас сентенции. Пусть русские развесят уши! В сущности, с небольшими поправками на новые события примерно в этом ключе изъясняются в американской пропаганде, направленной против нашей страны, по сей день.

Не менее поучительно обратиться и к «предлагаемой тематике» рассказов о бесподобных Соединенных Штатах, с тем чтобы ввести в заблуждение относительно подлинной политики Вашингтона в отношении Советского Союза. Как ни прискорбно, приходится воспроизвести рецепты ЦРУ, чтобы составить полное представление о моральном и интеллектуальном уровне стратегов «психологической войны»:

«а) США миролюбивы, уважают суверенитет и независимость народов и государств;

б) американцы проводят различие между советским народом и его правительством;

в) США никогда не воевали с Россией;

г) США помогали советскому народу во второй мировой войне еще до вступления США в войну с Германией;

д) США продолжали помогать народу СССР даже после завершения боевых действий во второй мировой войне (оказывали помощь и после революции...);

е) американцы предали свои знания и опыт при строительстве промышленности в СССР;

ж) любовь к технике и науке в повседневной жизни общи для народов СССР и США;

з) наши страны велики, и мы строим смелые планы; и) у нас общий дух пионеров;

Продолжение. Начало в №№ 8—10.

Д Ш НАЖА

к) в США живут многие тысячи людей русского и украинского происхождения, которые оказывают существенное влияние на американскую жизнь;

л) русская и украинская народная музыка и музыка их композиторов (включая советских) очень часто исполняется в США; многие наши выдающиеся музыканты русского происхождения;

м) романы и рассказы русских писателей очень популярны в США и в свободном мире. Во всех главных университетах изучают русскую литературу. *Примечание.* Нужно рецензировать новые биографии русских писателей и исследования по русской литературе, даже если в них нет политического содержания;

н) народы США и свободного мира знают о мужестве, энергии и чаяниях советских людей, многие американцы выражали публично восхищение этими качествами;

о) США помогают всем народам где только могут, независимо от того, согласны они или нет с политикой США;

п) в американском театре все еще изучают систему Станиславского и не делают никаких попыток скрыть ее русское происхождение;

р) правительство США, многие частные организации и отдельные лица пытались установить культурные, научные и технические обмены с СССР;

с) о сущности Америки и свободного мира, об основных идеалах, которые мы разделяем с советским народом, дает представление американская и другая западная литература, имеющаяся в СССР: Стейнбек, Эгтон Синклер, Марк Твен, Джек Лондон, Диккенс и т. д. Хотя некоторые из этих книг принадлежат к направлению «социального протеста», они показывают демократическую веру в социальный прогресс в действии».

С таким набором отмычек действуют те, кто пытается взломать души, вести подрывную работу, сеять лживые иллюзии. Такова служебная инструкция, представленная президенту США, входящая в арсенал «психологической войны». Она была взята на вооружение и частично выполнялась ландскнехтами «психологической войны», нанятыми ЦРУ для обслуживания подрывных радиостанций, открывших радиопередачи на СССР и другие социалистические страны. На вооружении ЦРУ в первую очередь две подрывные радиостанции — «Свобода» и «Свободная Европа».

С самого начала функционирования радио «Свобода» эта организация, помимо своей основной цели — ведения подрывных передач, приступает под руководством ЦРУ и к планомерной шпионской деятельности. Советский гражданин Ю. Марин, проработавший под именем К. Неастрова несколько лет на радиостанции «Свобода», получил возможность не только детально ознакомиться с этим аспектом деятельности радиостанции, но и передавать в распоряжение советских компетентных органов документальные доказательства, еще раз подтвердившие аналогичные свидетельства о деятельности радио «Свободная Европа», собранные ее бывшими сотрудниками — польским разведчиком А. Чеховичем, чехословацким разведчиком П. Минаржином и болгарским разведчиком Х. Христовым.

Используя открытые советские источники, прежде всего прессу, сотрудники «Свободы» составляют для ЦРУ аналитические обзоры и прогнозы состояния и развития Советских Вооруженных Сил, оборонной промышленности, экономического потенциала в целом, различных социологических и внутриполитических тенденций, характерных для развития советского общества. Пользуясь присвоенной самими себе репутацией «природных знатоков русской души и русского образа мышления», недоступных для понимания западных разведслужб, в том числе и шефов из ЦРУ, «специалисты» из числа работающих на «Свободе» предателей подчас делают выводы и выступают с рекомендациями с позиций «святое палы». Вполне понятно, что нельзя переоценивать их влияние на формирование американской политики в отношении Советского Союза, но нельзя и не видеть, что результаты подобной «исследовательской» деятельности «Свободы» — еще один аргумент, который охотно используется американскими политическими деятелями в самых неприглядных целях.

Другим аспектом разведывательной деятельности «Свободы» является осуществляемый ее специальным отделом радиоперехват как внутренних советских систем беспроволочной коммуникации, так и переговоров соответствующих центральных советских служб с находящимися в плавании гражданскими

и военными судами, подводными лодками, самолетами. Прослушиваются также радио- и телефонные переговоры советских и иностранных посольств и миссий, аккредитованных в третьих странах. Не менее энергично осуществляется направление против СССР шпионаж путем использования в этих целях встреч и знакомств с выезжающими за границу советскими гражданами. Для этого «Свобода» имеет свои опорные пункты и своих агентов практически во всех западных странах.

Симбиоз пропаганды, подрывной работы и шпионажа под крышей «Свободы» понятен, в свое время направление ее работы было задумано в ОГП ЦРУ и с тех пор никогда не менялось. Это и есть один из примеров «психологической войны». Передачи подрывных радиостанций, нашел Р. Клин.

«Оказывали тонкий психологический нажим... ЦРУ организовало эту операцию по просьбе официальных представителей США, ибо считалось — радиопередачи будут более эффективными, если скрывается их связь с американским правительством».

Так на практике осуществлялась концепция пропаганды в рамках подрывной деятельности, точно соответствующая формуле, предложенной в свое время Donovanом, который говорил:

«Пропаганда на границе должна использоваться как инструмент войны — искусная смесь слухов и обмана, правда — лишь приманка, чтобы подорвать единство и сеять смятение... В сущности, пропаганда — острое первоначальное проникновение, подготовка населения территории, избранной для вторжения. Это первый шаг, затем вступает в действие пятая колонна, за ними диверсионно-десантные части, или «коммандос», и, наконец, выступают дивизии вторжения».

Положение это, сформулированное в годы второй мировой войны, с точки зрения руководства ЦРУ, имеет непреходящую ценность и никогда не утрачивало своей действительности.

В книге американского юриста Дж. Лофтуса «Тайна операции «Беларусь», вышедшей в США в самом конце 1982 года, рассказывается, что прорвали ЦРУ и другие западные спецслужбы после второй мировой войны в продолжение пресловутого «первого шага». Под руководством главы ОГП ЦРУ Ф. Визнера из доставленных тайно в США гитлеровских пособников формировались банды, рекрутировались шпионы и диверсанты.

ЦРУ прекрасно знало, что на убийц можно положиться. Фашистские прихвостни, как Станкевич, Ясюк и немало других, принимали участие в массовых расстрелах советских людей. Зверства были чудовищными.

«Детей сбрасывали в колодцы, — пишет Лофтус, — а затем туда бросали гранаты. Малышей хватили за ноги и разбили им головы о камни».

В Клецке, продолжает он, после расстрела пяти тысяч человек во рвах,

«у могилы была оставлена стража, оставшаяся на месте до тех пор, пока не перестала шевелиться земля и не прекратились заглушенные стоны. С тем, чтобы никто из уцелевших не мог выбраться из могилы».

Усилиями ЦРУ прошлое убийц было тщательно скрыто. Когда Лофтус попытался на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов докопаться до истины, он, пишет американский публицист Д. Уайз, столкнулся с величайшими трудностями, а именно:

«Заработали незримые руки. Досье на нацистов нельзя было разыскать, обычно безотказные компьютеры Пентагона не давали ответа, где находятся уличающие документы в правительственных архивах».

Оно и понятно: Лофтус подошел вплотную к тайне ЦРУ — фашистские убийцы в начале пятидесятых годов готовились для переброски на территорию СССР с тем, чтобы поднять там «восстание».

Хотя их авантюра провалилась — тайные агенты ЦРУ, проникшие на советскую землю, немедленно обезвреживались, — Ф. Визнер продолжал вынашивать широкие планы подрывной работы против СССР. Отдельные факты, оказавшиеся в распоряжении Лофтуса, позволили ему сделать немаловажный вывод: к 1952 году ОГП «поглощало более половины ежегодного бюджета ЦРУ. Личная армия Визнера развязала необъявленную войну против Советского Союза». В этой войне бандиты Визнера потерпели поражение. Претворить в жизнь зловещие замыслы Визнера не только против СССР, но и других социалистических стран не удалось не из-за нежелания ЦРУ,

а в силу обстоятельств, над которыми оно не властно. Что и показал контрреволюционный мятеж в Венгрии осенью 1956 года.

Генезис кровавых событий, разыгравшихся тогда в стране, восходит к подрывной деятельности западных спецслужб, поджигательские радиопередачи на Венгрию — только ее внешнее проявление. Во всяком случае, они вселяли в мятежников тутовую уверенность — стоит только начать, как с Запада последует массированное вторжение на их стороне. Если бы не было этих заверений, контрреволюционеры никогда бы не осмелились поднять оружие.

Не кто другой, как Р. Никсон, тогда вице-президент США, с началом мятежа послепил на границу с Венгрией, в Австрию. По его словам, он встретился там с группой мятежников:

«Я спросил: «Как вы считаете, «Голос Америки» и радио «Свободная Европа» внесли свой вклад, поощряя восстание?». На их лицах выразилось удивление по мере того, как переводился этот недипломатичный вопрос. Один из них дал ответ: «Да!»

Даже те, кто впоследствии пытался изобразить мятеж как стихийное «восстание», но находился с мятежниками, отмечают: где бы ни собиралась очередная шайка бандитов, там обязательно надвигался радиоприемник, настроенный на волну радиостанции «Свободная Европа». Провокационные передачи, рассчитанные прежде всего на эту аудиторию, заверяли бандитов: вы на верном пути.

Спустя ровно двадцать лет после контрреволюционного мятежа «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Рассказ о плане ЦРУ в 1956 году в отношении Восточной Европы» поместила интервью с Д. Энглтоном, который в 1956 году ведал контрразведкой и подрывными операциями в ЦРУ. Поводом для выступления отставного деятеля ЦРУ послужили, вероятно, бесславный юбилей мятежа и ущемленное авторское самолюбие — только что вышла книга Р. Клина, с которой Д. Энглтон заявил несогласие по ряду второстепенных деталей. Вот как передавала газета рассуждения Энглтона:

«К середине пятидесятих годов «мы привели в соответствие со сложившимися условиями оперативные группы, которые были созданы по приказу свыше в 1950 году», — сказал Энглтон, сославшись на директиву об учреждении ОГП, в компетенцию которого входило использование квазиевонных оперативных групп, для того «чтобы ни в коем случае не соглашаться со статус-кво советской гегемонии». Г-н Визнер, рекомендованный генералом Д. Маршаллом (тогда министр обороны. — Н. Я.) на пост руководителя программы подрывных действий, и г-н Энглтон «провели обширную подготовку»... Выходцы из Восточной Европы, частично члены довоенных крестьянских партий в Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии, прошли подготовку в секретных центрах ЦРУ в Западной Германии под руководством экспертов ЦРУ. Г-н Энглтон добавил, что эти части возглавлял «прирожденный лидер из Югославии, в свое время получивший военную подготовку в Австро-Венгрии при Габсбургах»... Однако вспышки в Польше, Венгрии и Румынии произошли преждевременно, поэтому тайные оперативные группы не сумели ввести в действие».

Едва ли в этом причина. У. Колби, вероятно, ближе к истине, когда в своих мемуарах описывает, как вороне из подрывных подразделений ЦРУ мигмом слетелось к границам Венгрии при первых известиях о мятеже:

«Со времен создания ОГП под руководством Фрэнка Визнера ЦРУ имело задачу или считало, что имеет ее — оказывать военную поддержку в стиле УСС группам сопротивления, стремящимся свергнуть тоталитарные коммунистические режимы. В Венгрии такие группы мы называли борцами за свободу... Как только началось восстание в Венгрии, Визнер и высшие руководители управления планов (так с 1952 года именовалось ОГП, слившееся с другими подразделениями ЦРУ. — Н. Я.), особенно имевшие касательство к подрывной работе, полностью изготовились к действию — прийти на помощь борцам за свободу оружием, обеспечением связи и воздушным транспортом. Именно для такой работы и были предназначены квазиевонные подразделения ЦРУ. Можно доказать, что ЦРУ могло бы выполнить это, не вызвав мировой войны между США и СССР».

Но президент Эйзенхауэр рассудил иначе. Какие бы сомнения ни существовали в ЦРУ в отношении политики Вашингтона в этих делах, отныне они навсегда исчезли. Было установлено раз и навсегда: США, твердо стоящие на позициях сдерживания Советов, в их существующей сфере влияния не будут пытаться освободить ту или иную территорию в границах этой сферы... ибо ценой этого может оказаться третья мировая война.

Визнер прилетел в Вену к концу восстания, а затем выехал к венгерской границе взглянуть на происшедшее собственными глазами... Вскоре после этого он ушел в отставку из ЦРУ по состоянию здоровья, его пост занял Ричард Биссел. Визнер так и не оправился. Когда он покончил с собой, то это была такая же жертва реальностей «холодной войны» как

и самоубийство министра обороны Джеймса Форрестала».

Если террористы по наущению Ф. Визнера в конце 1956 года рвались в бой, то в Белом доме куда лучше представляли соотношение сил между США и СССР в случае большой войны. Примерно в это время в Вашингтоне имели возможность понять, что Соединенные Штаты становятся не неуязвимыми для ответного удара. Уроки контрреволюционного мятежа в Венгрии в этом отношении были поучительными: хотя первопричина вооруженной вспышки лежала в подрывной деятельности американских спецслужб, Эйзенхауэр не мог допустить, чтобы события в Венгрии оказались спусковым крючком для мировой термоядерной войны.

Вмешательство президента, конечно, глубоко потрясло патрициев в руководстве ЦРУ. Надо думать, с их точки зрения, Эйзенхауэр, конечно, не тянул на члена «клуба господ», хотя и являлся высшим должностным лицом республики. Во всяком случае, тот же Визнер, по положению второй человек в ЦРУ, обладатель несметного наследственного состояния (чеки на получение заработной платы он бросал в ящик письменного стола и годами не получал ее), наверняка рехнулся из-за аномалии, в его представлении, сложившейся ситуации. Ему, мультимиллионеру, безвозмездно служащему в ЦРУ из-за «идеи», повязал руки президент, живущий на заработную плату! Было от чего впасть в отчаяние и пустить себе пулю в лоб!

Заступивший на место Визнера в ЦРУ Р. Биссел также был типичным представителем своего класса — мультимиллионер, выпускник Йельского университета. Он возглавил в ЦРУ программу создания и использования самолетов-шпионов «У-2», что было технической новинкой. Разумеется, Биссел не обошел своим вниманием подрывную работу в области идеологии. Случившееся в Венгрии, по словам Колби,

«предоставило великопнейшую возможность для пропаганды... (которыми) максимально воспользовались ЦРУ и его союзники».

В 1959 году конгресс США принимает резолюцию «О поработанных странах», предлагая американцам оплачивать участь оных ежегодно и звать к их «освобождению». Резолюция потрясла даже выдавшего виды Д. Кеннана. Во втором томе мемуаров, вышедших в 1972 году, Кеннан выразил, вероятно, искреннее отчаяние по поводу того, в какие дебри завела «психологическая война» Соединенные Штаты:

«В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное Российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...»

Эти элементы с успехом апеллировали к религиозным чувствам (в США) и, что еще важнее, к господствующей антикоммунистической истории. Представление о размерах их политического влияния дает тот факт, что в 1959 году они сумели протолкнуть в конгрессе руками своих друзей так называемую резолюцию о «поработанных странах». По публичному признанию их оракула д-ра Л. Е. Добрянского, тогда доцента Джорджтаунского университета, он написал ее с первого до последнего слова. Этот документ и был торжественно принят конгрессом как заявление об американской политике. Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для конгресса, «освободить» двадцать два «народа», два из которых вообще не существуют, а название одного, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны... Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном Российском государстве. Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме... Я имел кое-какое представление о границах нашей мощи и знал, что то, что от нас требовали и ожидали, далеко выходит за эти границы».

Так. Только один вопрос — что, разве Кеннан не знал, кто содержит и поддерживает этих преступников? Для него едва ли было большим откровением указание на их опору — ЦРУ.

То, что слова не превратились в дела — действия, могущие дать толчок необратимым процессам, прямо ведущим к большой войне, — объяснялось растущим пониманием Вашингтоном мощи Советского Союза.

Окончание следует.

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПРОЕКТ

Утром Мэрфи поехал в банк за деньгами. В токийском банке у него лежала приличная сумма, а чековую книжку он всегда держал при себе.

Кристиан остался один на один со своими мыслями. Вопросы, которые он вновь и вновь задавал себе, оставались без ответа. С какой целью создан институт? Зачем там понадобился мюнхенский физик Норберт Хартунг? Почему в конце концов пытались убрать его, Кристиана? И что это за могущественная организация, к услугам которой и самолеты и наемные убийцы? Которая действует и в Латинской Америке, и в Японии, и, быть может, в других странах?

Кристиан метался в тесном гостиничном номере, безумно скучая по привычному образу жизни: разбросанным по столу бумагам, портативной пишущей машинке, которая сопровождала его повсюду. Вынужденное безделье угнетало его.

Кристиан подошел к окну и сразу же разочарованно отвернулся: гостиничные окна выходили на боковую стену стоявшего совсем близко высотного здания. «Мэрфи, видно, здорово напугала вся эта история, — подумал он, — я же предлагал остановиться в гостинице попроще».

В это время открылась дверь, и в номер вошел, а влетел Мэрфи.

— Вот и вы, Дональд, а я как раз... — начал было Кристиан.

Мэрфи резким движением запер дверь и прислонился к ней спиной.

— Что случилось? — удивленно спросил Кристиан. В широко раскрытых глазах Мэрфи Кристиан увидел страх.

— Там, внизу, я чуть не столкнулся с ними... Два японца... Они показывали портые фотографии... Наши фотографии. Я поднялся сюда по боковой лестнице.

Теперь и Кристиан почувствовал, как стучит у него сердце. Минуту они смотрели друг на друга. Первым овладел собой Мэрфи.

— Я взял два билета до Лондона. Вылет через четыре часа. Дай бог, чтобы нам удалось целыми и невредимыми убраться отсюда. Слушайте и запоминайте. — Мэрфи говорил сосредоточенно и четко: — Сейчас выходим и спускаемся на разных лифтах. Вы выйдете из гостиницы через боковой ход, пройдете вправо, там стоянка такси, возьмете машину и поедете в аэропорт. Но идите в зал прилета и ведите себя так, будто встречаете кого-то. Найдите место поудобнее, не слишком заметное, но и не чересчур уединенное, чтобы не бросаться в глаза.

Кристиан молча слушал.

— А вы?
— Обо мне не беспокойтесь, я поопытнее вас. Вот билет. Когда объявят рейс, не торопитесь. В самолет надо подняться в общей массе пассажиров. Встретимся прямо в самолете. Кристиан кивнул.

Мэрфи выглянул в коридор. Пусто. Он вышел и махнул рукой Кристиану. Боковой лифт был занят. Когда Кристиан оглянулся, пилота уже не увидел.

В лифте Кристиан оказался с несколькими японцами. Ему стало жарко. Он почувствовал, как струйки пота потекли у него по спине. Секунды, пока лифт не достиг первого этажа, показались ему нескончаемыми. Никто не обратил на него внимания, и он, следуя указаниям Мэрфи, благополучно добрался до стоянки.

В аэропорту было шумно. Кристиан совсем отвык от такого скопления людей.

Кристиан сел в кресло и пролистал несколько газет. Временами он внимательно оглядывался, надеясь увидеть Мэрфи. Потом отправился в бар выпить кофе. Немного прогулялся. В аптеке купил таблетки от головной боли. С полчаса кружил по зданию, пока не уперся в вывеску «Парикмахерская». До отлета еще полтора часа. Кристиан посмотрел на себя в зеркало и вошел. Через минуту над его мокрой головой щелкали длинные ножницы. За стрижкой последовала укладка, сушка, массаж лица.

Расплатившись, он побежал в зал отлета. На вопрос о багаже отрицательно покачал головой и присоединился к последней группе пассажиров лондонского рейса. Посещение парикмахерской, как ни странно, улучшило его настроение. Он плюхнулся в свое кресло и понял, что Мэрфи еще не появился. Кресло рядом с ним было пусто.

Что же случилось? Он хотел встать, выбежать из самолета, но заглянул надписи «Застегните ремни», и самолет начал вырывать на взлетную полосу. Встав во весь рост, Кристиан внимательно осмотрел ряды пассажиров. Нет, Мэрфи не было в самолете.

Комиссар Вентури никак не мог сообразить, что его смутило в протоколе осмотра места убийства заместителя прокурора. Там явно была какая-то несуразица. Он вновь достал из сейфа дело и принялся его перечитывать: «Устано-

вить марку машины не удалось, поскольку не нашли ни одного свидетеля. Через полчаса после момента убийства дорожная полиция получила приказ осматривать все автомобили темно-вишневого цвета, приказ действовал в течение двух дней, однако ничего подозрительного обнаружить не удалось. Видимо, машину в течение этих тридцати минут угнали в надежное место и перекрасили».

Вентури задумался. Что-то здесь ему не нравилось. «Угнали». Угнали куда-то далеко, спрятали, перекрасили и вывезли из города. А почему, собственно, вывезли? Она может и до сих пор стоять в чьем-нибудь гараже. Ведь у нас нет даже данных о марке. Экспертиза предположительно представила на выбор пять последних моделей «Фиата».

Вентури присел за стол, включил настольную лампу, взял лист белой бумаги. Провел жирную линию — ограда виллы заместителя прокурора, вторую параллельную линию — дорожку, по которой ехали преступники. Крестиком обозначил место, где стоял убитый. Автомобиль ехал, как и полагается, по правой стороне... Так. Но почему машина заместителя прокурора стояла тоже на правой стороне, причем она была развернута навстречу преступникам? Их машина прошла впритирку с прокурорской «феррари», стреляли почти в упор. У нас в Италии пока что правостороннее движение, подумал Вентури. Заместитель прокурора собирался ехать на работу. Зачем ехать против движения? Тут что-то не так. Придется посмотреть на месте. Вентури накинул плащ и вышел из кабинета.

Через пятнадцать минут он уже был на той самой улице. Сбавив скорость, он, повторяя путь убийц, подъехал к дому, около которого произошла трагедия, и поехал дальше. Справа и слева сменяли друг друга более или менее похожие виллы. Особенно выделяться здесь было не принято, поэтому застройку вилл поручали одному и тому же архитектору, который сколотил на этих проектах приличное состояние и построил себе дом в конце этой же улицы. «Да, — подумал комиссар, — вот его вилла. Последняя на улице». Он остановил машину. И вдруг понял, почему автомобиль преступников не могли обнаружить в городе.

Дорожная полиция не виновата. Просто автомобиль не показывался в городе. Улицы, на которой совершилось преступление, была перегорожена рядом врытых в землю бетонных столбиков, выехать убийцам было некуда. Развернуться они не успели — к телу убитого сбегались люди. Значит, преступники спрятались на одной из этих извилистых вилл.

Вентури вылез из машины и закурил. Открытие ошеломило его. Теперь жизнь в этих виллах не казалась ему мирной и безмятежной, а улочка спокойной и внушающей доверие. Кто же здесь сообщник убийц?

Последняя надежда на то, что Мэрфи улетел каким-то другим рейсом, исчезла. Пассажиры с такой фамилией в Лондон не прилетал, ответили Кристиану в аэропорту после долгих проверок.

На последние деньги он купил билет в Мюнхен и вскоре был дома. Но, оказавшись в родном городе, он решил поехать не домой, а к своей бывшей квартирной хозяйке, фрау Вебер, у которой снимал комнатку, когда был студентом. Фрау Вебер, пожилая симпатичная женщина, вдова служащего, существовала на маленькую пенсию и вынуждена была сдавать комнаты. Кристиан прожил у нее пять университетских лет.

Фрау Вебер встретила его очень приветливо.

— Господин Редлих! Какими судьбами?
Уставший от всех передряг, Кристиан не стал вдаваться в объяснения, а сказал, что ему нужно срочно написать одну работу, а дома его все время отрываю от письменного стола. Помня прилежность Кристиана, фрау Вебер не удивилась.

— Ваша прежняя комната как раз пустует. Честно говоря, не так уж просто найти квартиру. Район у нас, сами знаете, какой — вокруг в основном иностранные рабочие. Многих это раздражает, — скороговоркой рассказывала она.

Кристиан уже поднимался к себе, как фрау Вебер вдруг поднялась с мягкого кресла, где уютно устроилась с вязаньем.

— Я даже сохранила ваши бумаги. Помните, вы писали диплом? Несколько тетрадей осталось у меня. Я сейчас их принесу.

Потом он направился в полицию. Полицейский инспектор выслушал Кристиана и с отсутствующим выражением лица записал его показания.

Кристиана охватило чувство безнадежности. Полиции не было никакого дела ни до Хартунга, ни до Мэрфи. Покинув здание полицейского управления, Кристиан вдруг понял, что в этом мире человек может надеяться только на самого себя.

Он шел по аккуратной мюнхенской улице, залитой солнцем, и ему хотелось плакать.

Какой-то наглый баварец, которого Кристиан слегка задел локтем, открыл рот, чтобы обрушить на молодого человека поток ругательства, но, увидя глаза Кристиана, полные боли, вздрогнул и промолчал.

Продолжение. Начало в №№ 9—10.

«ВАЛЬХАЛЛА»

Рисунок
Виталия
ЛУКЬЯНЦА

Хозяева вилл на этой улице не держали собак. Вентури только поэтому удалось беспрепятственно обшарить два гаража, пока их хозяева спали. Замки оказались на диво примитивными, каждый требовал минутной возни. «А потом будут удивляться, как это из закрытого гаража увели машину», — усмехнулся он. А в третьем гараже, зацепившись за что-то невидимое в темноте, он разорвал рукав пиджака и до крови ободрал руку. Он орудовал набором отмычек, которые еще пару лет назад конфисковал у известного взломщика.

Вентури двинулся к последней, четвертой, вилле. Он обошел вокруг дома, проверяя, нет ли еще одного гаража. На его счастье, все виллы были типовыми. «Даже если бы у меня чудом оказалось много денег, такую коробку не купил бы ни за что», — размышлял он, подбирая нужную отмычку. Зайдя в гараж, щелкнул фонариком.

Узкий луч света выхватил темный бок машины «фиат». Номер не туринский. Когда глаза привыкли, он наконец разобрал: машина была темно-вишневого цвета.

Он присел на корточки. «Конечно, хорошо бы накачать рисунок протектора». Но это было невозможно.

Он осторожно вышел. Уже на улице в неясном свете далекого фонаря он различил номер виллы. Дом принадлежал туринскому прокурору. У прокурора не было вишневого «фиата», Вентури знал это точно. Открытие, видимо, не обрадовало его. Он быстрыми шагами направился к оставленной неподалеку машине. Вскоре раздался звук заводимого мотора, и все стихло.

— Подумать только, — искренне удивилась жена Вентури, приставившаяся к чтению газет за завтраком. В первые годы их супружеской жизни она долго отучала его от этой привычки. В конце концов Вентури отказался от многолетнего утреннего ритуала, а Карла, напротив, привыкла к свежим выпускам «Джорно» и особенно туринской «Стампы». Неторопливо перелистывая страницы, она просматривала заголовки в поисках чего-нибудь интересного. Все, что казалось ей стоящим внимания, Карла прочитывала Марио вслух. Комиссар согласно кивал головой, продолжая размышлять о своих делах. Однажды он признался себе, что, увидев один раз газету в руках жены, почему-то начисто утратил интерес к чтению прессы.

— Ты совершенно не слушаешь меня, — сказала Карла.

— Что ты, дорогая, — встрепенулся Марио.

— Подумать только, — повторила жена, — неужели они ко-го-то еще интересуют, эти люди? Ведь они превратились в дряхлых стариков и уже больше ни для кого не представляют опасности.

— Ты о ком? — спросил он.

— Да об этих нацистах, — небрежно ответила она и стала вслух читать: — «Федеральный департамент юстиции и полиция Швейцарии опроверг сообщение прессы, будто в стране в течение 20 лет проживал заместитель нацистского военного преступника Эйхмана — Г. Гюнтер. После смерти некоего

Курта Якоба в доме для престарелых под Берном действительно выяснилось, что под этим именем скрывалось другое лицо. Однако его идентичность с бывшим сотрудником Эйхмана установить не удалось».

Комиссар допил кофе, поблагодарил жену, поднялся. Спустившись по ступенькам дома, оглянулся: Карла, стоя у окна, помахала ему рукой.

В своем кабинете комиссар, не присаживаясь, вытащил из сейфа несколько бумаг, относящихся к убийству заместителя туринского прокурора, быстро просмотрел их, сунул в папку и отправился в приемную начальника полиции.

— Шеф как раз спрашивал о вас, — заученно улыбнулась ему секретарша. — Подождите минуточку, у него прокурор, но я думаю, что он ненадолго.

— Знаете, профессор, мне нелегко работать в Токио. Я излагаю своему собеседнику цепь логически вытекающих один из другого аргументов, но они нисколько не убеждают. Здесь руководствуются совсем иной логикой, хотя я твердо уверен: двух логик не бывает.

Симидзу с интересом взглянул на Уорнера. В душе Симидзу презирал всех американцев, с которыми ему приходилось сталкиваться. Слишком прямолинейные, ограниченные, они не способны были замечать детали, различать оттенки, а потому пропускать самое главное. Грубоватый, необразованный Уорнер поначалу чрезвычайно злил Симидзу. Профессор вообще возражал против сотрудничества с людьми ЦРУ. Но Поль Уорнер оказался человеком дела: он появился здесь год назад, и вот уже целый год общество «Движение за Великую Японию» пользовалось самолетами, летавшими прямо из института.

С начала работы над проектом «Вальхалла» связь с институтом стала сверхопасной. Обычные контакты пришлось прервать. Что ни говори, у них слишком много врагов. Путь, который предложил Уорнер, не вызывал никаких подозрений. Самолеты летали с американских военно-воздушных баз, да и кому придет в голову, что все грузы в институт идут через Японию. Правда, отныне американец мог в обмен рассчитывать на получение всей информации, которая ему была нужна.

Кое-кто считал это слишком дорогой ценой, ожидая от американцев любого подвоха, но Симидзу был невысокого мнения о способностях заокеанских партнеров и не опасался их вмешательства, считая, что всегда сумеет их переиграть.

— И точно, профессор, — продолжал Уорнер, — одолев я тут одну книгу насчет различий в психологии. Различия, оказывается, коренятся в языке. Короче говоря, мы руководствуемся причинно-следственным принципом, вы — нет. Вот поэтому, — Уорнер вытащил из кармана конверт с фотографиями и протянул профессору, — мне приходится тратить столько сил, чтобы убедить вас.

Симидзу в сто раз лучше Уорнера знал теории, о которых говорил его собеседник, но неожиданный переход к делу оценил. Он несколько секунд хладнокровно рассматривал снимки. Следа за его взглядом, Уорнер добавил:

— Тут у меня еще ампула из-под наркотика, который ваши вприсынули бедному Кристиану Редлиху. Он ведь ваш ученик, не так ли?

Симидзу аккуратно сложил фотографии, подровнял края и вернул их Уорнеру.

— Так что вы хотите? — усталым голосом спросил профессор.

Уорнер широко улыбнулся.

— Меня интересует проект «Вальхалла».

Заботливая фрау Вебер положила на столик стопку толстых тетрадей в одинаковых переплетках. Вернувшись из полиции, он лишь равнодушно взглянул на них, но утром руки сами потянулись к старым тетрадям, напоминавшим о бессонных студенческих ночах.

Мысли Кристиана витали где-то далеко. Ему не давало покоя воспоминание о немецком профессоре, с которым Кристиан познакомил Симидзу. Почему имя Клаус Циммер кажется ему знакомым?

«Уорнер — Джексону.

...в результате нашей последней беседы мой собеседник был вынужден согласиться на расширение сотрудничества. Другого выхода у него не оставалось. Я поставил перед ним два вопроса, которые мы с вами обсуждали. Сведения, полученные от него, представляются мне настолько важными, что я прошу вызвать меня в Вашингтон как можно скорее для доклада.

Одновременно хочу в дополнение к предыдущему сообщению доложить, что пилот самолета «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси» Дональд Мэрфи, как выразился мой собеседник, «изолирован» и более не представляет опасности. Кристиан Редлих, который также может помешать, не удалось пока обнаружить. Не стоит ли связаться с нашими коллегами в Федеративной республике?

Вместе с тем хотел бы вновь поставить вопрос о возобновлении рейсов самолета по известному вам маршруту: мы не только, таким образом, выполним свою часть обязательств перед нашими партнерами, но и по-прежнему будем в состоянии контролировать подготовку проекта «Вальхалла», о котором я хотел бы доложить при личной встрече.

Разумеется, пилот должен быть подобран особенно тщательно, с учетом специфики работы».

Джексон еще в колледже выделялся умением быстро читать, его взгляд не скользил по строчкам, а сразу выхватывал самое главное на странице. «Джексон, — отозвался о нем как-то Малькольм, — мгновенно разбирается в ситуации, отсеивает все ненужное, вычленяет важное и в 15 минут может изложить ясно и понятно любую проблему. На первые роли не годится, но как помощник незаменим».

Джексон тут же набросал несколько строк шифровки о вызове Уорнера в Вашингтон. Малькольм подписал вызов Уорнеру без звука. Джексону показалось, что шеф не в духе. Он взял приказ и пошел к двери. Неожиданно Малькольм остановил его.

— Вы не слишком переигрываете с вашим «коричневым фронтом»?

Джексон насторожился. Нотки сомнения и неуверенности редко звучали в устах заместителя директора ЦРУ. В Лэнгли презирали тех, кто не умел скрывать свои чувства, позволяя себе расслабиться, что называется, «терять лицо».

— Во всяком случае, вы имеете дело с надежными людьми? Вы отдаете себе отчет в степени риска?

«Видимо, произошла утечка информации», — сообразил Джексон, разглядев на столе ежедневную сводку, которую в это время дня разносили руководству ЦРУ.

— Почтайте, — предложил Малькольм, указав на отчеркнутые карандашом абзацы.

Джексон быстро пробежал глазами сообщение информационного агентства, утверждавшего, что США причастны к попытке государственного переворота в Испании:

«Между заговорщиками и сотрудниками Центрального разведывательного управления существовали личные контакты. Агенты ЦРУ несколько лет назад наладили тесные связи с молодыми ультраправыми офицерами, которые создали Испанский военный союз по образцу подпольной организации, начавшей 18 июля 1936 года под руководством генерала Франко антиправительственный мятеж. По совету ЦРУ члены Испанского военного союза осуществили осторожную и тщательно продуманную операцию по проникновению в армейскую разведку и в ударные войсковые соединения. Как сообщила газета «Паис», путчисты встречались с одним из советников президента США, с тем чтобы выяснить возможную реакцию Соединенных Штатов Америки в случае организации военного переворота. По утверждению газеты, американцы дали двойственный ответ. Они не обещали никакой конкретной помощи путчистам, но в то же время не исключали возможности сотрудничества с ними, если военный переворот закончится успешно».

Целый ряд испанских журналистов, работающих на ЦРУ, по заданию Лэнгли готовили специальные материалы с резкой критикой кабинета за неспособность управлять страной,

призывали к созданию сильного правительства, восхваляли армию. По нашим сведениям, более сорока журналистов в настоящее время сотрудничают с ЦРУ. ЦРУ имеет по меньшей мере одного своего человека в каждой влиятельной газете, журнале или радиостанции страны.

С целью обеспечить приход к власти ультраправых, фашистских сил ЦРУ обещало предоставить в распоряжение заграницы американские войска, дислоцирующиеся на военной базе Торрехон-д-Ардос, расположенной в 15 километрах от Мадрида. Как стало известно, в ночь накануне попытки переворота в порт, находящийся неподалеку от Валенсии, прибыли два американских военных транспортных корабля с грузом оружия и боеприпасов, предназначенным для заговорщиков.

— Насчет Испанского военного союза и журналистов — ладно, теперь все валют на ЦРУ. Будем считать, что это домыслы, — говорил Малькольм. — Но о транспортных кораблях откуда стало известно?

— Это не может исходить от людей, с которыми у меня есть контакты, — покачал головой Джексон. — Не в интересах «коричневого фронта» обнародовать какие-то сведения о связях с ЦРУ даже из бахвальства. Во-первых, это может привести к тому, что из-за публичного скандала нам придется прекратить всякую помощь им. Во-вторых, они же презируют «американскую плутократию», во всяком случае, на словах. Рядовые члены «коричневого фронта» не простят своему руководству связей с ЦРУ.

— Логично, — согласился Малькольм. — Но все же будьте осторожны. В каком-то звене произошла все-таки утечка информации.

— Хорошо. Я приму дополнительные меры, — сказал Джексон. — Однако, мне кажется, вы считаете испанские события полностью неудачными. Уверю вас, это не так. Теперь процесс интеграции Испании в НАТО пойдет значительно быстрее. А такую задачу перед нами и ставили. Наше посольство уже отметило, что испанское правительство ускорило процесс вступления в Североатлантический союз. Это надо расценивать как стремление Мадрида обезопасить себя от повторения попыток путча, от недовольства ультраправых военных и одновременно как реверанс в нашу сторону. Так что утечка информации о нашей возможной заинтересованности в приходе к власти военных только подстегнет Мадрид к сближению с нашей страной. Тоже неплохой результат.

Малькольм не стал продолжать этот разговор. Как отметил Джексон, его шеф в принципе предпочитал воздерживаться от цекотливых в политическом отношении оценок.

Конечно же, он был прав! Кристиан взволнованно ходил по комнате, держа в руках старую тетрадь. Он мысленно похвалил себя за тщательность, с которой делал любую работу, несмотря на насмешки однокурсников, предпочитавших обходиться минимумом.

Защита дипломного исследования Редлиха «Фашистские истоки идеологии крайне правых» проходила весьма бурно, хотя работа и носила чисто теоретический характер. Она была написана на современном материале, в ней анализировались сочинения теоретиков партий и групп, занимавших крайне правый фланг на политической арене Федеративной республики. Споры вокруг его исследования были неприятны Кристиану: он вовсе не хотел оказаться втянутым в политическую борьбу. После защиты, как ему казалось, он даже выбросил все подготовительные материалы. Но тетрадь, которую он полушутливо-полусерьезно называл «коричневой» (не из-за цвета обложки, разумеется), сохранилась у фрау Вебер.

В «коричневой тетради», заполненной записями об идеологии и истории фашизма, цитатами, обширной библиографией, Редлих отсылал ссылку на Клауса Циммера, автора выпущенной в Цюрихе неонацистской брошюры с претенциозным названием «Ложь и правда. В защиту несправедливо обогавных».

Имя Циммера значилось в списке, который Редлих приложил к запросу, отправленному в архив в Западном Берлине (им распоряжались американцы). В архиве хранилось значительное число документов, относящихся ко времени «третьего рейха», в том числе картотека НСДАП, содержащая сведения более чем о десяти миллионах членов партии; документы ведомства Розенберга по расовым вопросам; сведения о 2,5 миллиона немцев, проживавших вне Германии и переехавших в рейх из оккупированных стран Европы.

Он отыскал ответ из архива. Кристиан быстро пробежал глазами строки: «Уважаемый... В ответ на Ваше письмо от ... сообщаем Вам... В соответствии с имеющимися в нашем распоряжении документами... Клаус Циммер, 1914 года рождения, член НСДАП с 1936 года, партийный билет №... сотрудник внешнеполитического отдела НСДАП, специалист по Японии, отвечал за связи с сочувствующими «третьему рейху» слоями в Японии... Другими сведениями не располагаем».

Фрау Вебер любезно оставила на столике в передней несколько иллюстрированных журналов для Кристиана. Перелистывая их, он наткнулся на заинтересовавший его материал о недавней попытке военного переворота в Испании.

«Невозможно, — сказали мне испанские коллеги. — К Техеро никого не допускают. Тем более иностранца». Антонио Техеро Молина, подполковник гражданской гвардии, руководивший нападением на парламент в Мадриде, — по-прежнему герой дня, судя по страницам испанской прессы.

Как же попасть к находящемуся под арестом подполковнику, которого одни считают дьяволом, а другие — национальным героем? Мне наметнули: кафе «Рома». Там собираются аристократы, военные в отставке, клерикалы.

Настало время аперитива. «Да здравствует Техеро!» — гоговорит увешанная драгоценностями крашенная блондинка и чокается со мной. Владелец кафе несколько секунд внимательно смотрит на мой аккуратный пробор и говорит по-немецки: «Хайль Гитлер!» «Сливки общества» одобряюще улыбаются мне и поднимают бокалы.

Рядом с нами находится подтянутый мужчина в темно-синем костюме. Ему за пятьдесят. Время от времени он бросает на меня взгляд поверх бокала. Внезапно он пишет что-то в своем блокноте, вырывает листок и кладет его, уходя, на стойку бара. «Бывший генерал Испанского легиона. Влиятельный человек в министерстве обороны, — почтительно говорит хозяин кафе. — Возьмите записку».

В записке значится: «Мой дорогой Антонио, податель сего — немец, специально прибывший в Испанию, чтобы пожать тебе руку. Я не знаком с ним лично, но можешь ему доверять». Подпись неразборчива.

Я полетел в Ла-Корунью, откуда отправился на машине в Эль-Ферроль. Крепость «Кастильо де ла Пальма» расположена на территории, принадлежащей армии.

Камера Техеро представляет собой уютно обставленный кабинет с видом на море. Подполковник одет в свежестуженную форму гражданской гвардии и пребывает в наилучшем расположении духа. Он пьет коньяк с двумя супружескими парами своего возраста и предлагает мне сесть в кресло. На курительном столике горы писем, под ними — поздравительные телеграммы.

— Так ты немецкий патриот? — Техеро на «ты» с «симпатизирующими» ему людьми.

— Да, который хотел бы пожать руку испанскому патриоту. Он спрашивает меня:

— Считаются ли у вас правые плохими немцами?

— 40 лет назад все было иначе, — уклончиво отвечаю я, и, видимо, затрагиваю его любимую тему.

— Да, это так, — говорит Техеро, — сегодня не хватает таких людей, как Гитлер и Франко.

— Вы верите, что Гитлер или Франко имели бы сегодня успех?

— Значительно больший, чем думают люди, значительно больший. Но, к сожалению, все, что пишут об этих деятелях, — тенденциозная травля.

— А многие здесь думают так, как вы?

Техеро раскидывает руки, будто он хочет охватить всю Испанию, по меньшей мере весь гарнизон.

— Все, — говорит он с нажимом.

Двое дежурных заходят за мной и провожают до ворот. Крепость, становится мне ясно, не тюрьма, а бастион известного полководца, которого придерживают для выполнения его следующей задачи.

Как мне кажется, Техеро — единственный, кто в этом замке может свободно распоряжаться, кому все безусловно подчиняется. Я даже удивляюсь, почему Техеро не возьмет и просто не выйдет».

Интервью Кристиану понравилось. Взглянув на фамилию автора, он усмеялся. Этого журналиста Кристиан знал, познакомился с ним на одной из дискуссий в Мюнхенском университете. Журналист, сотрудничавший в еженедельном журнале «Ди нойе иллюстриerte», понравился ему непривычной для университетских кругов резкостью суждений, даже некоторым максимализмом выводов.

Кристиан стал искать его телефон по всем записным книжкам. Поздно вечером ему удалось дозвониться до журналиста, почему-то дважды за последний месяц менявшего номер квартирного телефона.

Трубку долго не брали. Наконец Кристиан услышал сухое «да».

— Хорст? — переспросил Кристиан. Все-таки они не виделись, пожалуй, года полтора.

— Предположим, — отрезал собеседник. — Ну, что там у вас? Говорите и проваливайте.

— Хорст? — Кристиан ничего не понимал. Чем-чем, а грубостью его знакомый прежде не отличался. — Это я, Кристиан Редлих. Отчего ты так нелюбезен?

— А, черт меня подери! — засрал журналист. — Кристиан, извини меня, пожалуйста. Я думал, это один из тех негодяев, что звонят мне круглые сутки и угрожают повесить, пристрелить или сжечь на костре вместе с моими писаниями. Пришлось даже номер телефона менять. Ужасно неудобно, друзья жалуются, что я совсем исчез.

— Что стряслось? — изумленно спросил Кристиан. — Ты ополчился против Штрауса или предложил «сухой закон»?

— Журналист хмыкнул.

— Я рад, что ты по крайней мере не потерял чувства юмора. В отличие от меня.

— Так ты мне объяснишь, в чем дело? Неужели это из-за испанской статьи?

— Нет, испанская поездка уже забыта. Все неприятности из-за местных дел.

— А на меня большое впечатление произвело твоё интервью. Неужели там грядет второй Франко?

— Бог с ней, с Испанией, — отмахнулся Хорст. — Я тебе покажу немало интересного из того, что происходит на нашей земле. Знаешь что, давай встретимся завтра. Я заеду за тобой утром. Ты где сейчас обитаешь? Подожди, я запишу.

Поздно вечером в квартире Циммера ввалился Гельмут Хайссе в донельзя мятом костюме и с двумя чемоданами, на которых болтались ярлыки нескольких авиакомпаний.

— Что случилось, Гельмут? Я ждал тебя еще к обеду. — На лице Циммера была тревога.

— Самолет опоздал, вот что случилось, — огрызнулся Хайссе.

Он бросил чемоданы в передней и, стягивая на ходу пиджак, пошел в ванную.

Циммер принес ему купальный халат.

Отдохнув, Хайссе заглянул в кабинет. Профессор с готовностью отложил перо в сторону.

— Что нового в институте?

— Все готово. Остались какие-то мелочи. Самолет уже прибыл. Словом, все в институте уверены в успехе. Настроение у них чемоданное, — усмеялся Хайссе. — Надеются, что почти сразу смогут вернуться на родину.

— Ну, это они немножко торопятся, — поморщился Циммер. — Не все так быстро решается. Я думаю, что при самом удачном стечении обстоятельств им еще придется посидеть в институте.

— Я им, естественно, говорить об этом не стал. Чтобы не расстраивать. Уж больно они там нервные.

— Их можно понять, Гельмут, — мягко сказал Циммер. — Они выполнили задачу исторической важности. Они настоящие патриоты и стремятся увидеть Германию обновленной.

Хайссе не обратил внимания на тираду Циммера.

— Я видел там этого Норберта Хартунга. Издалека, разумеется. Его поместили в научный блок, подключили к работе над второй игрушкой.

— Очень хорошо. Лишний физик им там не помешает. Как он себя ведет?

Хайссе, не спрашивая у Циммера разрешения, вытащил из шкафа непечатую бутылку французского коньяка. Налил себе.

— А как он там себя может вести? Научный блок — тот же концлагерь. Только их не бьют и кормят прилично, чтобы голова работала. А вы что, ни разу не летали в институт?

— Я был там, когда расчищали площадки под первые дома, — ответил Циммер. — Идея создания института принадлежит мне. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

— Из-за второй игрушки мне пришлось слетать в Преторию, — продолжал Хайссе. — Мы ездили в Намбию...

— Говори лучше: Юго-Западная Африка, — прервал его Циммер. — Это звучит благозвучнее.

— Сначала меня отвезли на месторождения урана в Россинге, потом на обогатительный завод в Валиндабе. Мы договорились о дополнительных поставках. Через месяц-полтора можно посылать самолет за грузом.

— Хорошо, я скажу Гонсалвишу, что понадобится еще один рейс в Южную Африку. Ведь он один связан с авиакомпанией «Си-эй». Знакомые места, — добавил Циммер. — Когда зарождался проект «Вальхалла», я довольно часто летал в ЮАР и Юго-Западную Африку. Там у нас много друзей. Я бы мог тебе рассказать...

— Хватит, хватит, — прервал его Хайссе. — вы уже себя чувствуете ветераном движения, выступающим перед молодежью. Еще успеете.

— Ты начисто лишен нордической почтительности к старшим, — недовольно сказал Циммер.

Он вернулся к своим бумагам.

— Иди. Мне предстоит поработать этой ночью: мы с Симиццу должны лететь в Италию. Там назначен очередной сбор движения.

Кристиан спустился вниз ровно в семь. «Мерседес» его друга уже стоял у дома фрау Вебер.

— Ого, — сказал Кристиан, — откуда у тебя такая машина? В прежние времена деньги у тебя не водились и ты довольствовался «фольксвагеном».

— И сейчас не водятся, — киенул журналист, сделал попытку улыбнуться, но его узкое лицо с рыжыми, коротко постриженными усами не переставало хмуриться. — Совсем неожиданно издательство выпустило книгу моих репортажей. Это обошлось мне в два разбитых оконных стекла и в сотни две писем с изощренными оскорблениями. В прессе, разумеется, никаких откликов, хотя книгу раскупают довольно бойко.

Кристиан, повернувшись к нему, заметил седые волосы в довольно пышной шевелюре журналиста. «А ведь мы практически ровесники, год-два разницы», — подумал Редлих.

— Зато, — произнес журналист, произведя замысловатый маневр, чтобы обогнать идущую впереди приземистую «хонду», — гонорар неплохой. — И он с удовольствием похлопал правой рукой по баранке «мерседеса». — С самого детства мечтал иметь такую.

Они съехали с автобана на узкую дорогу, петлявшую вдоль каких-то домиков и исчезающую в лесу.

— Ты знаешь, — начал Кристиан, — после крохотных участков японских крестьян поля наших баварцев кажутся мне настоящими поместьями. Представляешь себе...

— Погоди, — прервал его Хорст, — давай по порядку. Впечатления от Японии расскажешь нам с женой завтра, она очень хочет тебя послушать, но сначала...

Он резко вывернул руль, и машина съехала с дороги на поле. Несмотря на хорошие рессоры, Кристиан раза два довольно ощутимо стукнулся головой о потолок кабины.

— Так куда же мы едем? — в промежутке между толчками успел спросить Кристиан.

— Уже приехали. — Хорст резко затормозил. На большом ровном поле, укрытом от дороги густым лесом, стояло несколько бронетранспортеров, чуть в отдалении разворачивался танк. Все поле было изрыто окопами, в которых Кристиан различил пригнувшиеся фигуры. Вначале Редлих

ХОРОВОГО МАСОК

Лицедей. Это слово пришло к нам из глубины русской истории, обозначив не только профессиональную принадлежность, но сам таинственно-притягательный феномен театра.

«Лицедей» — так называется ленинградский ансамбль пантомимы, которым руководит Вячеслав Полунина, известный советский мим, лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады и премии Ленинградского комсомола. В этом году коллективу исполняется 15 лет.

Началось все в любительской студии пантомимы Ленинградского Дворца культуры имени Ленсовета. Очарованные искусством Чаплина и Енгилбарова, будучи «жадными и страстными до впечатлений изящного», молодые энтузиасты постигали традиции русской театральной культуры, законы немой кино и мультипликации, брали уроки великого Марселя Марсо, открывали в музыке и живописи созвучные себе мотивы. Все многообразие художественных пристрастий нализывалось на

страстный интерес к народным истокам и формам театра. Именно поэтому профессиональная жизнь ансамбля началась в 1979 году с постановки спектакля «Лицедей», героями которого являются персонажи, олицетворяющие народный театр — Пьеро и Коломба, Арлекино и Капитан. Традиционные маски по-новому зазвучали в исполнении ленинградских актеров, сообщив разыгрываемой «балаганной истории с пощечинами и поцелуями» свежесть восприятия и непосредственность чувств наших современников.

Руководитель ансамбля Вячеслав Полунина обладает редкостным строем дарования, он свободно существует в широком диапазоне — от гротеска до проникновенного лиризма. Великолепно владеющий секретом точного отбора пластических выразительных средств, этот актер отличается широтой художественных интересов и отточенным мастерством. Прелесть и неповторимость его сценического образа заключаются в почти абсолютной непредсказуемости поведения, в умении вести слож-

ный пластический диалог с партнером, в стремлении к сопряжению приемов балагана и психологического театра. Поэтому все спектакли и концертные номера с участием Полунина обретают характер метафоры, звучащей афористично и неожиданно дерзко соотносящей привычные понятия. Вот его персонаж по имени «Асисляй», завоевавший сегодня широкую зрительскую популярность благодаря телевидению, которое донесло всепроникающий лиризм, облаченный в традиционные клоунские атрибуты нелепости и беззащитности. Обладая детской просветленностью чувств, Асисляй прозревает такие общечеловеческие горизонты, которые видны, когда «глаза повернуты зрочками в душу».

Но широкий зритель вряд ли знает, что Асисляй — это один из персонажей спектакля «Чудаки». По жанру это философская клоунада, героями которой являются старые клоуны, ушедшие из цирка. Люди перестали смеяться над их трюками, а они, непобежденные, продолжают жить по законам цирка, вошедшим в их кровь и плоть.

Продолжают надеяться на то, что их когда-нибудь позвуют... Эта смешная и немного грустная история строится на параллельных монологах персонажей.

Ансамбль постоянно выступает на сцене Ленинградского Дворца молодежи. Но не только выступает, а еще страстно пропагандирует пантомиму. Артисты создали даже свой информационный центр, в котором собрано более 3 тысяч изданий, посвященных любимому ими виду искусства.

Сейчас «Лицедей» готовят к выпуску новый спектакль — «Картинки с выставки» — на музыку М. П. Мусоргского, в котором нашел отражение давний интерес ансамбля к возвышенно-трагической судьбе «самого русского из композиторов». Впереди, естественно, гастроль, работа в кино, театре, на телевидении. Впереди — строгие и взыскательные оценки зрителей.

...А на флаге театра вы прочтете: «Радостная душа» — эти слова точно отражают жизнетворческие устремления коллектива.

Лариса МЕЛЬНИКОВА

ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА»

подумал, что попал на съемки очередного боевика из времен второй мировой войны. Он оглянулся на своего друга, чтобы спросить, зачем тот потащил его сюда, и увидел гримасу на лице журналиста. Тут только он сообразил, что не видно ни операторов, ни киноаппаратуры. Журналист тем временем вытаскил фотоаппарат, сделал несколько снимков.

Их заметили. В люке танка показалась чья-то голова в вермахтовской фуражке. Из окопа вылезли еще двое с автоматами, в полном обмундировании, но без погон.

Журналист подождал их совершенно спокойно; достав маленький блокнот, он исписал две страницы, прежде чем пошел двое с автоматами.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил старший из них. Второй, совсем еще юнец, смотрел исподлобья и нервно сжимал в руках автомат. Кристиан физически ощущал его ненависть.

Журналист вытаскил из бумажника визитную карточку и протянул:

— Мы журналисты и хотели бы взять интервью у Карла Байера.

Старший взял карточку, подозрительно оглядел обоих с головы до ног и зашагал назад к танку. Кристиан проводил его взглядом. Он все еще ничего не понимал.

Там, на поле, разворачивалась целая баталия. Трещали пулеметные очереди, из окопов метали гранаты. Неожиданно танк развернулся и поехал прямо на них. От грохота мотора и лязга гусениц Кристиан ничего не слышал, «Что, если он не остановится?» — мелькнуло у него в голове. Танк остановился, и из него вылез высокий мужчина в форме офицера вермахта. Гладко причесанные белокурые волосы с седьмой, голубые глаза, глубоко упрятанные под мощными надбровными дугами, жесткая линия губ.

— Господин Байер. — Журналист шагнул ему навстречу и назвал. — Я и мой коллега, господин Редлих, хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Ну, что ж. — Байер вроде бы усмехнулся, но глаза его смотрели зло и враждебно. — Нам скрывать нечего.

Его мощный командирский голос перекрывал и шум стрельбы и грохот двигателя.

Он стоял, широко расставив ноги в начищенных до зеркального блеска сапогах и заткнув руки за пояс. «Ну и солдафон», — подумал Кристиан.

Интервью прошло под аккомпанемент пулеметных очередей.

— Наша цель — борьба. С кем? С коммунизмом, большевизмом, всеми левыми. И с парламентаризмом вдобавок. Здесь, — продолжал он, кивнув в сторону, — куется ядро будущих освободителей Германии. Их пока немного. Но все начинают с малого. Мои парни еще себя покажут. Когда мы придем к власти.

Байер не испытывал ни малейшего смущения, излагая журналистам свои взгляды. Интервью было недолгим. Взглянув на часы, Байер величественно кивнул журналистам и нырнул в танк. Боевая машина обдала Кристиана струей выхлопных газов и двинулась к окопам.

— Что же все это значит? — наконец не выдержал Кристиан, когда они сели в машину и выехали на шоссе. — Кто это? Откуда у них оружие?

Хорст смотрел прямо перед собой.

— Это группа «Великая Германия». Карл Байер был членом национальной партии и ее кандидатом в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия. — Он говорил спокойно, напряжение выдавали нервные движения рук. — Потом вышел из партии, назвав ее «недостаточно правой». Перебрался в Баварию, купил вот-это поместье и принялся вербовать юнцов. В группе у него казарменная дисциплина, изучают военное дело на практике. Зарегистрировавшись в качестве коллекционера оружия, Байер вооружил своих парней до зубов. Венец его «коллекционирования» — покупка танка.

Крестьяне из соседних деревень несколько раз подавали жалобы в местный суд на группу Байера, которая принялась устраивать стрельбы даже по ночам. В последнее время они произвели несколько взрывов. Видимо, изучали подрывное дело.

— А полиция, власти? — спросил Кристиан. — Разве у нас подобные вещи не запрещены?

— Ты знаешь, — продолжал журналист, словно не слыша вопроса. — Байер ни минуты не сомневается в своей безнаказанности. И у него есть для этого основания. Представь себе, что подобной деятельностью занялась какая-нибудь левая группа. — ее немедленно запретили бы, а руководителя упрятали за решетку. Вероятно, и федеральные политики в Бонне и земельные у нас в Мюнхене полагают, что выгоднее оставаться слепыми на правый глаз. Иначе трудно объяснить, что придает Карлу Байеру такую уверенность. Неужели и в самом деле настало их время? Ведь акции группы Байера не могут не подпадать под какие-то параграфы нашего уголовного уложения и полиция должна была привлечь Байера к ответственности. Но поведение полиции всегда отражает расстановку сил в обществе. Когда Веймарская республика была при последнем издыхании, нацистов уже не арестовывали. В тюрьмы попадали одни коммунисты. Может статься, что нас ожидают страшные времена.

Они подъехали к дому фрау Вебер. Хорст затормозил.

Кристиан не узнавал его. Куда девались веселость, легкость, постоянная улыбка, какие у него усталые, больные глаза.

— Ты не можешь себе представить, сколько симпатизирующих таким вот, как Байер. За статью о неонацистской группе меня разве что не назвали «предателем нации» и «осквернителем собственного гнезда», как любил говорить Геббельс. Каждый день я вынимаю из почтового ящика несколько писем с оскорблениями и выбрасываю поскорее, чтобы случайно не прочитала жена. Узнали номер моего телефона и грозят разнести мне башку, повесить и сжечь вместе с моими друзьями-коммунистами.

Кристиан не верил своим ушам.

— Они думали испугать меня. — Журналист усмехнулся. Правда, усмешка получилась какая-то невеселая. — Но я не собираюсь отступать. Я решил опубликовать статью, которую готовил очень долго. Она будет сильным ударом по ультраправым. Для полноты картины мне не хватало Байера. Ты слышал все, что он говорил. Мюнхенской полиции ничего не стоило бы привлечь Байера к уголовной ответственности хотя бы за нарушение закона, запрещающего хранение взрывчатых веществ. В центральной картотеке федеральной полиции наверняка можно найти следы прежней деятельности Байера: подделка документов, нападение на помещение Германской коммунистической партии в Бонне... Но полиция и суд усердствуют лишь в отношении левых.

— Ну ничего, я сам все что надо выяснил, — закончил журналист, — рукопись уже сдана и появится в субботнем номере. Кстати, вот копия. — Он вытаскил из кармана сложенные листки бумаги. — Будет время, полистай, а я поеду: надо дописать сегодняшние впечатления.

Кристиан вылез из машины, держа в руках статью. Журналист протянул ему руку из окна автомобиля.

— До завтра. — Он подмигнул Редлиху и вдруг хлопнул себя по лбу: — Пожалуйста, позвони моей жене, скажи, что сейчас приеду, а то она беспокоится.

В дверях показался улыбающийся прокурор. Увидев Вентури, он помахал рукой комиссару:

— Как дела, Марио? — И, не дожидаясь ответа, вышел из приемной.

Вентури проводил его глазами и вошел в кабинет начальника туринской полиции. Начальник принял его сухо.

— Что у вас, комиссар?

Вентури выложил перед ним несколько листов из папки. Коротко взглянув на комиссара поверх очков, начальник принялся их изучать. Он читал листок за листком, аккуратно откладывая их в сторону. Закончив, откинулся в кресле.

— Мне нужен ордер на обыск в доме прокурора, — спокойно сказал Вентури. — Я считаю его соучастником убийства собственного заместителя.

— Нет, господин Уорнер, сегодня мы не сможем увидеться, — вежливо отказался профессор Симидзу.

— Почему? — недовольно спросил Поль Уорнер.

— Сегодня буцумзунити.

— Что-то? — не расслышал Уорнер.

— Самый несчастливый день по шестидневному календарю. День смерти Будды. В такой день не стоит заниматься важными делами.

— Вот уж не подумал бы никогда, что вы так суеверны. — заметил Уорнер. — Тогда перенесем беседу на завтра.

— С удовольствием.

Симидзу повесил трубку.

Уорнер заглянул в соседнюю комнату, где, задрюкав ноги на стол, просматривал свежие журналы его сотрудник, создавший себе репутацию большого знатока Японии.

— Слушай-ка, ты не знаешь, что это за слово «буцумзун»? Сотрудник поспешно снял ноги со стола.

— Конечно, шеф. По буддийскому календарю есть свои счастливые и несчастливые дни. «Буцумзунити» считается очень несчастливым, «тайан» — наоборот. В день «сэмбу» не рекомендуется начинать дела, день «сэнсэ», напротив, благоприятный для дел, хотя его считают счастливым до обеда, но несчастливым после обеда.

Уорнер изобразил на лице гримасу, показывающую, что он до смерти сыт этими японцами. Но, выходя, заметил сотруднику:

— Вы все же как-нибудь учитывайте эти дни, когда готовите встречи с японцами. Раз уж они такие суеверные. И ставьте меня в известность.

После предыдущей беседы с Симидзу Поль Уорнер отправил подробное донесение Джексоу.

«Ваши предположения подтвердились. Между праворадикальными группами в Западной Германии и аналогичными организациями в Японии существуют прочные связи, — писал он. — Нынешние радикалы унаследовали их от Антимюнхенского пакта. После войны сюда переместились некоторые бывшие нацисты, спасавшиеся после поражения Гитлера. Вероятно, они с самого начала помышляли о возобновлении прежних отношений, теперь, конечно, на совсем ином уровне. В настоящее время происходит оживленный обмен визитами. За время моего пребывания здесь мне удалось установить по крайней мере три случая, когда представители местных праворадикальных групп ездили в Европу для встреч с лидерами «коричневого фронта», и дважды нам удалось проконтролировать переговоры с гостями из ФРГ здесь, в Киото и Нагоя».

Уорнер не написал, что он организовал прослушивание телефонов интересовавших его лиц.

Внимательно изучая записи телефонных разговоров, Уор-

нер установил дни приезда эмиссаров из Западной Европы, следил за всеми их контактами в Японии.

Во время первой встречи с Уорнером японский профессор изложил свои взгляды:

— Мы, крайне правые, представляем собой реальную альтернативу для народа, уставшего от пустой болтовни, от отсутствия порядка, ясности, простоты. То, что вы, американцы, так перевозносите и расхваливаете — буржуазная демократия, — несет в себе миазмы страшно духовного разложения. Огромные города вроде вашего Нью-Йорка или нашего Токио — это источник зла, это ад, приманивающий к себе все новых и новых людей, которые теряют там свою духовную сущность. Ваша демократия разрушила семью, отношения между родителями и детьми. Демократия подточила изнутри общество, которое внешне еще производит впечатление процветающего, но внутри всегнило. И самое страшное — оно создает питательную среду для микробов коммунизма.

— Что же вы предлагаете? — спросил Уорнер. — Какова ваша позитивная программа? Крушить все умеют.

— Позитивная программа? — Симидзу на минуту замолк. — Мой собеседник, — писал далее Уорнер в шифровке Джексоу, — изложил основные цели, которые преследуют праворадикальные объединения: установление порядка в стране путем изгнания с политической сцены левых, либеральных болтунов и смутьянов, создание политического института, пользующегося более широкой поддержкой, чем партия (Симидзу пользовался термином «движение»), введение нового порядка в экономической жизни — никаких забастовок, жесткая дисциплина; безжалостное искоренение марксизма и анархизма, строгая цензура печати, радио и телевидения с целью оздоровить атмосферу в обществе.

Более конкретных формул Симидзу избегал. От отметил только, что изложил цели движения в глобальном масштабе. В каждой стране эти цели, естественно, конкретизируются в соответствии с местными условиями.

По сведениям, полученным из информированных источников, сейчас в Японии происходит консолидация ультраправых групп. В этом процессе Симидзу играет ключевую роль. Надо полагать, что объединение всех групп (а их в стране более пяти сот) осуществляется Симидзу как представителем «коричневого фронта», который таким образом надеется иметь в своем распоряжении 125 тысяч единомышленников, организованных и готовых к действиям (у японских ультраправых на счету три попытки государственного переворота).

— Я считаю его соучастником убийства заместителя прокурора, — повторил Вентури.

— Мотивы?

Комиссар ответил не сразу.

— Судя по пустому сейфу убитого, он, как человек здесь новый, влез в дела, которыми ему не следовало заниматься. Возможно, они затрагивали лично прокурора. Кстати, и очистить сейф могли только по его указанию. Без разрешения прокурора спецсектор не выдает дубликаты ключей.

— И какие же это дела?

Вентури молчал.

Начальник полиции с неожиданной для его веса легкостью поднялся с вертящегося кресла и подошел к окну.

— Я не стану спрашивать, рассказывали ли вы о своих подозрениях кому бы то ни было, — начал он, — не сомневаюсь, что вы действовали в соответствии со своим долгом. Выполняйте его и впредь. Обвинение, выданное вами, слишком серьезно, чтобы я решил предпринять что-либо без тщательной проверки. Я сам займусь этим делом и буду вам помогать.

— Я уже установил наблюдение за его виллой.

— Без моей санкции?

— Как бы нам не опоздать, — не отвечая на вопрос, продолжал комиссар. — Сегодня прокурор видел меня здесь, в вашей приемной.

— Мало ли какие дела могут быть у комиссара к начальнику полиции.

Вентури с сомнением покачал головой.

— Материалы по делу об убийстве заместителя прокурора я оставлю у себя, — закончил разговор начальник полиции. Уже на улице Вентури пожалел, что решил на этот визит. Надо было ехать в Рим. С другой стороны... Судя по кислому выражению, с которым его встретил тогда одноклассник, едва ли ему обрадовались бы в Риме. Зачем только он ввязался в это глупое дело! Одни неприятности. Если бы, как многие из его коллег, он не стал проявлять чересчур большого интереса к порученному делу, то и не зал бы никаких хлопот. Но отступить теперь, когда он попал на след преступников, означало потерять уважение к самому себе.

Раздражение Вентури выместил на машине, рванув с места так, что чуть не протаранил бок неудачно припарковавшегося «фиата».

Вентури плохо знал биографию своего шефа, иначе он еще больше пожалел бы о визите к начальнику полиции. В годы войны тот был «чернорубашечником» и поклонником Муссолини.

Прошлое не помешало его карьере. После войны, несмотря на протесты коммунистов, бывшие офицеры фашистской полиции вновь оказались на своих местах и были повышены в чинах — им даже зачли в общий «трудовой стаж» пребывание в плену у союзников. Правительство оказывало «проверенным кадрам» явное предпочтение при продвижении по службе.

Кристиан включил телевизор. После возвращения

из Японии он чувствовал себя выбитым из привычной колеи и, чтобы отвлечься, каждый вечер усаживался перед экраном. На этот раз разыгрывалось какое-то шоу. Смысл шуток плохо доходил до него. С досадой он выключил телевизор, взял рукопись статьи, оставленной Хорстом, и стал читать.

«Арестованные за последнее время в Федеративной республике несколько десятков неонацистов из разных групп получали финансовую помощь и оружие из-за границы. Помощь правым экстремистам поступала главным образом из США и Бельгии, каналы доставки денег и вооружения обеспечивали группы поддержки «коричневого фронта» — организации, которая продолжает оставаться недосгаемой для полиции многих стран.

Служба безопасности, как мне удалось выяснить, знает, что на встрече в Париже французская организация «Оксидан» — Запад предложила собрать из ФРГ оружие, обмундирование и взрывчатые вещества, необходимые для производства бомб. Группа «Оксидан» подозревается в организации многочисленных взрывов во Франции, в том числе и в парижском клубе «Медитеран». За границей немецкие неонацисты находят надежное убежище у соратников по движению в США, Швейцарии, Бельгии и Дании. Компетентные лица в Интерполе неофициально говорили мне, что за этим «распределением труда» чувствуется единый центр, планирующий и организующий действия.

В этом году во Франкфурте-на-Майне значительная группа неонацистов сделала попытку возродить НСДАП. Рассказывают, что на учредительное собрание прибыли важные гости из-за границы. Замысел был сорван, поскольку квартира, где они собрались, была — совсем по другому поводу — на подозрении у полиции, и патруль заинтересовался многочисленными посетителями этого дома.

Правда, арестовать никого не удалось из-за «недостаточной оперативности сотрудников полиции», как официально было объявлено, но в квартире обнаружили большое количество пропагандистского материала, нацистские эмблемы, оружие, обмундирование, взрывчатку. Среди бумаг — заявления группы о присоединении к «коричневому фронту».

Фашисты второй половины XX столетия многому научились на опыте своих предшественников. На уровне идеологии, мировоззрения все осталось прежним, но тактика борьбы за власть изменилась. Они делают ставку на организацию наднационального масштаба, на создание Движения одновременно во многих странах.

Вот уже некоторое время в неонацистских акциях в разных странах чувствуется чья-то направляющая рука. Существование координирующего центра праворадикальных групп в Западной Европе кажется мне очевидным.

Не так давно я получил достоверную информацию о том, что неонацисты вынашивают планы создания всемирной организации. С этой целью они намеревались взять в свои руки руководство Всемирной антикоммунистической лигой. Интерес к лиге понятен: правых привлекает широкая сеть ее отделений почти во всем мире, большие средства, которыми она располагает.

Но их желание использовать антикоммунистическую лигу не означает, что у неонацистов нет собственной организации мультинационального масштаба. «Коричневый фронт» — величайшая тайна правых радикалов. Тем не менее кое-какие сведения просочились сквозь стену секретности. Собираясь в ближайшем будущем посвятить «коричневому фронту» специальную статью, я хотел бы поведать читателям следующее...

На этом рукопись, которую ему дал Хорст, обрывалась. Верно, он забыл дать окончание, решил Кристиан.

Вечером Уолтер Смит, занимавшийся непонятной вспышкой в Атлантике, приехал в Лэнгли и сразу же отправился в приемную заместителя директора по разведке Аллена Фергюсона.

Возле лифта он столкнулся лицом к лицу с Джексоном и вежливо поклонился. В ведомстве Аллена Фергюсона недолго любили управление планирования, но открыто демонстрировать антипатию помощнику Малькольма было бы верхом неблагодарности. Джексон кивком ответил на приветствие, но, повнимательнее взглядевшись в Смита, остановил его.

— Вы как будто издали же?

Уолтер Смит настороженно кивнул: с чего бы это вдруг Джексон стал интересоваться его делами?

Помощник Малькольма взял его под руку и отвел в сторону подалее от любопытных глаз.

— Не удивляйтесь, что я расспрашиваю вас. Просто история с таинственной вспышкой оказалась в сфере наших интересов.

— Вот оно что, — протянул Смит, — и ваше управление собирает у нас это дело?

— Пока нет, но это не исключено. А у вас есть что-нибудь новое по вспышке?

Смит похлопал рукой по папке, которую держал в руке.

— Я как раз отправляюсь на доклад к Фергюсону. Мы выяснили кое-что: это, несомненно, была бомба. У наших ученых есть все доказательства. Нам помогли и специалисты ВМФ. Исследовательская лаборатория ВМФ определила, что гидроакустические эффекты были характерными для ядерного взрыва. Вы же знаете, их «электронные уши» прослушивают весь океан.

Джексон присвистнул. Интуиция не обманула его. Этот парень из разведки и не понимает, какую «бомбу» несет с собой в папке. Хорошо, что он успел по крайней мере перехватить Смита. Информация не должна распространять-

ся. Почему директор не поручил это дело их управлению? Но как же там ни было, а сообщение о бомбе помощнику президента должен передать, разумеется, его шеф Малькольм. Джексон протянул руку Смигу.

— Еще увидимся.

Джексон бросился в приемную своего шефа. Секретарша остановила его:

— У шефа люди.

Джексон вернулся в свой кабинет и оттуда позвонил Малькольму по прямому проводу.

Через минуту Малькольм зашел к нему и, плотно притворив дверь, спросил:

— А вы уверены?

— Абсолютно. И надо поторопиться.

По спецсвязи Белого дома Малькольм соединился с помощником президента по национальной безопасности Уайтом. Тот откликнулся, как всегда, бодрым голосом:

— Слушаю.

— Мистер Уайт, вы помните странную вспышку, которую зарегистрировали наши спутники?

— Разумеется.

— Так вот, эта вспышка... и в самом деле представляла собой взрыв атомной бомбы.

— Это точно? Кто установил? В свое время по поручению президента я просил вашего директора лично заняться этой историей.

— Это точно, мистер Уайт.

— Хорошо. Информацию о бомбе придется засекретить грифом «Ройял».

«Ройял» означал высшую степень секретности, недоступную даже конгрессменам и сенаторам, которых время от времени освещали о щекотливых делах ЦРУ, чтобы заручиться их поддержкой.

После этого разговора Уайт позвонил директору ЦРУ.

— Я хотел бы вас поблагодарить за успешное выполнение поручения президента, — начал он, — только что ваш заместитель Малькольм сообщил мне результаты расследования таинственной вспышки. Я бы только попросил вас потребовать от всех, кто может быть осведомлен о результатах расследования, хранить тайну. Еще раз благодарю вас.

Не дав директору сказать ни слова, Уайт попросился и повесил трубку.

Директор был удивлен: при чем тут Малькольм, когда он поручал дело управления разведки? Но, не будучи человеком, склонным к интригам, он даже не стал выяснять, почему одни сотрудники занимаются делами, которые поручают другим, и почему особо важные сведения докладывают Белому дому без его санкции. Уайт доволен, и это главное.

Вентури бросил машину на городской площади, чудом воткнув ее между двумя «мерседесами». Он начал свое путешествие с близлежащего кафе, хозяин которого предложил отведать местного вина. Вино оказалось неплохим, и Вентури просидел в кафе около часа, разглядывая посетительниц. Мама угощала детишек мороженым. Мужчины, как и комиссар, неспешно попивали вино. И только молодой парень в теплой не по погоде, мешковатой куртке за столиком у входа поглощал какое-то мясное блюдо. Вентури расслапнулся с хозяином и вышел. Поставил несколько минут в нерешительности, потом бесцельно зашагал по улице. Инстинктивно он двинулся в сторону, противоположную той, где находился полицейский комиссариат и где его, по всей вероятности, ждали. У него не было ни малейшего желания возвращаться к себе в кабинет. Разговор с начальником полиции произвел на него неприятное впечатление, предпринять что-либо без санкции начальства он не мог...

Вчера, бросив все дела, он сел в машину и поехал в Милан. Поддавшись на разговоры газет и теледикторов, он решил посмотреть обширную, посвященную 30-м годам выставку «Культура и искусство в Италии», открывшуюся в Милане. О Вентури нельзя было сказать, что он принадлежит к числу страстных почитателей искусства. Но выставка в Милане привлекла зрителей, даже и вовсе лишенных художественного вкуса и тяги к прекрасному.

Немного растерянный, Вентури бродил, разглядывая экспозиции. Со стендов на него смотрели многочисленные фотографии и портреты Муссолини. Диче произносит речи. Целует детей. Путешествует по стране. Улыбки молодых ребят, обращенные к диктатору, комментарии, прославляющие диче — «Спасителя мира». Книжки: «Объяснение фашизма для детей», «Элементы фашистской культуры для школ всех типов и организаций», «От Римской империи к имперской Италии». Лозунги: «Муссолини всегда прав», «Если ты ешь слишком много, ты воруешь у нации». Статистика показывает, насколько при фашистском режиме улучшилась жизнь итальянцев. Не только поезда ходили вовремя, но и итальянцы потребляли тогда протеинов больше, чем до и после Муссолини.

Молодежь с любопытством осматривала приметы той эпохи. Пожилые люди со смешанным чувством грусти и ужаса вспоминали собственное детство и юность. Вентури слышал вырвавшиеся кое у кого одобрительные восклицания — nostalgia по временам, когда в стране было больше порядка.

Впечатления от миланской выставки наложились на дурное настроение, связанное с расследованием.

Чтобы отделаться от гнетущих мыслей, он зашел в бар. Настроение у него слегка поднялось.

Но теперь Вентури ощутил голод. Он вышел из бара и остановился, чтобы сориентироваться — никак не мог сообразить, куда его занесло. Определенно, он в этих местах не

бывал. Перед ним тянулся довольно пустынный бульвар с чахлыми деревьями. Справа старое двухэтажное здание, из открытых окон которого доносился шум голосов. Вентури выругал себя за невнимательность: полицейскому полагалось лучше знать город. Конечно же, это рабочий клуб, и в нем опять какое-то собрание. Приличных ресторанов здесь явно нет. Придется выбираться в центр. Вентури пошел вперед и нос к носу столкнулся с человеком, который выскочил из подъезда рабочего клуба. Вентури хотел извиниться, но человек оттолкнул его и бросился в переулок. Послышался рев мотора, потом хлопнула дверца, и белая машина вырвалась из переулка, чуть не перевернувшись на повороте.

Вентури ошеломленно посмотрел ей вслед. И в это время сзади что-то оглушительно рвануло. Комиссар оглянулся: из окон рабочего клуба вырвались языки пламени, целый угол здания осел, полетели осколки стекла, куски кирпичи. Послышались женские крики, из подъезда выбежали люди. И в ту же секунду раздался второй взрыв. На глазах у Вентури и еще нескольких человек, успевших выбраться из здания, провалилась крыша.

Мимо промчалась две пожарные машины. Вслед за пожарниками приехала полиция. Вентури сделал несколько шагов назад. Один из полицейских насторожился.

— Ты куда это, парень?

— Я? — изумленно спросил Вентури. — Никуда.

Полицейский подошел к нему и крепко взял за руку. Теперь на них смотрели уже все.

— Что здесь происходит?

Перед Вентури стоял высокий человек в штатском.

— Да вот пытался скрыться, но я не дал. Похоже, один из тех, кто бомбу подложил, — сказал полицейский.

— Да вы что? — закричал Вентури. — Я комиссар полиции. Он сделал движение, чтобы достать документы, но двое полицейских закрутили ему руки за спину.

— В машину, — командовал тот.

Сопrotивлявшегося Вентури сноровисто захлкнули в кузов микроавтобуса. Шофер включил сирену, и машина рванулась вперед.

Комиссар открыл рот:

— Я...

— Молчать, — рявкнул сидевший рядом с ним полицейский.

— Как вы смеете со мной разговаривать в таком тоне? — возмутился Вентури.

Вместо ответа полицейский коротко ударил его в челюсть. Хрустнул зуб, комиссар почувствовал во рту вкус крови. Он опять попытался что-то сказать, последовал второй, более жестокий удар. Голова Вентури больно стучулась о кузов.

В полицейском участке он опять сделал попытку объясниться.

— Вызовите сюда кого-нибудь из следователей, — потребовал он.

— Обойдешься, — лениво отреагировал сержант. — Выр-бай все из карманов, — командовал он.

— Вы не имеете права! — Вентури шагнул навстречу сержанту.

Тот как бы нехотя взглянул на него и неожиданно со всего маха ударил ногой в пах. Комиссар согнулся от боли. Тогда его сверху чем-то тяжелым ударили по голове...

Кристиан так и остался стоять неподвижно, сжимая телефонную трубку. Вскочив спросонок, он здорово ударил ногу об угол шкафа, но даже не ощущал боли. «Этого не может быть...» — фраза эта, как застрявшая пластинка, вновь и вновь прокручивалась у него в голове. На секунду ему даже пришла в голову нелепая мысль, что его друзья погибают после того, как встречаются с ним. Это было нелепо, чудовищно, но смерть журналиста была еще нелепее. Хорст, распрощавшись с Кристианом, так и не вернулся домой. Встревоженная его долгим отсутствием жена позвонила в полицию. Поиски почти немедленно дали результат: патрульная машина обнаружила «мерседес» журналиста на лесной дороге недалеко от города. Как журналист оказался там, осталось невыясненным. Патрульный полицейский открыл дверцу «мерседеса», наклонился к неподвижному телу, распластанному на переднем сиденье, пощупал пульс и пошел докладывать по радию. Рядом с телом валялся пистолет, из которого был произведен выстрел. Экспертиза показала: на пистолете — отпечатки пальцев только самого журналиста. В полиции вдове заявили, что речь идет об элементарном самоубийстве.

— Предположим, я бы мог попытаться устроить вам встречу с Уайтом. Но с чем вы придете к нему, граф? Помощник президента — непростой человек. Уайт совершенно лишен академичности в политике. Он принимает решения, основываясь не на представленных ему разработках специалистов, а руководствуясь интуицией. Поэтому его решения и реакции довольно трудно предсказать.

— Тем более. Значит, он способен к самым неожиданным поворотам. Это меня устраивает. С традиционалистом, с человеком, который оперирует только привычными категориями, нам было бы невозможно столкнуться.

— Но я повторяю вопрос: с чем вы придете к Уайту? Его политическое мировоззрение определяют три качества: неприязнь к идеологии, мечта о формировании международной интеллектуальной элиты, которая возглавила бы общество будущего, и враждебность к Советскому Союзу.

Продолжение следует.

СЕВАСТОПОЛЬ

Ираида ПОТЕХИНА.

Фото

Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

Специальные корреспонденты
«Смены»

Название дано в феврале, но первые каменные строения на месте будущего города были заложены командами русских кораблей на восемь месяцев раньше, 3 июня 1783 года. Этот день и следует считать днем рождения Севастополя. Предшествовало ему немало важное событие — рескрипт от 8 апреля 1783 года, уведомляющий Европу, что «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Всероссийскую».

Тогда же, в апреле, начальник Азовской флотилии вице-адмирал Ф. А. Кло-

Севастополю 200 лет!
Прими же слова мои, искренние и благодарные, дорогой юбиляр — город мужества и героизма, город-моряк, город-труженик. За два века своего существования ты сумел дважды, как птица Феникс, восстать из пепла, чтобы удивить и восхитить своей новой, бессмертной красотой, чтобы еще раз подтвердить свое символическое имя — Севастополь, то есть замечательный, почитаемый, достойный поклонения город.

О тебе написаны книги. Ты воспет в песнях. Поэты разных поколений слагают и слагают в твою честь стихи:

*Исхлестанный суровыми ветрами,
ты с возрастом —*

все выше и сильней.

*Как воин, ты несешь морское знамя
большой и юной Родины своей!*

А начиналось все так.

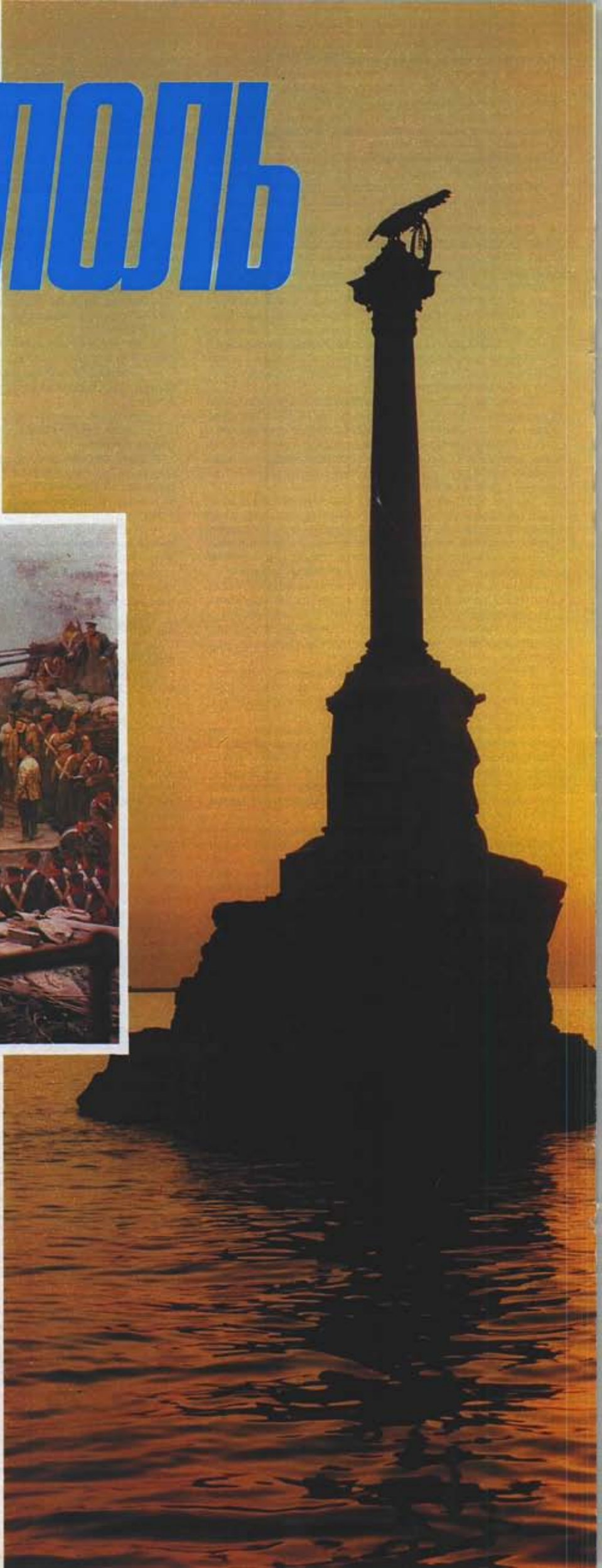
10 февраля 1784 года в указе Екатерины II князю Потемкину предписывалось: «устроить крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар».

349 ДНЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ ОБОРОНЫ ГОРОДА ВО ВРЕМЕНА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ИЗУМИЛИ ВСЬ МИР.

качев по указанию Потемкина направил в Ахтиарскую гавань, ныне Севастопольскую бухту, фрегат «Осторожный» для проведения работ по укреплению берегов гавани. А 2 мая того же года в гавань вошла эскадра в составе пяти фрегатов и восьми кораблей. Командовал ею назначенный главнокомандующим флотом на Черном и Азовском морях (уже адмирал) Клокачев.

Таким образом, честь основания Севастополя по праву принадлежит русским морякам во главе с Клокачевым. В донесении адмирала морскому министру в Петербург говорилось: «...во всей Европе нет подобной гавани — положением, величиной, глубиной...»

Более 25 веков известная мореплавателям под разными названиями гавань, о достоинствах которой почти десятилетием раньше говорил сам Суворов, обрела наконец достойного себе хозяина, начала обживать.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ ФЛОТА.

Матросы, солдаты и приезжий люд, в том числе из соседней Балаклавы, под руководством молодого тогда лейтенанта Дмитрия Николаевича Сенявина (впоследствии выдающегося флотоводца) в месяц построили первые четыре здания: часовню, дом для адмирала, пристань и кузницу в Адмиралтействе.

Начало Севастополю было положено. А вместе с ним Черноморскому флоту и самому мощному предприятию города — Морскому заводу. Было положено начало истории города, полной бурных, подчас драматических событий, каждое из которых оставило свой след в истории всей страны.

То, что Россия вышла к Черному морю, было не по вкусу соседней Турции и внушало страх Англии, у которой к тому же были свои виды на Крым и Кавказ. Это обстоятельство сделало их и примкнувшую к ним Францию союзниками в объявленной турками войне против России. А еще через год, в 1788-м, турецкому флоту, втрое превосходящему русский, будет нанесено первое крупное поражение, ознаменовавшее собой рождение немеркнущей славы русского флота и славы замечательного русского флотоводца Федора Федоровича Ушакова.

Талантливый флотоводец-новатор, великодушный организатор и воспитатель нового славного поколения русских моряков. Это он возродил лучшие традиции адмиралов Ушакова и Сенявина, добился дальнейшего развития и совершенствования черноморской школы морской выучки. Эта школа дала впоследствии таких адмиралов, как Нахимов, Корнилов, Истомин... Под руководством Лазарева Черноморский флот стал лучшим парусным флотом в мире.

Понимая важное стратегическое значение Севастополя, Лазарев большое внимание уделял укреплению и строительству города. Он любил свое детище и многое сделал для его развития и благоустройства. Почти двадцать лет жизни отдал Лазарев Севастополю. После его смерти благодарные горожане воздвигли любимому адмиралу памятник. Одна из улиц в городе носит его имя.

Расположенный на холмах, с множеством причудливо врезающихся в берега бухт, с живописно раскиданными по холмам новыми постройками, город производил приятное впечатление на своих

250 ОГНЕННЫХ ДНЕЙ И НОЧЕЙ ДЛИЛАСЬ ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЧЕРНОМОРСКОЙ ТВЕРДЫНИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

ПАМЯТНИК
ЗАТОНУВШИМ
КОРАБЛЯМ.

НА КАЖДОМ ШАГУ —
ИСТОРИЯ.

С этого времени, говоря словами поэта Семена Кирсанова:

...навек
Памятником мужества
Здесь воздвигся
Облик моряка...

Севастополь строился и рос значительно быстрее, чем центр Таврии — Симферополь. Причины понятны: того требовали интересы обороны страны, а также выгодное приморское расположение города. Созданный как военно-морская база с верфью, Севастополь уже через двадцать лет стал главным военным портом Черноморского флота, еще через пять лет — военной крепостью, а в конце 1826 года — первоклассной морской крепостью.

Каждый в Севастополе знает, что большая заслуга в этом командира флота и портов Черного моря адмирала Михаила Петровича Лазарева.

В момент назначения на должность начальника штаба ЧФ, в 1832 году, Лазарев был человеком, уже известным стране как участник трех кругосветных путешествий, одно из которых завершилось открытием Антарктиды. Это был

гостей во все времена. Крымский судья и известный писатель П. Сумарков писал о Севастополе 1802 года: «Странно, притом утешительно видеть в таком отдалении город европейского вкуса...»

Если подняться на Центральный городской холм и посмотреть на город сверху, станет видно, что весь он как бы разделен самой большой из бухт, Севастопольской, на две неравные части, что именуются Северной и Южной сторонами. А бухта, врезающаяся в Южную сторону (тоже Южная), делит ее на Корабельную сторону и центр.

Каскадами лестниц, или, как здесь по-морскому говорят, «трапов», спускается к Южной бухте Центральный городской холм — самая красивая часть города. Он находится как бы в объятиях трех старейших улиц Севастополя: Ленина (бывшей Владимирской), Большой Морской и проспекта Нахимова. Это центральная часть города со дня его основания. Правда, сегодняшние границы центра значительно раздвинулись. С ним слились многоэтажные жилые массивы, построенные на месте бывшего пустыря Куликово поле и поселков Туровка и Грушевка.

Размышления в библиотеке

Смысл сокровенный этих фолиантов
Не по зубам унылым дилетантам,
Глухим до голосов людских забот,
До тайной сути бездн или высот,
До красоты цветов или людей,—
Тупая мысль не входит
в глубь вещей...

А остроую—
Шлифует боль души
И кровь у перепаянной межи,
Упрямые паденья облаков
И неизменность изреченных слов...
Увы,
Желанье дерзкое понять

Нас вынуждает многое терять...
Но счастлив тот,
Кто к истине идет,
Кого она в своих глубинах ждет!..

Ему за всех,
Ему за все платить.

А говорят,
Премудрым легче жить...

Сорок сороков
гонят снег с берегов—
Скручивают рушники белые.
За околицей вечуют грачи вновь,
Мужики горластые, смелые.
Снег ноздреватый,
как ворох бумаг,
Сухо скрипит под ногами.
Стенькин возок разгуляйный—
Ах!..
Правит Весна вожжами...
Силой великой идет голога,
Лед на реке таранит.
Солнце лучей купецкое золото
Мечет на шапки курганов.
В полнедь курган
в криницах резвится.
Жаворонок песню дразнит:
«Добрый день,
Молодцы и молодцы!..»
Какой нескончаемый праздник!

Ночной переход

Звезда едва-едва виднелась,
Как глаз фонарный
сквозь туман.
Но мы по ней шагали смело—
Ждал отдых
И уютный стан.

Нас больше не держали ноги.
Казалось,
Сладил черт игру,—
Конца не будет ни дороге,
Ни багнищу,
Ни комару...

Казалось, мир—
Одна усталость,
И человек для мира—
Тля.

Приблизилась к центру своими застройками и далекая некогда Камышовая бухта. На ее берегах за последние годы вырос большой рыбацкий поселок. Широкие улицы, современные благоустроенные дома. А огромный белокаменный Дворец культуры рыбаков горделиво красуется на всех видовых открытках, изображающих Севастополь.

Мне пришлось побывать в этом Дворце в радостный и торжественный момент вручения переходящего Красного знамени рыболовецко-морозильному траулеру «Таганрог» из производственного объединения «Атлантика». Для победителей социалистического соревнования во Дворце — музыка, концерт, пение в бокалах прекрасное Новосветское шампанское.

Более 4,5 тысячи тонн рыбы — таков улов «таганрогцев». Молодые, загорелые, красивые парни. Капитан Кирилл Кириллович Ванюхин и его первый помощник с удовольствием называют имена отличившихся. В первую очередь — ветерана рыбной промышленности, боцмана, члена партбюро и председателя судового комитета Виктора Федоровича Доценко. Правда, слова «ветеран» как-то странно слышать при виде молодого, полного сил и здоровья мужчины... Но, как говорится, факты — упрямая вещь, около двадцати лет работает Виктор Федорович в море. Ударник 10-й пятилетки, обладатель «Почетного диплома» победителя во Всесоюзном социалистическом соревновании среди работников ведущих профессий отрасли, медали «За трудовое отличие». Чем не ветеран?

Много хороших слов выпало и на долю самого молодого матроса на «Таганроге» Михаила Яськова, и третьего помощника Тихомирова, чья вахта заняла первое место среди судоводителей.

Капитан и помощник назвали много имен и фамилий. Возьмись я их перечислять, названным получился бы весь экипаж. И это справедливо. Ведь любой коллектив только тогда и силен, когда надежно спяно друг с другом каждое его звено. Особенно это важно в море, когда приходится быть без берега по полгода, а то и более. Когда от прочности этой людской спайки зависит не только план, но и вся жизнь на судне, а иногда и собственно жизнь.

Я желаю удачи вам, рыбаки. Вам и тем, кто любит вас и ждет на берегу.

Весенний, предпраздничный Севастополь. Ясный, солнечный. Еще не распустились листочки на деревьях, еще в витринах и на окнах многих домов не отмыта белая краска с оставленным в просветах словом «ремонт»... И у исторической комиссии при горкоме партии, которую возглавляет замечательная женщина, почетный гражданин Севастополя Антонина Алексеевна Сарина, дел невпроворот.

Должность у Антонины Алексеевны общественная, но ее рабочее место не

пустует уже с утра. При моем появлении А. А. Сарина отодвигает в сторону пачку писем на столе. Среди них большинство — просьбы пригласить на юбилейные праздники.

Желающих приехать на торжества великое множество. Это защитники Севастополя, участники его обороны во время Великой Отечественной войны, и те, кто восстанавливал город, и те, у кого на этой земле дорогие могилы родных. Есть и такие, для кого Севастополь — часть биографии нынешних дней: отставные офицеры, отслужившие срочную службу моряки...

Письма, телеграммы, открытки... На все надо ответить. Это одна из многочисленных забот председателя исторической комиссии. Вот уже почти четверть века им является эта беззаветно преданная своему делу женщина. Все сделанное ею за это время перечислить невозможно. Только медалей «За оборону Севастополя» получили по представлению комиссии более трех тысяч человек. И это не просто цифры. Это трудный и долгий поиск, а подчас и борьба за восстановление доброго имени человека.

«Никто не забыт, и ничто не забыто» — так определена рабочая программа и главная из забот А. А. Саринной. По инициативе исторической комиссии установлен на Графской пристани мемориал, увековечивающий память 2-й обороны Севастополя, и памятник его освободителям на Салун-горе. Ведется изучение и написание истории севастопольской партийной организации и истории обороны города. Оказывается разнообразная помощь и словом и делом нуждающимся ветеранам.

Вместе с юбилеем города отмечает Антонина Алексеевна в этом году и свой юбилей. Ей исполняется восемьдесят лет. Правда, глядя на нее — подвижную, тупельки на каблук, ухоженные руки, с маникюром, — в определении возраста ошибешься. Но поговоришь с А. А. Саринной, послушаешь ее и диву даешься: неужели все это умещается в одну жизнь?

И еще один юбилей в этом году у старой коммунистки: 50 лет, как живет она в Севастополе. К началу войны была секретарем Севастопольского горкома партии. Из осажденного города ушла последней, а возвратилась вместе с вошедшими в него войсками. Ее имя ставится в один ряд с именами прославленных защитников города-героя. Кавалер боевых орденов и медалей, член горкома партии, депутат горсовета Антонина Алексеевна Сарина, когда я прошу ее рассказать что-нибудь из своей нынешней жизни, вздыхает:

— Что рассказать? Наше поколение и сейчас еще живет войной...

Война... Это тягучее, жуткое слово я по-новому осмыслю здесь, на севастопольской легендарной земле. Вдруг осознаю весь ужас и всю жестокость

этой нечеловеческой бойни, от которой краснеет сама земля, пропитанная кровью. Когда жизнь человека, самого прекрасного и талантливого, зависит от летящего куска железа, от чьей-то каннибальской, всеядной страсти убивать.

Это липучее слово с первых дней существования прочно приклеилось к Севастополю, не содрать...

И все же главное слово, которое определяет облик города-героя, это — мужество.

На Малаховом кургане первые и единственные пока цветы на деревьях — цветет горький миндаль. И восходят горькие травинки. И куряты горьковатые дымки курстов. Здесь горчит сам воздух. Здесь сами собой рождаются строки:

Этот город овеян весной.
Этот город пронизан войной.
Здесь взрываются почки,
травинки стреляют,
плачут чайки над черной водой...

О ратных подвигах севастопольцев рассказывают памятники. Их более тысячи в городе, и подавляющее большинство из них посвящены воинской доблести черноморцев. Это и блистательные победы черноморской эскадры над турецким флотом под командованием адмиралов Ушакова и Сенявина и две беспримерные по героизму и стойкости легендарные обороны во времена Крымской и Великой Отечественной войн.

В годы Крымской войны на город был обрушен главный удар союзных войск Англии, Франции и Турции. Судьба всей войны была в руках осажденного Севастополя. Одиннадцать долгих месяцев отборные силы противника, имея численный перевес и преимущество в вооружении, стояли у его стен, не в силах сломить сопротивление защитников. 349 дней знаменитой эпопеи. Они изумили весь мир.

В наши дни о них рассказывает один из самых примечательных и широко известных памятников — панорама «Оборона Севастополя».

О ней помнит Малахов курган. О ней напоминает Владимирский собор — усыпальница четырех адмиралов — первый памятник в городе в честь защитников Севастополя 1854—1855 годов, построенный на средства моряков через год после окончания войны. На нем лаконичная, скромная надпись: «Здесь погребены: Адмирал Лазарев, скончавшийся в лето 1851 г., и убиенные при защите г. Севастополя: Вице-Адмирал Корнилов, Контр-Адмирал Истомин, Адмирал Нахимов».

Какие имена... Каждому из них не только Севастополь и Черноморский флот, но и вся Россия обязана своей славой. За каждым из имен замечательная, полная прекрасных надежд и деяний жизнь.

Имен героев обороны из «низших чинов» печать того времени оставила ма-

ло, но и по ним можно судить о храбрости рядовых защитников. Матрос Петр Кошка, прославившийся смелыми и дерзкими вылазками против неприятеля не только ночью, но и днем. Памятник ему установлен возле Морзавода.

Рядовой Тобольского полка Андрей Самсонов. Во время очередной вылазки получил 19 ран, но, поддерживая огнем отходящих товарищей, продолжал драться и ушел последним.

А знаменитая Даша Севастопольская — первая сестра милосердия... Восемнадцатилетняя бесстрашная русская девушка под огнем неприятеля перевязывала раненых, помогала им перебраться в укрытие.

То, что героические защитники Севастополя вершили своим ратным трудом невозможное, признал даже сам Николай I. По его указу от 18 декабря 1854 года один месяц службы на бастионах Севастополя стал считаться за год.

Участником обороны, как известно из истории, был и выдающийся русский ученый и педагог, прославленный хирург, профессор Николай Иванович Пирогов. Он прибыл в Севастополь в ноябре месяце. Уже через два дня он писал жене: «Мне некогда, с 8 утра до 6 вечера остаюсь в госпитале, где кровь течет реками... Возвращаюсь весь в крови и поту».

В тот же месяц в Севастополь прибыл и Лев Николаевич Толстой. Он добровольно перевелся сюда из Дунайской армии. Его знаменитые «Севастопольские рассказы» положили начало реалистической батальной прозе, которой до Толстого не существовало как жанра.

Пытаясь взять город штурмом, интервенты постоянно бомбардировали Севастополь, разрушая его все больше и больше. Почерневший от пожаров, город выглядел совсем безжизненным. У всякого, кто видел останки некогда цветущего и веселого приморского города, на глаза наворачивались слезы, вспоминали очевидцы. Не город, а «огромное кладбище», «труп без всякой жизни» — вот какими эпитетами вынуждены были пользоваться те, кто видел Севастополь тех лет. И даже пять, десять и двадцать лет спустя вид его не приносил утешения. Восстановление шло очень медленно и в основном частными лицами. Ведь по условиям мирного, позорного для России договора, завершившего Крымскую войну, русские лишались права иметь на Черном море крепости и военный флот. Не было флота — не стало города. Бывшая столица моряков превратилась постепенно в захолустный, невзрачный городишко, подчиненный Ялте.

Лишь более чем 20 лет спустя, пройдя еще через одну войну, Севастополь снова начнет быстро оживать после перевода в него управления Черноморского флота. Но как главная база флота и военная крепость он утвердится еще позже.

*И если уж звезда шаталась,
Была ль устойчивой земля?..*

*Под сапогом болото гнулось,
И в друг—
Проклятые суеты!—
У редких туч звезда загнулась
И—
полетела с высоты...*

*А мы,
Хрипя и наваялась,
Как будто брали вражью крепость,
Ползли на тьму
И шли на грязь...*

*Лишь на рассвете,
На рассвете,
Когда загал почти угас,
Мы вышли к цели...
Гордый ветер,
Как равный равных,
Встретил нас...*

Заячий хлеб

*От зайчика душистую горбушку
Мне принесил порою старшина.
Скрипел протез.
И пахло свежей стружкой.
И было уже вовсе не до сна.*

*Тот дядька мялся,
хлеб передавая...
Осенний дождь за окнами шумел.
И время шло.
И все не рассветало.
А у меня своих хватало дел...*

*О радость, полотняная тряпица
В веснушках от скупого табака!
Я заставлял себя не торопиться,
Но торопилась жадная рука.*

*Промерзший хлеб.
А мне казалось, теплый,*

*Мохнатой лапкой заячьей согрет...
Я верил,
Есть на свете кто-то добрый,
И ел свой хлеб,
И ожидал рассвет.
Как ночи, тучи плыли над Двиною,
Тогда еще не кончилась война.
И кто-то шел
И жертвовал собою,*

*Как одноногий
Рыжий старшина.*

*Он месяц провалился без сознания,
Сшит, как сума,
Из рваных лоскутов...
Но это после я узнал от мамы,
Одной из тысяч,
Многих тысяч вдов...*

*Я ждал рассвет.
И хлеб снежинкой таял...
Я ждал весну,
Тепло ее и синь...*

*Мне не страшна была
судьба слепая—
Добро осталось
главной из святынь!*

Авторизованный
перевод с белорусского
Эдуарда СКОБЕЛЕВА.

Войны... Войны... Войны...

Многострадальная, священная севастопольская земля. Здесь всем сердцем пойму и прочувствую пророческие слова Л. Н. Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

Как перекличка двух эпох рядом с этими словами пламенные строки из дневника сержанта Нины Ониловой—героической защитницы Севастополя во вторую легендарную оборону: «Слава русского народа—Севастополь! Храбрость русского народа—Севастополь! Севастополь—это характер советского человека, стиль его души...

*И наши дети внукам нашим
Расскажут в бухте голубой,
Как гордо ты стоял на страже,
Прикрывши Родину собой!*

Эти строки из стихотворения «Севастополь» Лебедева-Кумача могли бы стать эпиграфом к рассказу о второй обороне города, обессмертившей его славу.

Проходила она в неизмеримо более сложных условиях, чем первая. Если в Крымскую войну город был блокирован с трех сторон и почти весь Крым находился в руках русских, то в Великую Отечественную войну Крым был занят врагом. Севастополь блокирован в круговую. Единственным путем подвоза подкреплений и продовольствия оставалось море. Но и на нем действовали многочисленные вражеские самолеты, подводные лодки, катера. Борьба шла, по сути дела, в тылу врага. К тому же фашисты имели значительный перевес в живой силе и технике.

Гитлеровцы штурмовали Севастополь трижды: в ноябре, декабре 1941-го и в июне 1942 года. Но лишь в начале июля сорок второго взяли его дымящиеся развалины. Иногда достаточно было одной морской формы, чтобы посеять панику среди фашистов. «Черная смерть»—так окрестили они защитников города в черных бушлатах.

250 огненных дней и ночей, каждый из которых достоин отдельного рассказа, длилась героическая оборона черноморской столицы. И всего несколько дней потребовалось советским воинам, чтобы вышибить «победителей» из оккупированного Севастополя.

Отступая, фашисты в злобе сжигали за собой все.

С десяток полуразрушенных зданий— вот все, что осталось от красавца города... Да еще остались имена героев, соединений и частей, золотыми буквами вписанных в наши дни в гранит и мрамор мемориалов и надгробий на братских могилах. Только на восьми гранитных плитах мемориального комплекса Са-

пун-горы, имевшей ключевое значение во всей Севастопольской обороне, высечены названия 226 частей, участвовавших в освобождении черноморской твердыни в мае 1944 года.

Живут имена героев в названиях улиц: Василий Ревякин—руководитель севастопольского подполья, пулеметчица Нина Онилова, герой дзота № 11 матрос Алексей Каложный и матрос Иван Голубец, генерал Остряков—командир Военно-Воздушных Сил Флота, летчик-истребитель, комсомолец Яков Иванов, политрук роты морской пехоты Николай Фильченков, снайпер Людмила Павличенко... И много, много других, разве всех перечислишь... Поистине массовым был героизм людей.

Гуляя по сегодняшнему Севастополю, светлomu, просторному, живому, в обрамлении бульваров и площадей, как-то трудно представить на его месте обугленные развалины. А ведь это было. Еще живы люди, которые это помнят. Города просто не существовало. Всюду черные столбы дыма, руины, хаос разрушений и ужасающее запустение. И лишь одичавшая сирень, кое-где пробившись сквозь обломки зданий, оплетенных исковерканными ржавыми прутьями арматуры, глядела окрест веселыми глазами цветов, напоминая о жизни и новой весне.

Севастопольские руины в мае сорок четвертого заставили содрогнуться даже воинов-освободителей, повидавших на своем пути немало чудовищных разрушений.

Писатель-моряк Леонид Соболев, вступивший в город вместе с войсками, писал позднее: «...скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней».

Все исторические памятники, многочисленные архитектурные реликвии, все предприятия, сооружения порта, культурные и бытовые учреждения разбиты, разграблены, загажены фашистскими мерзавцами.

В городе ни воды, ни света. Превращены в свалку замечательные севастопольские бульвары и скверы. Ни дорожки, ни тропинки, чтобы пробраться меж завалов на главных магистралях. На спусках к причалам и пирсам, на улицах—повсюду трупы врагов...

Тишину «мертвого» города нарушают лишь взрывы мин и «опасных сюрпризов», которыми немцы начинили разрушенный город. Но эти взрывы—первые признаки жизни. Это работают саперы.

Из убежищ, катакомб и подземелий выходят измученные, больные люди. Оглушенные грохотом трехдневного штурма, они растерянно и с опаской вслушиваются в тишину родного пепелища. Не такую ли тишину столетие назад воспел Н. А. Некрасов в своих стихах, посвященных Севастополю:

*Народ-герой! В борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца.*

*Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!..
Над всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она...*

Вот уже взвился флаг Родины над водной станцией, а над портиком Графской пристани на флагштоке—теплая и бескозырка, поднятые вместо флага моряками из отряда морской пехоты...

Жизнь продолжалась.

На улице Ленина в уцелевшем домике собрались партийные, советские и комсомольские работники Севастополя. Ни стула, ни стола, ни гвоздя. Работники оперативной группы сидели друг против друга прямо на вещмешках и обсуждали план развертывания жизни в освобожденном городе. Положение было чрезвычайное. И то, что сделали севастопольцы в первые же весенние дни победы, можно сравнить только с чудом. Вот краткая хроника тех дней:

10 мая вышел 1-й номер газеты «Слава Севастополю». К 17 часам хлебозавод выдал первый хлеб, а в 18 часов из установленного на площади Коммуны радиофургона раздавался долгожданный голос Москвы. Доставлена первая почта...

12 мая начала работать баня.

14 мая закончена расчистка улиц...

Подумать только! Ведь в городе, кроме стариков—оставшихся матросов, не было мужчин. Без техники, одними лопатами и кирками, а где и просто руками, измученные женщины освобождали от грязи и мусора, от трупов улицы и уцелевшие дома.

В этот же день в подвале дома на улице Ленина показан фильм «Два бойца».

16 мая пущен водопровод, а 19-го—дано электричество.

Люди, сумевшие отстоять город, мастерики и вдохновенно возрождали жизнь в нем.

1 июня ожил гудок Морзавода. Для севастопольцев он имел особое значение. Несколько поколений трудилось и жило по этому «главному гудку» города.

25 июня прибыл первый поезд из Москвы.

Но, пожалуй, самым большим и волнующим был чудесный, солнечный день 5 ноября, когда в лазурные воды Севастопольской бухты, по проложенному среди минных полей фарватерам, пришла овеянная славой эскадра Черноморского флота.

Быть столице флота!

Но каким должен быть возрожденный Севастополь? В те дни это волновало всех, не только архитекторов и строителей.

Были предложения построить его на новом месте, а руины сохранить как музейную реликвию. Единого мнения не было и в том, строить ли копию довоен-

ного города, или он должен быть совершенно новым, современный? Решили не копировать ранее существовавший и не создавать новый, а воссоздать город на основе лучших градостроительных традиций.

В город, залечивающий свои раны, жизнь хлынула широкой и бурной волной. Возвращались со всех концов страны в родное гнездо севастопольцы. А кроме того, прибыли тысячи юношей и девушек, желающих участвовать в восстановлении героического города.

По решению ЦК комсомола всем молодым строителям были вручены карточки участника восстановления Севастополя. На титульном листе красных книжечек было написано:

*«Клянемся мы сердцем,
испытанным боем,
Рукой, отвердевшей в упорстве
труда,
Что после Победы украсим,
отстроим
Сожженные злым огнем
города».*

В музее трудовой славы треста «Севастопольстрой» можно увидеть множество дипломов и грамот, полученных в разное время молодежными коллективами строителей. Здесь хранятся Красное знамя ЦК ВЛКСМ и фотографии тех, кто строил нынешний прекрасный город.

Многие из них и сейчас продолжают трудиться на переднем крае трудового фронта. В их числе бригадир комплексной бригады монтажников Герой Социалистического Труда А. А. Рёбров, бригадир монтажников, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции В. А. Баранов и многие другие.

Чтобы сократить сроки восстановления столицы Черноморского флота, была создана новая организация «Севастопольвоеномстрой». Моряки-черноморцы в эти чрезвычайно трудные для города дни стали строителями.

Вся страна направляла городу необходимые материалы и технику, высококвалифицированных специалистов различных отраслей. Отряды строителей приезжали из Иркутска, Рязани, Молдавии, Грузии, Казахстана... Со всех концов страны. Город стал подлинно народной стройкой.

Было задумано неслыханное: Севастополь, восстанавливавшийся после первой обороны почти полвека, возродить в несколько лет. И великий подвиг, на этот раз трудовой, был совершен.

Прекрасен мирный Севастополь. На его улицах, словно в артериях, кипит полнокровная, здоровая жизнь. Для этого есть все: библиотеки, театры и кинотеатры, великолепный Дом офицеров и самое красивое здание в городе—Матросский клуб. Скуке в Севастополе не место. Особенно в дни увольнений, ког-

ПУШКА ВРЕМЕН ЛЬВА ТОЛСТОГО.

да город наполняется лихими, стройными молодцами в морской форме, когда возвращаются из плавания или с путины моряки. В приморском городе по морю определяется вся жизнь. Не только для тех, кто трудится в нем или выполняет свой воинский долг, но и для их семей, для тех, кто любит и ждет моряков на берегу.

Море не только у берегов Севастополя, но и в сердцах людей. Оно на полотнах художников, в произведениях скульпторов, в творениях писателей-черноморцев, в самом воздухе... Все: будни и праздники, радости и печали, отчаяния и надежды — все в нем, в этом коротком и вольном слове — море...

Мне уютно в этом городе. Здесь спокойные, приветливые люди, готовые объяснить, показать и даже проводить растерявшегося на незнакомых улицах приезжего человека.

После шумной и многолюдной Москвы поражаюсь тишине в троллейбусе. И на улицах, в движениях людей нет суетной торопливости. На любой вопрос сева-стопольцы отвечают не сразу, словно взвешивая каждое слово. Ритм жизни как будто чуть замедленный, неспешный. Но было бы ошибкой так думать. Здесь знают цену времени и умеют трудиться. Доказательств тому много. Одно из них — присуждение Государственной премии труженикам-морзаводцам — пионерам отечественного плавкраностроения.

Ровесник города — завод, начавшийся когда-то с пристани и кузницы в Адмиралтействе, вырос в мощное производственное объединение «Севастопольский морской завод имени С. Орджоникидзе».

У этого предприятия славная и героическая биография. Это на его верфях был построен знаменитый бриг «Меркурий», который в мае 1829 года один одолел два больших турецких корабля. Памятник ему, первый в городе, воздвигнут на возвышенности Матросского бульвара. «Потомству в пример», — гласит короткая и выразительная надпись на нем.

Мужественно защищали город от англо-французских захватчиков рабочие-морзаводцы во время первой обороны города.

И грозный сорок первый на памяти многих:

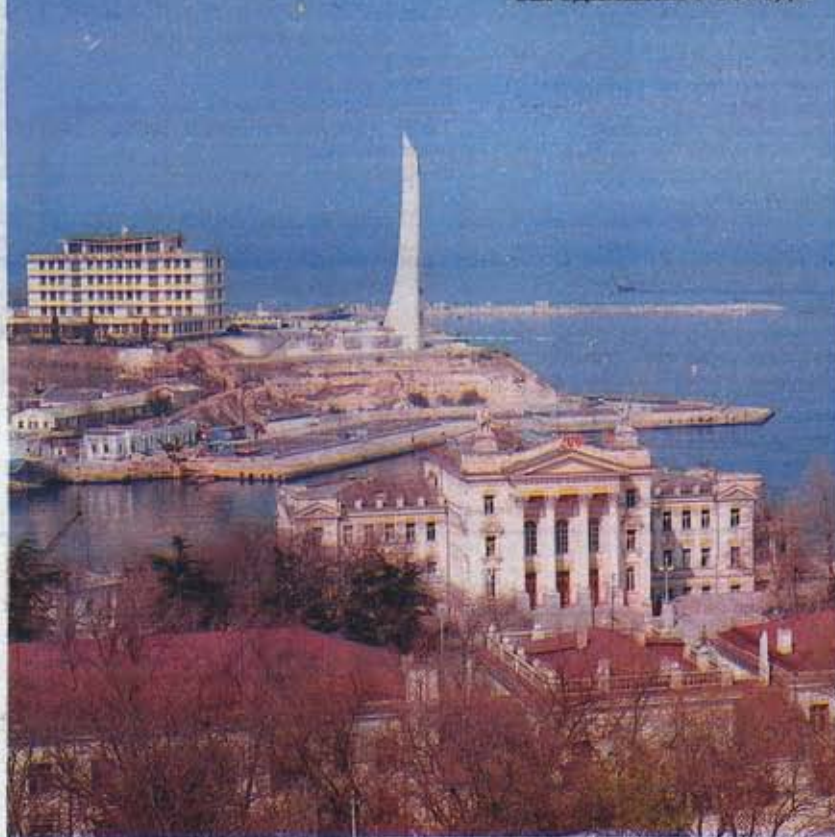
Когда стальные полчища врага обрушили огонь на Севастополь, в окопы зарывались цеха, завод цехами уходил в окопы...

Около шестисот кораблей и судов Черноморского флота вернул в строй Морзавод в тяжелых условиях военных лет.

Завод, со стапелей которого сошли в прошлом броненосцы «Чесма» и «Синоп», а позднее легендарные «Очаков» и «Потемкин», продолжает вершить славные дела и в наши дни. Его подарок к 200-летию города — новый почин «Задание трех лет пятилетки» — к празднованию юбилея.

Трудовой Севастополь сегодня — это сорок крупных предприятий, среди которых такие мощные производственные объединения, как «Атлантика», «Юг-

СВЕТЛЫЙ ЛИК СЕГОДНЯШНЕГО ГОРОДА.

**МАРИЯ КОРЕЦКАЯ —
СЕКРЕТАРЬ
КОМСОМОЛЬСКОГО
БЮРО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
«АТЛАНТИКА».**

В ПОРТУ.

рыболодфлот», судоремонтный завод. А как не сказать добрые слова о работниках морского порта? Около 13 миллионов горожан и гостей Севастополя ежегодно перевозят комфортабельные океанские лайнеры и суда местных линий. Это здесь в 1828 году коммерческой линией Одесса — Ялта с заходом в Севастополь была открыта первая в России пароходная линия.

Транспортники, строители и приборостроители, работники легкой и пищевой, деревообрабатывающей и винодельческой отраслей промышленности — разве не ощутим для города их вклад в развитие экономики?

А как представить сегодняшний Севастополь без науки? Без институтов: морского гидрофизического и биологии южных морей, в которых трудится более 2 тысяч ученых? При названном втором один из крупнейших в Европе аквариум, открытый для посетителей.

Объект исследований ученых — Мировой океан, изыскание новых возможностей для более полного использования его ресурсов в народном хозяйстве.

Одним словом, сева-стопольцы умеют работать, как надо, как издревле заведено нашими предками.

Я брожу по Севастополю, любуюсь его светлой красотой, вглядываюсь в лица людей, пытаюсь разглядеть за их будничностью отпечатки судьбы, дышу воздухом, напоенным влагой, и радуюсь дарованной мне жизнью.

Вот не спеша, опираясь на палочку, переходит дорогу старушка; высыпала из школы на перемычку щебечущая стайка детей; снуют по магазинам хозяйки; толпятся возле экскурсоводов многочисленных группы туристов...

Обычный город... Обычная жизнь... Но вслушайтесь, как кричат чайки над памятником затопленным кораблям...

Посмотрите, как серьезны лица детей, застывших в почетном карауле возле мемориала на Нахимовской площади...

Остановите непослушные слезы ветерана-сева-стопольца на кладбище Коммунаров...

И взгляните на замершие на рейде корабли...

Только тогда вы поймете, что такое Севастополь, город-герой, чья комсомольская организация награждена боевым орденом Красного Знамени, чем жив он в веках, его назначение и силу, саму душу этого города, открытого морю и солнцу.

ГУЛ ВЕКОВ СЛЫШЕН В ПОЗЕЛЕНЕВШЕМ ОТ ВРЕМЕНИ КОЛОКОЛЕ ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА.

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

До конца нашего заочного соревнования осталось четыре тура. Наверное, они окажутся решающими для тех, кто борется за главные призы шахматной олимпиады. Задания заключительных туров будут, в общем, сложнее предыдущих, а кроме того, решение их будет затруднено отсутствием тематической «подсказки». Все же надеемся, что приобретенные ранее сведения о тематике и приемах шахматной композиции помогут нашим читателям справиться и с этими трудными заданиями. Желаем всем успеха!

Одиннадцатый тур

Белые: Крe7, Фg2, Кe4, пп. b3, b5, c2, d4, f2 (8).

Черные: Крd5, Ка4, пп. b6, g4, h4 (5).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крс8, Лс3, Лh8, Кd4, Кf6, пп. b2, e3, e5, g2 (9).
Черные: Кpg5, пп. b5, d5, e4, f7, g3, g6 (7).
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла).

III

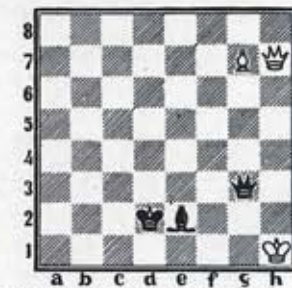

Белые: Крг5, Фс1, Лс5 (3).
Черные: Крe7, Фb8, Лd8 (3).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

IV

Э. Погосянц (Москва)
Публикуется впервые

Белые: Крh1, Фh7, п. g7 (3).

Черные: Крd2, Фg3, Се2 (3).
Белые начинают и делают ничью (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

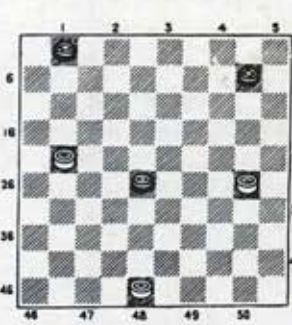
1-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Как в русских, так и в международных шашках партия состоит из трех стадий: начала — дебюта, середины — миттельшпиля и окончания — эндшпиля. Особенно сложна теория окончаний. Для решения задач необходимо знать примеры и приемы, которые довольно часто встречаются в заключительной стадии партии.

На диаграмме три простых против трех. Белые начинают и... проигрывают. Они попали в оппозицию, то есть в такое противосто-

яние равного количества шашек в конце партии, когда при своей очереди хода оказываются под

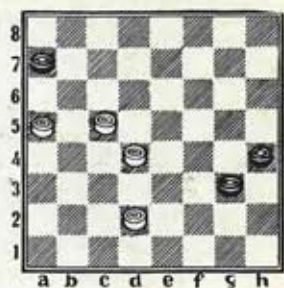
ударом. Если бы шашка белых стояла на поле 35, то в оппозицию попали бы черные. Когда две шашки стоят на одной вертикали, то начинающая сторона проигрывает. В нашем примере они так и расположены: 21 и 1, 48 и 28, 30 и 10. В практической игре оппозиция имеет исключительно важное значение. Ведь шашки движутся только вперед. И в конце игры силы сторон должны сблизиться. От того, в чью пользу окажется противостояние, зависит исход борьбы.

Но полностью «выучить» эндшпиль нельзя. И при решении позиций необходимы внимательность и точный расчет.

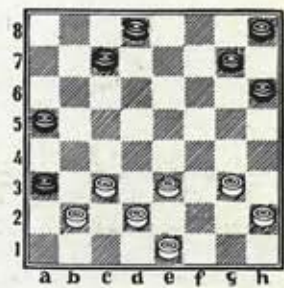
Многие читатели присылают нам свои композиции. Мы направляем все работы в комиссию по композиции. После их изучения лучшие задачи будут опубликованы в следующих конкурсах. Задачи этого номера составили профессор МГУ А. Сухоруков и профессор Львовского политехнического института А. Буткевич.

Тур шестой

И. А. Сухоруков (Москва).
Публикуется впервые.

Белые: a5, c5, d4, d2 (4).
Черные: a7, g3, h4 (3).
Белые начинают и выигрывают (4 балла).
И. А. Буткевич (Львов)
Публикуется впервые.

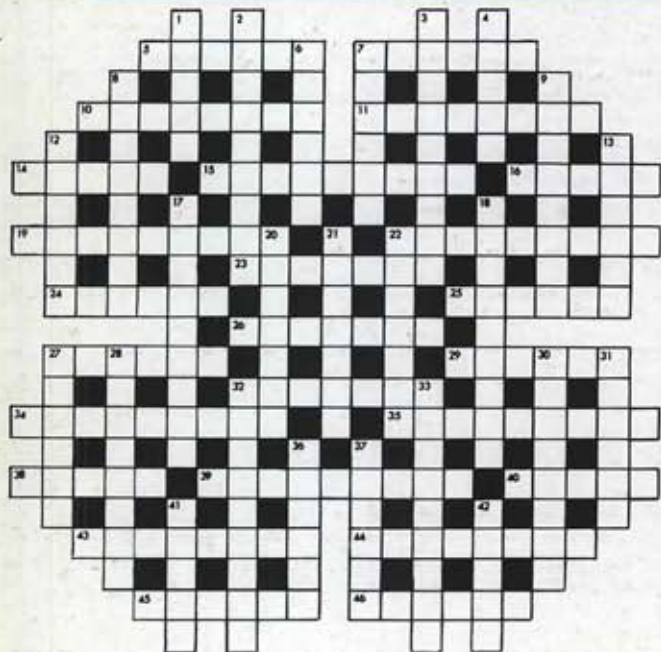
Белые: b2, c3, d2, e1, e3, g3, h2 (7).
Черные: a3, a5, c7, d8, g7, h6, h8 (7).
Белые начинают и выигрывают (4 балла).

III. В каких художественных произведениях отражена игра в шашки? (1—2 балла).

Ответы на задания шестого тура присылайте на открытках (без конвертов) с пометкой «1-я шашечная олимпиада. 6-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил М. Романов, Москва

По горизонтали:

5. Тригонометрическая функция. 7. Плотная хлопчатобумажная ткань. 10. Осенняя пора. 11. Аппарат для глубоководных исследований. 14. Английский поэт-романтик. 15. Офицер, ведающий снабжением армии. 16. Горы в Европе. 19. Русский поэт. 22. Картина А. М. Васнецова. 23. Противотанковое заграждение. 24. Месяц французского революционного календаря. 25. Древнегреческий скульптор. 26. Рыболовная снасть. 27. Спортивная игра. 29. Степной сурок. 32. Герой трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 34. Рассказ В. Г. Короленко. 35. Статуя, поддерживающая балочное перекрытие. 38. Химик-органик, основатель русской научной школы. 39. Другое название дождемера. 40. Государство в Азии. 43. Отравляющее вещество. 44. Комнатная порода собак. 45. Курорт в Латвийской ССР. 46. Река в Исландии.

По вертикали:

1. Кровельный материал. 2. Съедобный гриб. 3. Лесная ягода. 4. Народность, живущая на северо-западе СССР. 6. Порт в Австралии. 7. Перелетная птица. 8. Садовый цветок. 9. Африканская обезьяна. 12. Запас. 13. Узкая водная полоса между мысами, островами, доступная для плавания судов. 17. Книга стихотворений разных авторов. 18. Массовое переселение из одной страны в другую. 20. Молочный продукт. 21. Произведение живописи. 22. Работник конвейерной линии, производящей машины. 27. Английская разменная монета. 28. Русский художник XIX века. 30. Наука о растениях. 31. Химический элемент. 32. Самопишущий прибор для измерения температуры. 33. Опытный рабочий, передающий молодому свои знания. 36. Черный дельфин. 37. Античный философ, основатель сирийской школы неоплатонизма. 41. Одна из основных этических категорий. 42. Бомлотный газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Вершинин. 8. Мемориал. 10. Контроктава. 12. Аверс. 13. Авран. 14. Сморок. 16. Барсова. 17. Тактика. 18. «Комсомольская». 21. «Колокол». 23. Атрибут. 24. Корсика. 25. Томск. 27. «Океан». 28. Копулировка. 29. Моргунок. 30. «Магнитка».

По вертикали:

1. Везувиан. 2. Силос. 3. Система. 4. Цейтнот. 5. Мойва. 6. Байдарка. 9. Добровольский. 10. Красногорск. 11. Австралийка. 14. «Свисток». 15. Кассета. 19. Моноскоп. 20. Куманика. 22. Логунов. 23. Акробат. 26. Кожух. 27. Окунь.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.04.83. Подписано к печати 03.05.83. А 02687. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1160000 экз. Изд. № 1365. Заказ № 617. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Ребята! Играйте с душой,
"болейте" с умом.

Ринат

В № 7 ЖУРНАЛА МЫ ОТКРЫЛИ РУБРИКУ «СПОРТИВНЫЙ АВТОГРАФ». СУДЯ ПО ПИСЬМАМ, ОНА ВСТРЕЧЕНА С ИНТЕРЕСОМ. ВЫПОЛНИМ НОВОЕ ПОЖЕЛАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ. О РИНАТЕ ДАСАЕВЕ ПРОСЯТ РАССКАЗАТЬ А. ЩЕЛКУНОВ (г. КОТЛАС), СЕМЬЯ ИВАНОВЫХ (пос. УСПЕНОВКА В КАЗАХСТАНЕ), СТУДЕНТЫ КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, И. ВЕСЕЛОВСКИЙ И И. ОСИПОВА ПО ПОРУЧЕНИЮ 10 «А» И 10 «Б» КЛАССОВ (ДЖАМБУЛСКАЯ ОБЛ.), ГРУППА УЧАЩИХСЯ ПТУ (г. КИШИНЕВ) И МНОГИЕ ДРУГИЕ.

Ринат Дасаев

Когда решительным полководческим жестом—вы видите это на снимке—он дает указания защитникам, когда, вводя мяч в игру, начинает атаку, определяя ее темп своим природным чувством ритма, когда бросается, презрев опасность, в ноги провавшемуся форварду или совершает немислимый полет за мячом, не остается сомнений: он рожден вратарем, это его спортивное призвание. И тогда вряд ли кто вспомнит, если даже знает об этом, что в футбол его привел случай, этот, по выражению Бальзака, величайший романист мира...

Ни отец Рината, рабочий рыбокомбината, ни мать, диспетчер астраханского порта, ни старший брат Рафик, по конституции такой же тонкий и стройный, к спорту серьезно не относились, хотя юношескую дань физкультуре старший брат отдал. Чтоб укрепить здоровье младшего сына, отец записал его в секцию плавания, где восьмилетний Ринат скорее купался для удовольствия, нежели тренировался. Но с детства приученный трудовой семьей все делать добросовестно, он вряд ли бы оставил плавание, не случись беда. Повредил руку, сделалось заражение, потребовалась операция. О плавании на время пришлось забыть. И снова в заботе о здоровье отец отвел сына в секцию—по случаю в футбольную. Не подсознательной ли логикой: из всех видов спорта только в футболе ногами играют, значит, руке угроза меньше? Спустя месяц случай отрядил Рината, как младшего среди всех ребят и самого маленького—да, да, он лишь спустя три года вытанется за год сразу на двенадцать сантиметров!—случай отрядил его в ворота. Но с первой же тренировки стало ясно, что хоть и не вышел парнишка ростом, природа была щедра к нему, наградила вратарскими данными. Это сразу понял тренер Герольд Иванович Бледных, как вскоре поймет тренер астраханского «Волгара» Федор Сергеевич Новиков, как с первого взгляда поймет тренер московского «Спартака» Константин Иванович Бесков.

На этом роль случая-романиста исчерпана, больше никаких поворотов в сюжете. Ринат понял, что без спорта ему не жить: после восьмого класса поступил на физкультурное отделение педагогического техникума и в команду мастеров попал, уже имея диплом. В воротах «Спартака» он

занял место весной 1978 года, в трудный для команды, вернувшейся в высшую лигу, период—после серии поражений. Занял место, которое уже шестой сезон не уступает никому и, конечно, не скоро уступит. Как и место в воротах сборной СССР, куда был приглашен в конце 1979-го.

И хоть не было поворотов в сюжете, испытаний на долю Дасаева выпало, может быть, больше, чем на долю абсолютного большинства вратарей сборной. Они приходили в нее умудренные годами выступлений в клубах, соперничеством с зарубежными форвардами, пройдя обычно школу юношеских и молодежных сборных. Он пришел начинающим, по сути, вратарем, имея за спиной лишь стаж в год с небольшим игры в высшей лиге. Он не прошел еще неизбежных испытаний нелепыми ошибками и злосчастными промахами, оставляющими рубцы на вратарской душе, но ее же и закаляющими.

Он через все это пройдет вратарем сборной страны, и, значит, каждая ошибка его будет многократно множиться ответственностью любого матча—у сборной неотвественных не бывает, пристальностью миллионной аудитории, требовательностью, не знающей снисхождения, ибо в сборную приходят не учиться, а отстаивать честь всего нашего спорта. Он сумеет залечивать рубцы на душе так, что больно будет только ему одному и никто не разделит его переживаний. Он в сотни раз чаще будет выручать партнеров, чем подводить их, и за любой промах судить себя суровее самых придирчивых наблюдателей.

Никто не разделит переживаний? Нет, это не вся правда. Он пройдет школу мудрого, неподвластного годам воспитателя Николая Петровича Старостина. Он сможет оценить бесконечное доверие не знающего компромиссов, не признающего кающихся, но верящего в тех, кто мужественно изживает собственные слабости, Константина Ивановича Бескова. Он победит коварный аппендицит, с риском переберет боль перед матчем и ляжет на операционный стол лишь зимой, чтобы к марту, к матчу с мадридским «Реалом», быть в форме. Он преодолел недоверие перед чемпионатом мира—когда место в воротах, номер первый в составе вызывал наибольшее опасение, и на полях Испании встанет в ряд с лучшими футболистами мира. Единственным в нашей сборной. И это самая большая для него горечь—то, что единственным, а не вместе со всей командой.

Пройдя эту школу, он станет играть в «Спартаке» и в сборной важную роль—человека авторитетного, справедливого, умеющего сплотить кол-

лектив. И хотя вратарь не может и не должен копировать коллег, пусть и самых знаменитых, он заставит умелым выбором места в воротах вспомнить Анатолия Акимова и Льва Яшина, в стремительных полетах будет походить на Алексея Хомича и Виктора Банникова, в своей игровой манере покажет черты Анзора Кавашвили и Владимира Астаповского. И при этом будет ни на кого не похожим—когда-нибудь такой стиль игры назовут дасаевским.

Вы видите на снимке его решительный жест. И вратарская перчатка со временного производства напоминает на его руке перчатку рыцарскую.

Валерий ВИНКУРОВ

Фото
Евгения ВОЛКОВА
и Юрия СОКОЛОВА